

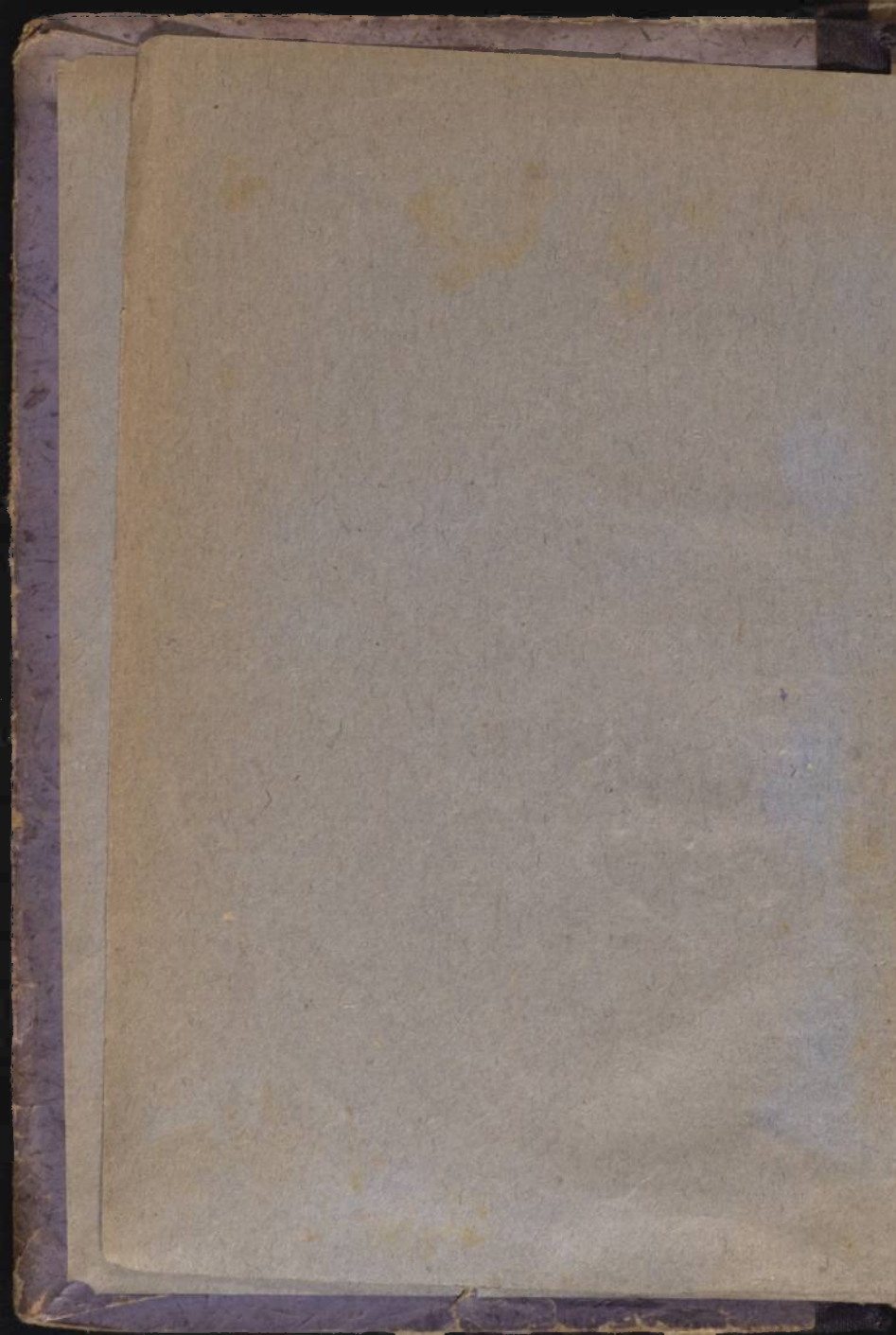
68.49(2Рос-4Туд)

0-72

19/2

BCP 552426

245

68.49 (21 в. - 4 т.)

0-72

ДМ. ОСЬКИН

0-72

68-49

~~8803~~

ЗАПИСКИ ВОЕНКОМА

5
8803
210992425550072
1/8005524260072

Тульская
областная
библиотека
им. В.И. Ленина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ»
МОСКВА
1 9 3 1

Обложка работы Бор. Титова
«Мосполиграф» 14-я типография,
Москва, Варгунихина гора 8.
Главлит № А—77508
Тираж 10.000 экз.
Фосп. № 439
Зак. № 1865.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

СТРОИТЕЛЬСТВО КРАСНОЙ АРМИИ

Тула — губернский город, в 180 верстах от Москвы, расположенный в низине, на реке Упе, центр крупнейших в России оружейных, пулеметных и патронных заводов, на которых во время войны работает до сорока тысяч рабочих. Большинство остальной промышленности подчинено интересам этих заводов. Кроме того, Тула славится самоварами.

Город, несмотря на свою близость к Москве, глухой, провинциальный, грязный, запущенный. В 1918 году по улицам города конки плетутся иногда медленнее пешехода. На улицах кучи снега лежат в ожидании теплых дней, чтобы растаять на весеннем солнышке и увеличить непролазную грязь.

Остановился в номерах Соборного. Маленькие, грязные, заплесанные номера, с бесчисленным количеством клопов, которые жадно набрасываются на свежего человека.

Но даже дрянной номер лучше, чем путешествие в поездах, когда люди едут почти друг на

друге и когда не имеешь возможности в страшной вагонной давке даже задремать.

Направился в местный Совет представиться председателю и уговориться о предстоящей работе.

Губисполком разместился на углу Киевской и Менделеевской улиц, в здании бывшего Крестьянского банка. Коридоры губисполкома полны народа. Почти против каждой комнаты хвост обывателей, пришедших одни за получением ордеров на денатурированный спирт, другие с книжками сберегательных касс за разрешением получить деньги, третьи с иными ходатайствами.

В каждом хвосте разговоры, что нет порядка, ничего не добьешься, на все нужны разрешения, хлеба мало, базары разгоняют, мешочников конфискуют.

С трудом протолкался к дверям кабинета председателя, где, сдерживая напор длинной очереди посетителей, стоит дюжий красногвардеец.

— Ты куда! — закричали на меня стоящие в очереди. — Видишь, очередь.

Не обращая на них внимания, я протиснулся к красногвардейцу.

— Мне нужно видеть председателя губисполкома, я прибыл из Петрограда.

— Пожалуйста, — ответил тот, приоткрывая дверь в кабинет.

Председатель в кабинете не один. Около стола несколько представителей заводов, энергично же-

стикулируя, докладывают об остром положении с хлебом на заводах.

Председатель — по фамилии Кауль — среднего возраста, кряжистый, с бритым лицом и совершенно гладким черепом, громким голосом, с немецким акцентом, об'яснял наступающим на него, что хлеба в продовольственном отделе нет, что на сегодняшний день отпустили все, что было, что заводам хлеб будет отпущен в первую очередь, как только подойдут новые продовольственные грузы.

Тут же он справился по телефону у продовольственного комиссара, когда ждут вагонов с продовольствием.

— Если придут к вечеру, отпустим, а нет, так ночью устроим облаву мешочников и все, что реквизируем, передадим вам.

— Вы откуда? — громко обратился он ко мне.

Я протянул свой мандат.

— Ага! Из Петрограда! Знаем мы ваших питерских: приедете, поболтаетесь несколько дней, а потом фью..., а мы работай. Что мне с вами разговаривать. У нас есть губвоенкомат, идите туда и договаривайтесь.

— Губвоенкомат губвоенкоматом, товарищ председатель; я прибыл сюда не как сотрудник губвоенкомата, а как ответственный организатор армии и хочу, чтобы вы заслушали мои соображения и оказали содействие.

— Некогда мне сейчас, — истерично прокричал Кауль, — вы видели, что в коридоре делается. У нас хлеба нет, на заводах рабочие голодают. Идите познакомьтесь с военкоматом, а потом встретимся, поговорим.

Губвоенкомат в противоположном конце города, в бывшем губернаторском доме, где мне пришлось в 1912 году добывать свидетельство о политической благонадежности.

Снаружи дом не изменился, но внутри — на площадке парадной лестницы — пулемет с дремлющим около него красногвардейцем. В нижнем этаже столовая для сотрудников и склад самого разнообразного имущества: пулеметы и винтовки, коробки патронов, пулеметные ленты, куча шинелей, снаряжения, несколько мешков муки, буханки хлеба. Все это напоминает свалку никуда не годных и никому не нужных вещей.

На втором этаже такие же очереди как и в губисполкоме, за разрешениями, требующимися от военных властей: например, на право хождения после девяти часов вечера (в городе военное положение). Здесь же справки об арестованных, возврат реквизированных во время обысков вещей.

Военный комиссар, тов. Сундуков, молодой парень, лет 22—23, в черной рубашке, подпоясанный кавказским поясом, быстро надписывал резолюции на протягиваемых ему просителями бумажках и нетерпеливо повторял:

— Следующий, следующий...

Я отрекомендовался.

— Ты посиди в соседней комнате, я через часочек освобожусь, тогда поговорим.

Там, в указанной Сундуковым комнате, за круглым гостинным столом, в мягких бархатных креслах спорили три товарища.

— Ты мне не хвастай,— говорил один,— что твой отряд силен, стоит захотеть, и я его в 24 минуты разоружу.

— Ну нет, брат, шалишь! Мои анархисты твой отряд не только разоружат, но и арестуют полностью,— горячился другой.— Мои люди умеют обращаться с пулеметами и винтовками во как!— и он сделал красноречивый жест.

— Будет вам, черти, ругаться,— примирительно молвил третий.— Будете грызться, того и гляди, контрреволюция голову поднимет.

Но спорщики продолжали перебранку. Примиритель подошел ко мне.

— Вы откуда, товарищ?

Я сказал.

— А, вот хорошо. Нам действительно пора организовать армию как следует. Вот наши командиры. Этот вот, с гривой,— показал он на плотного длинноволосого брюнета,— тов. Гневышев, командир первого тульского партизанского отряда, максималист, отличный парень, только держать себя не умеет.

— А отряд большой?— полюбопытствовал я.

— Около тысячи вместе с батареей и кавалерийской сотней. А другой,— продолжал он, указывая на второго спорщика,— тов. Уваров, председатель тульских анархистов. У них дружина, человек 500 будет. Народ шальной. Вы какой партии будете?— спросил он меня.

— Левый эсер.

— Я максималист. У нас общая основа. Тов. Сундуков тоже максималист. Вот что,— предложил он,— пойдете в столовую, пообедаем; Гриша, вероятно, еще не скоро освободится. (Гриша — это Сундуков).

Мы спустились вниз. В столовой народу немного. Нам дали жидкий суп и по фунту хлеба.

— Я потому хожу сюда обедать,— заговорил мой спутник,— что здесь хлеб дают. В других столовых лучше, но без хлеба, а тут с'ешь хлеба с горяченькой водичкой, оно и ничего...

Я подробно рассказал Титову (так звали заговорившего со мной товарища) о себе. Титов ответил мне своей биографией. Он старый туляк, участвовал в революционном движении еще до пятого года, в шестом был сослан в Сибирь, откуда вернулся лишь после Февральской революции. Выяснилось, что он знает моего брата, тоже максималиста, встречался с ним в Александровском центре. Это сразу расположило нас друг к дру-

гу. Я попросил Титова познакомить меня с руководящим составом Тулы.

— Председатель губисполкома Кауль,— начал Титов,— большевик. С первых дней Февральской революции работал в Совете депутатов в качестве председателя фракции большевиков. До революции был учителем Тульской гимназии. Деятельный, крепкий товарищ. Ты не смотри, что он кричит, когда разговаривает,— манера у него такая, а парень ничего, хороший. Председатель большевик — Копылов, интеллигент, журналист, он же ведет и местную газету «Известия тульского Совета». Человек он мягкий. Главная роль среди большевиков принадлежит не ему, а Каминскому. Это молодой парень, студент, в революционном движении участвует с гимназических лет, с 1911 или 1912 года. Умеет подойти к массам, прекрасный организатор и, надо прямо сказать, переворот в Туле совершил Каминский. Не будь его, мы поныне плясали бы под дудку меньшевиков.

— Много тут большевиков? — спросил я.

— Много... Нынче каждый солдат себя называет большевиком.

— А на заводах, среди рабочих?

— Не ахти... Тут много меньшевиков было и осталось. Тула всегда была гнездом меньшевиков. Сейчас их потрепали, они попритихли.

— Работа предстоит большая, чтобы перетаскать на свою сторону казюков-рабочих, оружей-

ников и патронников. Военный комиссар, тов. Сундуков, Гришей мы его зовем, максималист, весьма увлекающийся, храбрец, но организатор слабый. Не клеится у него дело. Молод, ну и получается, что каждый сам себе командир. Вот хотя бы Гневышев. Отряд сформировал и теперь не слушает губвоенкома.

— А кто он, этот Гневышев?

— Матрос. В Туле появился в октябрьские дни с отрядом матросов и застрял. У него в отряде около сотни матросов, часть солдат, перешедших к нему из запасных полков при демобилизации, несколько рабочих. А в общем, скажу тебе по совести, отряд нуждается в большом надзоре. Гневышев хоть и максималист, но не из устойчивых. Я являюсь руководителем тульской максималистской организации и знаю всех. Примазывается всякой дряни изрядно. Приходи к нам в комитет, там побеседуем поподробнее. Познакомлю с ребятами.

— А организация левых эсеров здесь оформлена?

— Оформленной организации нет, да мы как-то не различаем левых эсеров от максималистов. Все за едино сходит. Есть в Туле и анархисты. Я тебе показывал давеча Уварова. Шпана настоящая. Он сын попа или протоиерея, учился в духовной семинарии, потом в духовной академии. После Февральской революции сделался анархистом.

Парень не глупый, сколотил вокруг себя группку, а сейчас, когда каждая организация свой отряд формирует, он тоже создал отряд анархистов. Захватили «Посольские Номера», устроили в них свой штаб, оружия понатаскали. Во время переворота в конце ноября действовали вместе с большевиками.

Поднялись навверх. Сундукова еще не было. Титов не стал ждать, ушел к себе «в комитет».

К двум спорщикам, Гневышеву и Уварову, присоединилось еще двое.

— Чего это Сундуков вечно запаздывает,— выругался Гневышев. Обедать пора.

— Обед можно соорудить и без него,— отозвался один из новых.

— Ты сходи, притащи чего-нибудь, а у меня с собой запасец есть.—И Гневышев, из кармана своего широкого галифе, вытащил бутылку спирта. Появились стаканы, и тут же четверка; не моргнув глазом, опорожнили бутылку. Споры прекратились. Гневышев сладко зевнул:

— Я пойду к себе, с Сундуковым поговорю позже. Все равно его, чорта, не дождешься.

Я остался один. Вскоре вошел Сундуков.

— Вот спасибо, что дождались, не ушли,— были первые его слова.—Замучили. Прут, прут... с раннего утра и до глубокой ночи. И когда только мы организуемся. Буквально нет ни одного свободного часа. Вот сейчас, отпустил народ—

надо идти на заседание губисполкома. Оттуда в штаб Красной гвардии, затем в комитет...

Я попросил Сундукова помочь мне, во-первых, получить квартиру, а во-вторых,— помещение, где я мог бы развернуть свое учреждение.

И то и другое он обещал устроить.

На прощанье я задал вопрос:

— Скажите, в Военкомате среди ответственных работников есть большевики?

— Нет,— лукаво улыбнулся он,— все военное дело целиком в руках максималистов. Ты тоже левый эсер?

— Да.

— Ну вот и хорошо. Это дает нам возможность быть в равном положении с большевиками и не давать им зазнаваться. Это очень важно.

«Вот тебе на! Тут, значит, политика» — мелькнуло в голове.

Несколько дней знакомился с войсковыми частями Тулы. 75-й и 76-й запасные полки по полностью демобилизованы. Немногочисленный командный состав и хозяйственный аппарат этих частей заняты ликвидацией имущества, сдачей его в склады, подготовкой отчетности и архивов. Ежедневно на вокзале сгружается по несколько войсковых частей, вернее, их остатков, в виде полуразрушенных обозов, несколько десятков заморенных лошадей и артиллерийского имущества.

которое непосредственно с вокзала направляется в тульский артиллерийский склад.

Приемка имущества и сдача идет безалаберно. Принимают по наличности, то-есть то, что заблагорассудится сдать администрации хозяйственных частей. В одной из расформировавшихся артиллерийских частей все имущество было разделено между солдатами, и солдаты, отправляясь домой, взяли с собой, кроме своих солдатских пожитков, еще «трофеи»: кто бусоль, кто затвор от орудия или какую-либо другую артиллерийскую деталь.

В бывших Петровских казармах, превращенных в ликвидационный пункт войсковых частей, массовые делегации от окрестного крестьянского населения просят отпустить им военных лошадей. Лошади раздаются бесплатно: они в таком состоянии, что еще неделя и они падут.

Добрался и до новых частей, формируемых личными организаторами Красной армии, гвардии и партийных организаций.

В женской гимназии отряд Красной гвардии, человек 250, прекрасно вооружен, хорошо питается, люди в солдатской форме. Отряд несет службу по охране губисполкома, почты, военкомата, важнейших сооружений и военных заводов.

Красногвардейцы исключительно рабочие с местных заводов, молодежь в возрасте 18—22 лет. Почти все — большевики. Командир отряда Ваня Сундуков, молодой паренек, симпатичного вида,

очень увлекается своими командирскими функциями, но не зазнается. Вопросы администрирования обсуждаются в отряде коллективно. Но горе тому красногвардейцу, который нарушит постановление коллектива. Его немедленно изгоняют из отряда с доведением до сведения губкома о совершенном проступке и могут исключить из партии.

В помещениях чисто. На кроватях постельное белье, прекрасные одеяла. Днем постели прибраны с наименьшей опрятностью, чем это бывало в казармах мирного времени. Люди, свободные от нарядов, ежедневно ведут занятия по стрельбе и воинским уставам, стараясь заменить старые уставные выражения новыми фразами. Много времени проводится в политических беседах. Это не только казармы, но и клуб и партийная школа.

Почти ежедневно сюда заходят ответственные работники губкома, в частности Каминский, которому красногвардейцы верят неограниченно. Ваня Сундуков говорит, что отряд подчиняется только губкому, в лице товарища Каминского, и ничьих иных распоряжений выполнять не может и не станет.

Зашел в отряд Гневышева. Его артиллерийская батарея, из четырех пушек, помещается вблизи Ряжского вокзала. В батарее прекрасные лошади. Солдаты преимущественно бывшие артиллеристы. Командир батареи бывший прапорщик Куманин. В помощь ему несколько фейерверкеров (попехотному унтер-офицеры).

Занятия происходят не регулярно, хотя ежедневно все люди выходят к орудиям, делая вид, что производят учебные занятия.

Размещены по-походному, на нарах, без постельных принадлежностей. На мой вопрос Куманину, почему у красногвардейцев чисто и убрано в казармах, а у него размещение производит впечатление кочевья, он ответил, что батарея готовится в ближайшее время выехать на фронт для борьбы с Калединым. ✓

Дисциплина слаба.

Заметны комитетские настроения.

1258 ВФ 552426
6072
Пехотные части отряда Гневышева занимают продовольственный пункт и приемный покой Курского вокзала. Главное занятие этой части — в выставлении заградительных отрядов для борьбы с мешечничеством. Ежедневно наряжаются в одну и другую сторону от Тулы команды, которые останавливают проходящие поезда, обыскивают пассажиров и отбирают продовольственные припасы: муку, мясо, масло, сахар и т. д.

Путешествие в заградительные отряды солдаты рассматривают, как удовольствие, а не как службу, ибо и сытно и весело, а иногда и пьяно. Из этого же отряда назначаются патрули по городу в ночное время, из него же формируются группы для производства обысков и арестов в городе по нарядам военного комиссариата.

2

Записки воскома

Тульская
областная
библиотека
им. В.И. Ленина

Дисциплины нет. Начальники отдельных подразделений — матросы — ежедневно полупьяные.

Недалеко от военкомата в бывших казармах 12-го полка расположена красноармейская конная сотня.

— Почему сотня, а не эскадрон? — задал я вопрос комиссару.

— Эскадроны при царском строе были, — ответил он мне, — а теперь мы по-новому строим армию и старых названий не признаем. Вот почему сотня.

В отряде процентов 30 молодых рабочих, остальные в большинстве демобилизованные солдаты, среди которых настоящих кавалеристов мало. Прекрасные сами по себе лошади содержатся пре-скверно, совсем не чистятся, но зато корм им за-кладывается в количестве, какое только может с'есть лошадь.

Отряд максималистов и левых эсеров помещается в бывшей классической гимназии. Командир отряда Якушкин — левый эсер. Члены отряда, как рядовые бойцы, так и командиры, сплошь члены партии. Всего до 150 человек.

В классных помещениях в изобилии сложено оружие: пулеметы, винтовки, патроны. Общее явление: во всех отрядах Тулы оружия много и везде оно содержится небрежно, за исключением красногвардейского отряда. Понятно, Тула — центр производства оружия и его получают в любое

время, по первому требованию, в любом количестве. Кадровых солдат в отряде левых эсеров немного. Главная масса — молодежь-учащиеся.

Занятий никаких. Каждый предоставлен самому себе.

Пытался проникнуть в штаб анархистов. Не пустили. Говорил по этому поводу с Уваровым. Тот рассыпался в любезностях, обещал сделать все возможное, но в последний момент заявил, что комитет анархистов категорически возражает против осмотра их здания и отряда кем бы то ни было.

Как только наступает темнота, сейчас же мысль по ассоциации перебрасывается во фронтовую обстановку: по городу всю ночь идет непрерывная стрельба. Стреляют люди, стоящие на постах, патрули, в казармах и везде, где расположены воинские и партизанские отряды.

Лишь с рассветом стрельба прекращается, и город начинает жить как будто мирной жизнью.

Написал доклад Кагановичу о состоянии тульских частей и о тех перспективах, какие здесь можно ждать. Надо категорически распоряжением центра заставить тульский губисполком объединить отдельные разрозненные отряды в одну регулярную часть. Сейчас это — большое количество едоков, но не сколько-нибудь реальная сила. Мало того, писал я в заключении, на почве анта-

гонизма между отдельными отрядами может вспыхнуть ссора, способная окончиться чрезвычайно плачевно.

Узнав, что в клубе большевиков, в Сапуновском переулке, назначено общегородское партийное собрание, пошел на него в надежде сделать доклад о принципах формирования Красной армии.

На повестке стоял вопрос о посылке делегации на 7-ой партийный съезд. Собрание бурное. Обсуждались вопросы о Брестском мирном договоре. Выступавшие говорили о закабалении немцами России, что такой мир не передышка, а полнейшее удушение революции и т. д.

С резкой отповедью этим ораторам выступил Каминский. Я его увидел впервые. Лет 25, высокого роста, блондин, с горящими глазами. Он произнес блестящую речь, захватившую всех присутствующих. Каминский доказал необходимость полностью присоединиться к предложению Ленина о ратификации Брест-Литовского договора; говорил, что воевать с немцами в современных условиях невозможно, что армии у нас нет, кругом сплошной развал. Мужик бежит в деревню, воевать ни за какие коврижки его не заставишь и если оказывать дальнейшее сопротивление, то положение будет еще хуже.

В качестве иллюстрации состояния военной мощи страны Каминский привел тульский гарнизон.

— Посмотрите,— говорил он,— есть ли у нас хоть одна хорошая воинская часть. Что мы видим кругом? Отряд Гневышева — разве это отряд? Это банда. Отряд левых эсеров — разве это сила? Это — мальчишки. Отряд анархистов, может быть, вы считаете способным драться с немцами? Так ведь это скорее грабители, которых надо как можно скорее разогнать. Мы имеем в Туле одну-две сотни красногвардейцев, которых еле хватает, чтобы нести охрану наших учреждений.

Собрание постановило дать наказ делегатам, едущим на с'езд, голосовать в соответствии с объективными условиями и моментами, какие будут выявлены на с'езде.

На этом собрании я убедился, что Каминский в Туле пользуется исключительной популярностью и влиянием.

После обсуждения первого пункта я попросил слово. Мне дали полчаса, в течение которых я изложил сущность правительственного декрета о создании новой армии, мыслимые формы ее организации и в конце призвал к оказанию содействия по формированию новых красноармейских частей.

Воспользовавшись частью речи Каминского, где он говорил о состоянии тульского гарнизона, я внес предложение объединить войсковые части в один отряд, с хорошими руководителями, внушающими к себе доверие со стороны организации.

По моему докладу прений открывать не стали, сказав, что вопрос ясен, что армию надо организовать и поручили фракции президиума губисполкома вопрос обсудить в деталях.

Выходя из собрания, я в коридоре столкнулся с Каминским. Он протянул мне руку:

— Познакомимся, Каминский,—назвал он себя.— Я слышал о вас, но все еще не удавалось с вами поговорить. Давайте побеседуем сейчас по дороге.

Идя из Сапуновского переулка вверх по Киевской, в сторону военкомата, я изложил Каминскому свои наблюдения и выводы, к которым я пришел.

— Вы правы,—говорил Каминский.— Нам нужно скорее строить регулярную армию. То, что говорит Сундуков и другие о создании террористических отрядов, это — детские увлечения. Мне странно,— обратился он ко мне,— ведь вы тоже левый эсер, как же вы проповедуете централизованную армию, вопреки программным требованиям эсеров?

— В этом вопросе я занимаю отличную от эсеров позицию. Я считаю, что спасение и укрепление революции только в централизованной армии. Без этого Октябрьская революция долго не просуществует. Я в ближайшее время не только идейно, но и организационно отойду от эсеров.

— Вот что, товарищ Оськин,— на прощанье обратился ко мне Каминский,— военкомат мне вну-

шает чрезвычайные опасения, там нет ни одного большевика. Я думаю, что на ближайшем заседании губисполкома надо будет поставить вопрос о военкомате в целом. Надо его переорганизовать и посадить туда своих людей.

Я передал Каминскому содержание своей беседы с Сундуковым, когда последний говорил о необходимости использовать создавшееся положение для равновесия между большевиками и максималистами.

— Поставим в ближайшие дни, подавая мне на прощанье руку, повторил Каминский.

ГЛАВА II

НОВЫЙ ГУБВОЕНКОМАТ

Спустя неделю после разговора с Каминским, в Тулу прибыл большой отряд имени Всероссийского центрального исполнительного комитета. Отряд состоит из всех родов оружия: две роты пехоты, эскадрон кавалерии, четырехорудийная батарея, авиационный отряд из трех самолетов и броневой отряд с четырьмя бронемашинами.

Командир отряда Панюшкин, бывший матрос, большевик.

Прибытие отряда всполошило эсеров и анархистов. Сундуков несколько приуныл. Он убежден, что прибытие отряда ВЦИК нарочно подстроено большевиками, чтобы свести на-нет влияние левых эсеров.

Для размещения отряда заняты лучшие дома города, в частности бывшая дворянская гимназия и ряд купеческих особняков.

Дня через три после прибытия отряда созвано заседание губисполкома, посвященное обсуждению доклада военкомата.

На заседание собрались не только члены губисполкома, но и ответственные, активные работники города.

Докладывал Сундуков.

Он долго говорил об общих задачах, лежащих на военкомате, об организационных формах, установленных циркуляром главковерха Крыленко, изданным последним в январе месяце. Говорил, что теперь в центре имеется Всероссийская коллегия по организации Красной армии, которая разрабатывает типовое положение для вновь организуемых войсковых частей, в частности ожидается такое типовое положение и в губернском военном комиссариате.

Переходя к характеристике войсковых частей, Сундуков представил их, как идейные революционные отряды, способные к самоотверженной борьбе с контрреволюционными силами. Особенно похвалил отряд Гневышева и людей эсеровской дружины. В заключение Сундуков коснулся принципиальной установки в вопросе об организации армии.

— Я не разделяю,— говорил он,— в этом вопросе точки зрения большевиков, что нужно со-

здавать централизованную армию. Я целиком солидаризируюсь с точкой зрения моей партии, что должны быть децентрализованные войсковые соединения, опирающиеся на поддержку общественных организаций, гибкие, подвижные, партизанского типа. Те директивы, которые сейчас исходят из центра, идут в разрез со взглядами руководителей губвоенкомата,—это я сейчас заявляю открыто для того, чтобы губисполком мог сделать вывод и наметить, какой линии держаться в вопросе строительства новых вооруженных сил.

Речь Сундукова произвела невыгодное впечатление. Было ясно, что работа в военкомате велась в духе левых эсеров, и рассчитывать на идейное руководство губвоенкомата в деле построения новых красноармейских частей нельзя.

Председательствовавший Кауль дал для содоклада слово мне. Мой содоклад находился в полном противоречии с основным. Я констатировал неустойчивость и никчемность существующих разрозненных партизанского типа отрядов, отсутствие в них какой-либо дисциплины. Указывал на гибельность для военного дела децентрализованного способа управления. Решительно протестовал против проявившихся со стороны губвоенкомата тенденций к коллегиальному обсуждению вопросов военного распорядка и учебы. Комитеты должны уйти в область прошлого. Комитеты были важны для разложения старой армии и являются

вредными при строительстве новой армии, имеющей задачей стоять на страже завоеваний революции.

Выводы: надо, во-первых, изменить руководство губвоенкоматом, и, во-вторых, свести отдельные разрозненные отряды в одну регулярную часть, по окончании формирования которой можно приступить к созданию следующих частей и, в-третьих, широко поставить вербовочную работу среди рабочих и беднейших крестьян.

По докладу и содокладу открылись горячие прения. В числе первых выступавших были преимущественно левые эсеры, которых на заседании присутствовало не менее десятка. Стержнем прений был вопрос о принципе формирования новой армии. Выступавшие после эсеров большевики говорили, что места для принципиальных обсуждений о формировании армии быть не может. Принципиальная установка сделана правительством. Дело же местных организаций выполнять распоряжения, диктуемые центром.

Большинство выступавших согласилось с моей оценкой существующего положения дел, дополняя указаниями на возможные эксцессы со стороны недисциплинированных частей, особенно такого типа, как части Гневывшева.

В конце прений выступил Каминский. В яркой речи он ядовито высмеял принципиальную установку Сундукова и его товарищей. Обобщив пре-

ния, он резюмировал таким образом, что надо немедленно реформировать губвоенкомат, что надо сейчас же, не теряя ни одного дня, приступить к созданию действительных революционных красноармейских частей, что надо широко пропагандировать среди рабочих Тулы и в уездах о роли и задачах формирующейся Красной армии.

Кауль после закрытия прений предложил, прежде чем приступить к голосованию предложений, обсудить их по фракциям.

Объявили часовой перерыв.

Будучи формально левым эсером, я вышел вместе с группой Сундукова в другую комнату. В коридоре Сундуков грубо бросил мне:

— Ты зачем с нами идешь? Ты централистскую точку зрения разделяешь, ну и оставайся с ними.

В это время из комнаты большевиков вышел Кисляков и предложил мне пойти покурить.

— Чего ты с ними, парень, путаешься? Я думал, что ты давно порвал с эсеровщиной. Пойдем на фракцию большевиков.

— Неудобно, я ведь не большевик.

— Э... не большевик. Все ребята знают прекрасно, как ты ведешь работу, и меня послали нарочно, чтобы тебя вызвать.

— Если так, то пойдем.

На заседании фракции Каминский открыто высказал свой взгляд, которым он делился со мной еще несколько недель тому назад.

— Сундукова и Гневыхева надо немедленно снять,— говорил он.— Военный комиссариат сейчас является штабом тульских левых эсеров. Необходимо сейчас же посадить туда других товарищей, которым поручить произвести серьезную чистку комиссариата и повести работу по-новому. Я должен здесь сказать, что мы до сих пор медлили с этим вопросом лишь потому, что у нас не было никакой реальной силы, которую можно было бы противопоставить максималистам, и лишь теперь, с прибытием отряда ВЦИК, одно появление которого сразу заставило поскромнеть и прикусить языки эсеров и максималистов, мы можем немедленно произвести необходимую реорганизацию. Я предлагаю,— произнес в заключение Каминский,— сформировать военную коллегия в таком составе: тт. Оськин, Панюшкин, Глаголев.

Речь Каминского не вызвала никаких возражений со стороны присутствующих на фракции, за исключением вопроса о составе коллегии.

— Как же ты говоришь, Каминский,— заявил Алексеев, заместитель председателя организующейся губчека, старый большевик, рабочий,— что надо эсеров и максималистов совершенно исключить из военкомата, а в то же время ты предлагаешь в коллегия Оськина, который, как мне известно, тоже левый эсер.

— Оськин здесь присутствует,— ответил Каминский,— мы его все уже достаточно знаем,

теперь такой же левый эсер, как и ты, Алексеев.

Я поднялся, попросив разрешения выйти, пока будет обсуждаться вопрос о составе коллегии военкомата и обо мне в частности.

— Куда уходить, сиди тут; эка важность, что малость ругнут. Тут стесняться твоего присутствия не будут.

Кисляков сделал сообщение о том, как он встретился со мной в полку, в каких условиях и дал такую характеристику, что я готов был забраться под диван, на котором сидел, чтобы только не слышать, как он восхвалял мою деятельность.

— По-моему ясно,— заявил Каминский, председательствовавший на фракции,— обсуждать вопрос об Оськине не следует, надо утвердить его председателем коллегии.

— Я предлагаю Каминского председателем военной коллегии,— заявил Алексеев,— а Оськина членом или заместителем.

— Нет, я решительно отказываюсь,— возразил Каминский.— Во-первых, мне некогда, во-вторых, работа требует каждодневного и каждочасного присутствия на месте, а в-третьих, какой же я военный.

В свою очередь, я внес предложение, чтобы Каминский был председателем коллегии.

— Назначение Каминского военным комиссаром положительно повлияет на настроение рабочих,

сочувствующих Советам, они его знают и мне легче будет вести вербовочную работу, а кроме того, я считаю крайне полезным иметь в составе военкомата человека, который осуществлял бы от имени губкома политическое руководство.

— Что же, это правильно,— сказал Каминский.— Только я думаю, что из меня военный комиссар получится плохой, а вот членом коллегии с функциями такого политического руководства назначить, пожалуй, следует.

Утвердили.

Включение в состав Панюшкина не вызвало никаких возражений.

Алексеев внес еще предложение. Сейчас, когда в городе царят безобразия от недисциплинированных гневывшевского и эсеровского отрядов, было бы хорошо назначить еще одного члена коллегии военкомата, который ведал бы исключительно вопросами гарнизонной службы.

— Я считаю,— говорил Алексеев,— что было бы хорошо назначить начальником гарнизона товарища, опирающегося на реальную вооруженную силу. Такой товарищ должен быть из отряда Панюшкина.

— Панюшкин, ты кого можешь указать?

— Агапова, он казначей отряда, член партии. бывший прапорщик, знает гарнизонную службу,

— Ну, Агапова, так Агапова.

Таким образом, состав военной коллегии опреде-

лился следующий: председателем — я, членами коллегии — гг. Каминский, Панюшкин, Глаголев, Агапов.

— Мы свое решение вынесли. Как эсеры? Товарищ Коган, — обратился Каминский к секретарю, — узнайте, скоро ли они там.

Коган вернулся через минуту с сообщением, что фракция левых эсеров закончит обсуждение минут через десять.

Объявили перерыв.

После перерыва открывшееся заседание губисполкома началось речью — декларацией Сундукова.

— Фракция левых эсеров постановила, — с некоторым пафосом и торжественностью начал Сундуков, — отозвать своих представителей с работы в военкомате.

— Первое мудрое решение за все время существования фракции левых эсеров приходится слышать на заседании губисполкома, — ядовито с'иронизировал Каминский. А фракция большевиков предлагает: 1) заявление фракции левых эсеров принять к сведению и 2) утвердить следующий состав коллегии военного комиссариата (зачитывается вышеприведенный список).

Председатель Кауль ставит на голосование резолюцию о составе коллегии военного комиссариата:

«Губисполком, заслушав доклад военного комиссара товарища Сундукова и обращение

фракции левых эсеров и максималистов с заявлением о выходе их членов из состава губвоенкомата, постановляет просьбу фракции эсеров и максималистов удовлетворить. Коллегию губвоенкомата утвердить в следующем составе: председателем Оськин, членами коллегии — Каминский, Панюшкин, Глаголев и Агапов».

— Голосую — кто за это предложение? — Поднимаются руки большевиков. — Кто против? Никого. Кто воздержался? Левые эсеры и максималисты.

На следующий день с раннего утра зашел в губком к Каминскому, дабы условиться о порядке приема дел военкомата.

— Пойти туда вместе, — заявил Каминский. — Там виднее будет.

Сундуков был уже на месте. Он встретил нас ироническим возгласом:

— Новые комиссары. Нате вам реликвию, — протянул он печать военкомата, — и всего хорошего, я ухожу.

Каминский в течение всего дня сидел неотлучно вместе со мной в кабинете Сундукова, принимая посетителей, хвосты которых были весьма длинны.

— Давай так, товарищ Оськин, — в конце дня говорил Каминский, — ты веди все дела здесь один. Если по каким-либо вопросам нужен будет мой совет или помощь, звони по телефону. Я больше здесь бывать не буду. Если надо уст-

роить заседание коллегии, назначай время. На заседания приезжать обещаю.

Для того, чтобы дела повести по-военному, я решил ввести в практику отдачу ежедневных приказов по военкомату и по гарнизону. Нужно было отдать приказ № 1 о вступлении новой коллегии. Никогда я не занимался в военных канцеляриях. Перепортил не один десяток листов бумаги, прежде чем удалось сформулировать приказ на военный образец.

По телефону передал его содержание Каминскому. Тот одобрил. Тогда смело подписал и отдал напечатать в «Известия губисполкома».

Через день устроили заседание коллегии, на котором распределили функции. Я веду непосредственно всю работу по организации военкоматов, как своего губернского, так и уездных. Панюшкин ведет оперативную работу, являясь своего рода командующим вооруженными силами губернии, работая главным образом на продовольственном фронте. Глаголев — инспекторско-контрольная работа — следит за хозяйством войсковых частей, за правильностью его ведения, ибо от степени постановки отчетности зависит внутренняя дисциплина части, а от дисциплины и военные знания. Агапов — начальник гарнизона, ответственный в своей работе перед председателем военной коллегии. Каминский — без портфеля — главный политический руководитель всего военного дела.

Это историческое заседание военной коллегии не было оформлено каким-либо протоколом, и лишь вечером, вернувшись к себе на квартиру, я, как и накануне, написал приказ, в котором изложил распределение обязанностей между членами коллегии военкомата и послал этот приказ для напечатания в газету.

Теперь большая задача — сформировать комиссариат так, чтобы он действительно был военным учреждением, чтобы каждый человек стоял на своем месте, выполнял определенные функции, без параллелизма с другими. Основная задача аппарата — это формирование новых частей. Приток добровольцев довольно слабый. Несмотря на объявленные довольно удовлетворительные условия службы в Красной армии, на вербовочные пункты являются люди мало подходящие.

О моем назначении председателем военной коллегии или, иначе говоря, губвоенкомом написал товарищу Кагановичу, указав, что теперь вести работу по Калужской губернии уже не смогу и прошу ограничить мою работу Тульской губернией.

Сформированный Сундуковым аппарат военкомата я застал в таком виде:

Общий отдел возглавляется правым эсером, теперь беспартийным, бывшим офицером — Пятницким.

Пятницкий производит впечатление большого пройдохи, типа военного чиновника, выдавшего всякие виды. Он просидел всю войну в тылу. В начале революции сделался членом солдатской секции тульского Совета, чем гарантировал себя от отправки на фронт.

В начале формирования комиссариата и демобилизации части, в которой он служил, он сделался заведующим общим отделом, сосредоточив в своих руках все нити административного руководства военкомата.

В общем отделе несколько человек бывших полковых писарей, прекрасно знающих делопроизводство канцелярии.

Санитарный отдел возглавляет доктор Берлин, способный администратор, но не представляющий себе функций санитарного отдела в системе губвоенкомата. До сих пор он возится с ликвидируемися военными лазаретами и госпиталями.

Берлин откровенно сказал, что должность заведующего санитарным отделом он принял только затем, чтобы на этой должности не оказался человек, который мешал бы работе эвакуационного пункта и существующих госпиталей.

Во главе отдела вооружений стоит молодой человек, бывший оружейный каптенармус 76-го запасного полка — Семенов, который все свои функции сводит к выдаче оружия сотрудникам военкомата.

На отделе транспорта—товарищ Игнатьев, один из членов солдатской секции тульского Совета. Функции транспортного отдела он понимает, как непосредственное заведывание перевозочными средствами губвоенкомата. Другими словами—старший конюх.

Отдел снабжения возглавляется товарищем Васильевым. Он выполняет свои обязанности, заключающиеся в удовлетворении обмундирования сотрудников военкомата и в отпуске со склада вещей для пары формирующихся сотен,—прилично. Но задачи снабжения гарнизона и губернии он себе не представляет совершенно.

На отделе продовольственного снабжения—товарищ Гусаров, бывший чиновник военного времени, набивший себе руку в продовольственных вопросах за время своей службы в гарнизонном продовольственном магазине. Гусаров, в общем, правильно представляет себе задачи продовольственного снабжения гарнизона. Отдел продовольственного снабжения слит с военной частью тульского губпродкома, к которому постепенно переходит все дело обеспечения продовольствием войсковых частей Тулы.

Вербовочный отдел отсутствует. Его функции несу я.

Руководства, инструкций, указаний из центра не имеется. Надо все дело ставить по собственному разумению. В военном комиссариате ни одного

специалиста. Пятницкий специалист лишь по делопроизводству.

Сказал Каминскому об архитязелом состоянии дела.

— Привлекай специалистов,— говорит Каминский,— ты знаешь тульских бывших офицеров, выбирай наиболее честных.

— Легко сказать: выбирай.

Во второй половине марта в Тулу прибыл с фронта для демобилизации одиннадцатый полк, привезший с собой большое имущество и сохранивший в своем составе много бывших офицеров. У меня явилась мысль использовать кадры и материальную часть этого полка на формирование первого Тульского Советского полка Красной армии. Тотчас же поделился этой мыслью с Каминским.

— Очень хорошо,— ответил тот.— Только надо тщательно профильтровать личный состав.

Поехал в полк, созвал часть бывших офицеров, которые на мой взгляд лояльны к советской власти, сообщил им мои намерения о переформировании одиннадцатого полка в 1-й Тульский Советский полк.

Первым заговорил бывший капитан Максимов.

— Я думаю,— начал он,— что выражу общее мнение: ваше предложение является для нас в выс-

шей степени заманчивым. Едучи в Тулу, мы не предполагали, что так быстро может разрешиться вопрос о нашей дальнейшей судьбе. Ведь мы профессионалы военные, никакого другого дела не знаем, а к гражданской работе надо привыкать с большим трудом. Я лично за себя, и думаю, что и за всех остальных, со всей ответственностью и серьезностью заявляю о полнейшей готовности отдать свои знания и силы на службу новой армии, советской. Мы сможем сформировать такой полк, который не будет ни в чем уступать бывшему 11-му. Мы располагаем основным костяком командного состава, прекрасно слаженным хозяйственным аппаратом, готовой канцелярией, материальной базой. У нас свыше ста лошадей, хорошо сохранившийся обоз, большие вещевые запасы, которых хватит на полк военного времени, что-то около 3 000 комплектов обмундирования, обуви и снаряжения. Есть и оружие. Берите нас, и пусть полк, который имеет историю свыше 200 лет, и впредь будет серьезной боевой единицей при новом государственном строе.

Следующим выступил Степанов.

— Я думаю, что ваш план для нас хорош. Мы будем работать за Советы. Я вам чистосердечно, как бывшему боевому товарищу, заявляю: у меня нет никаких сомнений в целесообразности служения советской власти. Я готов, хоть сегодня же, перейти на работу в советскую армию и вести

работу так же честно, как вел ее в 11-м полку. Заметьте, что в 11-м полку из старых кадровых офицеров остались только я да Максимов. Остальные—или молодые прапорщики, или произведенные из унтер-офицеров и из фельдфебелей, в надежности которых советская власть сомневаться не станет. Кадровые же офицеры, которых солдаты называли «зубрами», как Савицкий, Измайлов и др., из полка удрали давно.

Выступило еще несколько молодых офицеров в том же тоне.

В заключение совещания я об'явил, что мною будет издан приказ: 11-й полк считать расформированным с обращением его личного состава и материальной части на формирование 1-го Тульского Советского полка. А вопрос о распределении должностей, о назначении командира—мною будет обсужден с местными организациями, после чего я их поставлю в известность.

С прибытием в Тулу 11-го полка, работа губвоенкомата пошла легче.

В самом военкомате функции несколько сократились, в частности отпало производство всякого рода обысков, арестов и т. д., ибо уже организовалась губчека.

Вместо Пятницкого на должность управляющего делами пригласил Коганина, бывшего подполковника, которого солдаты уважали, как добросовестного и честного офицера.

Коганин в первые годы своей службы был полковым адъютантом, в бумажных вопросах разбирался быстро, распоряжения выполнял аккуратно.

Создал я агитационно-просветительный отдел, обязав его ставить всякого рода лекции, доклады, сообщения как на злобу дня, так и просветительного характера: устраивать спектакли, концерты, организовывать школы, библиотеки, — словом, вести широкую культурную и политическую работу среди войсковых частей.

Во главе агитационно-просветительного отдела поставлен тов. Моросанов, человек с марксистской подготовкой, сочувствующий большевикам.

Во главе снабжения стал Максимов, бывший начальник хозяйственной части 11-го полка. В состав отдела снабжения вошли: подотдел денежного довольствия для снабжения всех частей и учреждений, расположенных на территории Тульской губ., денежными средствами; артиллерийский подотдел — с функциями артиллерийского снабжения частей, военных учреждений губернии и инспектирование за состоянием и сбережением находящегося в частях и учреждениях артиллерийского имущества; инженерный подотдел — с аналогичными функциями; строительный подотдел — с функциями учета и наблюдения за состоянием казарменных зданий, занимаемых войсковыми частями и военными учреждениями, ремонт их, обеспечение казарменным инвентарем, канализацией, водоснабжением, осве-

щением и вообще коммунальными услугами; продовольственный подотдел с задачами продовольственного снабжения всей губернии. Затем подотделы: вещевого, обозный и конский.

Получилось нечто вроде отдела снабжения армии, который руководит в вопросах снабжения всеми частями и учреждениями; следит за своевременной обеспеченностью и принимает меры к своевременному получению необходимого имущества и денежных средств от центра и распределяет полученное.

И, наконец, последний отдел—организационно-инструкторский. К обязанностям этого отдела относится организация новых частей и учреждений, разработка штатных норм, типовой структуры, подбор личного состава, подготовка материалов для аттестационной комиссии, через которую должен проходить командный состав, прежде чем быть назначенным в войсковую часть. На обязанности этого же отдела лежит разработка учебных планов и программ занятий в войсках, инструктирование и инспектирование постановки всего военного дела.

Вскоре нами были получены штаты губернских, уездных и волостных военкоматов, разработанные в Москве. Схема штатов совпадала с тем, что разработали мы у себя в Туле. Число же людей, предусмотренное по центральным штатам, резко расходилось с нашим. Для иллюстрации приведу волостной военкомат. Мне, работавшему до при-

зыва на военную службу в волости, знавшему постановку военного учета волостными правлениями запасных солдат, присланные штаты показались совершенно дикими. Если в мирное время в волостных правлениях волостной писарь с одним, максимум с двумя мальчиками справлялся со всей суммой вопросов, возлагаемых на волостное правление, и если в мирное время на военную работу, т. е. на работу по учету запасных солдат, а также лошадей и повозок, волостной писарь, затрачивал в среднем не более одного часа в неделю, то присланные Москвой штаты содержали не много, не мало, как от 15 до 23 человек.

Вот самые штаты:

Военный руководитель, при нем два военных комиссара — 3.

Старших делопроизводителей	от 3— 5 человек
Младших	от 3— 5 »
Переписчиков	от 4— 8 »
Уборщиков	1
Курьеров	1

15—23

Штаты уездного военкомата, об'ем работы которого не может превышать обслуживание одной, максимум двух рот, насчитывали около ста человек, а губернский в три раза больше.

Невольно являлась мысль, что авторы штатов сознательно стремятся поставить Советскую Республику в такое положение, чтобы стране не хва-

тило не только военных, но и вообще интеллигентных людей для замещения одних военных должностей в волостных комиссариатах.

По моему докладу президиум губисполкома признал возможным штаты волостного комиссариата сократить в десять раз, а именно:

Военный руководитель, он же и делопроизводитель — 1. Переписчиков — 1. А вместо двух военных комиссаров при военруке назначить комиссаром председателя волостного совета по совместительству.

Да и эти штаты были введены лишь потому, что требовалось отдать дань времени. На самом же деле в волости требуется максимум один переписчик.

ГЛАВА III

ОТРЯД — ЗАВЕСА¹

В губисполкоме получено сообщение из центра, что в Тулу прибудет штаб отряда-завесы Тульского района.

¹ В начале 1918 г. решением Высшего военного совета республики было начато формирование новых регулярных полевых войск, предназначенных для охраны границ республики от внешних врагов. Эти формирования получили название отрядов-завес. Отряды-завесы были созданы в первую очередь по западной границе, потом в Московском районе. Один из таких отрядов предполагалось формировать в Тульской губ.

Во главе отряда стоит военный руководитель и при нем два военных комиссара. На обязанности штаба будет формирование Тульской дивизии в составе трех бригад, по три полка. При дивизии специальные части: артиллерийские, инженерные и авиация.

Губисполкому предлагается оказывать содействие штабу отряда в деле подбора военных специалистов, в отводе необходимых помещений и т. д.

Вскоре прибыл и военный руководитель отряда, бывший генерал Суворов. С ним вместе ряд штабных офицеров, все бывшие полковники, подполковники, капитаны. Всего около 20 человек.

Под квартиру Суворову отведен большой особняк на Дворянской улице.

Спустя несколько дней после прибытия, Суворов попросил приема у Каминского.

Часов в 11 утра в губисполкоме появилась группа бывших офицеров во главе с Суворовым, одетых в офицерские шинели, со следами спортовых погон.

Суворов пред'явил мандат, подписанный председателем Высшего военного совета республики Трощим.

— Я прошу вас, товарищ председатель,— говорил Суворов,— об оказании содействия как здесь, в городе Туле, так и в уездах. Мы в ближайшие дни командирuem в уезды Ефремовский, Белев-

ский, Одоевский кадры тех войсковых частей, которые предназначены к формированию в Тульской губернии.

На мой вопрос, как мыслит себе Суворов разграничение функций с военкоматом, последний заявил:

— Губвоенкомат занимается формированием местных войск, т. е. войск, предназначенных для обслуживания интересов исключительно губернии. Это — караульные войска, продовольственные отряды. Что же касается полевых войск, предназначенных для борьбы с внешними врагами, то такие формируются исключительно штабом отряда и находятся в централизованном управлении. На обязанности военкомата будет лежать направление вербуемых в Красную армию добровольцев к нам. Я полагаю, что мы с вами встретимся отдельно и детально переговорим, каким образом военкомат будет выполнять функции питания формируемых частей людьми.

Председатель губисполкома подчеркнул полную готовность местных властей к всемерному содействию штабу отряда, отметив, что распоряжения центральной власти в области формирования Красной армии губисполком считает для себя непреложным законом.

Дня через два после этого, я часов в десять утра отправился к Суворову. При входе в особняк я был встречен швейцаром. ✓

— Вы к их превосходительству?— обратился он ко мне.

— К военному руководителю Суворову.

— Прошу пройти в приемную. Их превосходительство завтракает.

В приемной, большой комнате, я застал группу офицеров, ожидавших выхода Суворова. Среди ожидающих увидел бывшего полковника Хохолькова, Савицкого, произведенного в полковники в 1917 году, бывшего на фронте моим ротным командиром.

— Вы к Суворову наниматься?— шутливо обратился я к ним.

— Нет, не наниматься,— ответил Хохольков,— нам предложено зайти по вопросу о возможном использовании нас при формировании новых полевых частей.

Слово «полевых» им было особенно подчеркнуто.

Вышел Суворов. Присутствовавшие в гостиной офицеры вскочили, вытянулись по-военному во фронт. Мне стало неловко, ибо я один остался сидеть за круглым столом. Увидев меня, Суворов сразу подошел с протянутой рукой.

— Одну секунду, товарищ Оськин, я сейчас. Я попрошу вас, господа,— обратился он к присутствующим офицерам,— подождать минут 10—15, пока я переговорю с губвоенкомом. Я слышал о вас, товарищ Оськин,— начал он, когда мы усе-

лись в кресла его кабинета,— что вы бывший офицер.

— Да, я офицер военного времени.

— Очень приятно, это даст нам возможность иметь общий язык. Вы знаете, как трудно разговаривать с новыми военными людьми, которые не прошли старой школы. Курите,— и он пододвинул мне коробку с сигарами.

— Благодарю вас. Курю, но только папиросы.

Я достал из кармана коробку с папиросами и закурил о протянутую мне Суворовым спичку.

— В Москве Высший военный совет республики,— начал Суворов,— окончательно установил принципы формирования новых частей. Местные совдепы,— слово «совдепы» Суворов произнес с еле уловимым презрительным оттенком,— как я уже вам говорил в губисполкоме, формируют местные части. Комиссариаты — это учреждения, которые до известной степени похожи на управления бывшего воинского начальника. Их задача — учитывать военно-обязанное население, лошадей, повозок, упряжь, проводить мобилизацию. Несомненно, мобилизации придется впоследствии проводить, так как добровольческая система долго не продержится, а до тех пор производить вербовку добровольцев. Вербуемые добровольцы должны распределяться на две категории: категорию способных нести службу в военно-полевых частях, их надо немедленно передавать на уком-

плектование полевых частей; и тех, кто по состоянию здоровья или моральному качеству годен нести нестроевую службу,— из этих комплекуются местные части. Наши взаимоотношения ясны. Вы вербуете добровольцев и передаете их нам. Мы формируем полевые части по инструкциям центра и распоряжаемся ими, сообразуясь исключительно с военными задачами. Я слышал, что вы уже начали формировать полки. Для меня это очень приятно, ибо эти полки должны быть влиты в формируемую мною дивизию. Понятно, с некоторым отбором. Вы из них возьмете все непригодное для полевой службы в свои караульные части. Потом я вас попрошу,— продолжал Суворов,— сообщить мне о составе на учете командном составе, который я должен буду использовать для комплектования кадров формируемой мною дивизии.

Система формирования, изложенная Суворовым, для меня была ясна. Непонятно лишь: почему по линии военкомата и губисполкома нет указаний о таком разграничении.

— Видите ли, товарищ военный руководитель,— начал я.— Для того, чтобы дело пошло гладко, надо, чтобы не было параллелизма в формировании. Мне придется обратиться за указанием к своему начальству, ибо военный комиссариат, подобно вашему штабу, в свою очередь, является централизованной организацией, правда, одновре-

менно являясь и частью местного Совета. Волостной военный комиссариат выполняет указания уездного, уездный — губернского, мы подчиняемся окружному военному комиссариату или штабу округа, как называется окрвоенком. Для того, чтобы у нас была согласованность, мне надо получить соответствующие директивы от окружного военного комиссариата.

— Вы их, несомненно, получите,— заверил Суворов.— При моем отъезде из Москвы военный руководитель Московского района генерал Байев меня заверил, что необходимые указания по линии окружных комиссариатов будут сделаны немедленно. Я немного удивлен, почему их до сих пор нет. Мне бы хотелось... Простите, как ваше имя, отчество?

— Дмитрий Прокофьевич.

— Мне бы не хотелось, Дмитрий Прокофьевич, чтобы от бумажной неслаженности не пострадала срочность моего дела. Вы запросите, если это так надо, штаб округа, а тем временем будьте любезны сделать распоряжение о подготовке к переходу формируемых вами двух полков в состав моей дивизии.

— Я снесусь по прямому проводу, это будет очень быстро,— ответил я,— и, в зависимости от полученных указаний, отдам то или иное распоряжение.

На этом беседа с Суворовым кончилась.

Прощаясь, Суворов проводил меня до выходной двери из квартиры и выразил желание захватить мне в военкомат.

«С ответным визитом, что ли?» — подумал я.

Проходя через приемную, заметил, что число офицеров, прибывших на прием к Суворову, увеличилось.

Закрывавший за мной дверь швейцар полюбопытствовал:

— Насчет работы к их превосходительству? Очень много их превосходительству нужно господ офицеров.

От Суворова направился в губком, рассказал Каминскому о моем визите генералу и содержание разговора.

— Мне не нравится, — говорил я, — поползновение забрать формируемые нами части, не потому, что хочу обязательно сам формировать, а потому, что я не вижу, чтобы штаб отряда-завесы сумел сформировать действительно крепкие, дисциплинированные части. Если сейчас, через полгода существования советской власти, у него сохраняется «ваше превосходительство», то рассчитывать на выдержанность частей при старом офицерском составе вряд ли возможно. Я думаю, правильно будет так: Суворов пусть формирует сам по себе, а мы сами по себе. В зависимости от успешности и качества потом будет решено кому это дело передать полностью.

— Верно, Оськин, — согласился Каминский. — Нам упускать из своих рук военные силы нельзя. Иметь у себя только караульную роту или продовольственный отряд — это значит полностью зависеть от старого генералитета. Мы на это не пойдем. Ты поговори с округом, а губком в свою очередь переговорит с кем следует.

Разговор по прямому проводу был недолог:

— Никакой передачи формируемых вами частей штабу отряда-завесы не производить без приказа на то округа.

Начавшаяся было тяга ко мне бывших офицеров тульского гарнизона, с прибытием штаба завесы, резко сократилась. Бывшее офицерство вереницей потянулось в штаб Суворова. И не мудрено: штаб отряда установил содержание командному составу в два раза больше, чем в моих полках, ибо формируемые Суворовым части считались как бы частями фронтовыми, а на фронте, по обыкновению, содержание удваивалось. Аппетит бывших офицеров привлекали и другие льготы, например, получение фронтового пайка лично для себя, а также и для членов семьи, между тем как в моих полках паек давался только на лицо непосредственно служащее, да вдобавок по тыловой норме.

Через короткое время ко мне в военкомат стали являться «командиры» формируемых Суворовым частей. Сколько их перебивало! Командир артиллерийского тяжелого дивизиона, мортирного дивизи-

зиона, гаубичного легкого, кавалерийского, командир конского депо, заведующий дивизионным госпиталем, заведующий дивизионным перевязочным отрядом, командир бомбометного дивизиона и т. д. и т. д.

Все они бывшие полковники и подполковники, одетые в форму мирного времени, лишь без погон. Каждый из приходящих командиров обращался с просьбой о двух вещах: об отводе помещения для формируемой части, а всего в дивизии чуть ли не сорок отдельных частей, и о зачислении их на довольствие при военкомате, по фронтовой норме, до тех пор (так они мотивировали), пока не сформируется отдел снабжения при дивизии Суворова с централизованным снабжением их непосредственно из Москвы.

Я приказал Агапову, начальнику гарнизона, потребовать от штаба Суворова список формируемых им частей, который он должен был дать на основании устава гарнизонной службы, с указанием численности этих частей.

Представленный список чрезвычайно любопытен. Частей было ровно столько, сколько их положено иметь по штату новой стрелковой дивизии, начиная от автомобильного отряда для обслуживания штаба отряда и кончая авиационно-разведывательным отрядом и истребительным. Упоминаются даже броневики и колонны танков.

Что же касается численности, то каждая часть насчитывает от 3 до 10 человек, т. е., другими словами, в составе каждой части были только: командир, заведующий хозяйством и два-три солдата-денщика для их обслуживания.

По положению о военном руководителе, при нем должны состоять два комиссара. Но до сих пор, несмотря на двухнедельное пребывание Суворова в Туле, ни одного комиссара я не видел. Навел справки. Оказывается, что пока имеется один комиссар Вьюков, нето студент, нето бывший юнкер, неопределенной партийности. Предложил ему зайти ко мне.

В ответ получил сообщение по телефону, что Вьюков не считает себя обязанным бывать у губвоенкома, что он непосредственно подчинен штабу отряда — завесы Московского района, здесь же обязан лишь поддерживать контакт с местным Советом.

Пришлось сообщить об этом Каминскому.

Каминский обещал вызвать Вьюкова и дать нахлобучку, если он член партии, а также поставить на ближайшем заседании бюро губкома о назначении второго комиссара, как представителя Тульского губисполкома. В частности спросил меня, не соглашусь ли я взять на себя функции второго комиссара, на что я был вынужден ответить, что соединение губвоенкома с ролью комиссара при штабе отряда-завесы для дела будет

вредно, так как заставит меня по необходимости, в силу комиссарской ответственности, заняться делами отряда — завесы в ущерб делам военкомата.

— Лучше будет, — говорил я, — если я стану наблюдать за деятельностью штаба со стороны, для чего у меня достаточно средств.

Каминский не возражал.

На одном из заседаний военной коллегии я сделал доклад о необходимости немедленно приступить к формированию регулярных частей.

Создать кадр нового Советского полка на базе уже готового старого Псковского полка — не трудно. Основной кадр командиров имеется. Хозяйство в полном порядке. Канцелярия налажена. Надо лишь назначить такого командира полка, который смог бы в наших современных условиях повести энергичную работу.

«Степанов не подойдет, — думал я. — Вял он, хотя и производит впечатление честного человека». Выбор остановил на бывшем капитане Вишневском, занимавшем ранее в полку должность начальника пулеметной команды, а затем командира батальона.

Вишневский — еще молодой, кадровый офицер, вышел на фронт поручиком, в качестве начальника пулеметной команды. На фронте долгое время занимал эту должность. Затем командовал

ротой, а с конца 1916 года был командиром второго багальона. Человек выдержанный, могущий заставить повиноваться себе. Сам выходец из мелкой чиновной семьи, не имевшей никакой собственности.

Вызвав Вишневого, я предложил ему занять должность командира. Мое предложение польстило ему. Профессиональное чувство и стремление к военной карьере сказались.

Комиссара к нему, по соглашению с губкомом, назначил матроса Петрова из отряда Панюшкина. Парень, правда, несколько грубоват. Свел его с Вишневым. Они в моем присутствии поговорили о лежащих перед ними задачах, о методах внедрения дисциплины и, как мне показалось, друг против друга ничего не имели.

Труднее было ликвидировать мелкие отряды и заставить их влиться в полк. Конная сотня, о которой я уже говорил, и несколько пехотных сотен вошли на укомплектование полка без возражений. Правда, конная несколько побузила. Пришлось самому выезжать в казармы и разъяснять, что для них будет лучше, если вольются в состав полка в качестве конной команды разведчиков. Пообещал им хорошее обмундирование, красные штаны и кавалерийские фуражки.

Предложил Вишневскому оставить нынешнего начальника сотни Ветрова командиром команды конных разведчиков.

Труднее с красногвардейским отряд м. Ваня Сундуков явился ко мне с группой делегатов от красногвардейцев с категорическим заявлением, что они в состав полка не пойдут, что они рассматривали себя до сих пор, как боевую партийную организацию, состоящую при губкоме партии большевиков и в распоряжении последней.

— Если нас расформируете и пошлете в полк, то все наши ребята вернутся обратно в мастерские на завод.

Пришлось долго убеждать, что решение принято совместно с губкомом и что сейчас существование отдельных отрядов недопустимо, а нужно формировать крепкую Красную армию, и что наличие в Красной армии рабочего ядра, каким является отряд красногвардейцев, абсолютно необходимо.

— Судите сами, — говорил я, — что будет за полк, если состав его будет набран исключительно из серой рыхлой массы крестьян.

— Все это так, — отвечали мне, но почему губком не поставил предварительно этого вопроса на нашем собрании?

— Не знаю почему. Это еще не поздно сделать. Собирайте отряд, я приеду, поговорю.

Приехал в казармы отряда. Настроение красногвардейцев возбужденное. Ребятам действительно не понутру переход их с положения самостоя-

тельного отряда на положение обыкновенной роты пехотного полка.

Стараясь нажать на слабые струнки, указывал, что они являются лучшими представителями рабочих тульских заводов и что красногвардейскому отряду выпадает честь стать основным пролетарским ядром в 1-м Тульском советском полку.

После моей речи посыпались вопросы:

— Где будем размещены? Кто будет командир? Почему опять призывают старых офицеров?

К концу собрания приехал Каминский, вызванный Сундуковым по телефону. Каминский взял совершенно другой тон, чем я. Он не взывал, подобно мне, к пролетарскому чувству красногвардейцев.

— Вы все члены партии? — задал он вопрос.

— Да, да! — закричали в ответ красногвардейцы.

— Так вот вам приказ губкома: отправляться на укомплектование 1-го Советского полка. Кто ослушается распоряжения губкома, тот партийный дезертир и враг революции, с тем будет поступлено беспощадно. Никаких разговоров. До свидания.

— Ну, вот видите, ребята, — выступил Ваня Сундуков, — приказ губкома. Большевистская партия тем и сильна, что она беспрекословно выполняет распоряжения своего комитета. Я думаю, что нам говорить нечего. Попросим товарища

Оськина, чтобы он не распылял нас по одиночкам по всем ротам, а создал бы из нашего отряда одну роту. А тебя мы, товарищ Оськин, заверяем — и передай это губкому, — что мы, как были дисциплинированными членами партии, так ими и останемся. Во всяком случае в полку, куда ты нас пошлешь, мы будем самой надежной ротой.

1-й Тульский Советский полк начинал приобретать физиономию действительной войсковой части.

Отряд Гневышева готовился на фронт, но пока еще не было наряда, куда ему следовать.

Каминский часто поговаривает относительно ненадежности Гневышева и о необходимости изоляции его отряда.

Один полк военную коллегия не удовлетворил, как не удовлетворил и губком. Надо формировать еще. Мною было дано распоряжение уездным военным комиссариатам о срочном формировании в каждом из них по полуроте для направления в Тулу и одновременно о формировании местных караульных команд, численностью до ста человек каждая, для обслуживания уездных нужд.

Штаты красноармейских стрелковых частей еще не приходили из центра. Пришлось совместно с Максимовым и Коганиным заняться выработкой собственных штатов. Приняли за схему стрелко-

вый полк старой армии, добавив лишь на основе опыта империалистической войны в качестве штатных команд следующие: команду конных разведчиков, по сбору оружия, химическую команду и банно-прачечный отряд. Число батальонов установили — три, с троечным составом по всем подразделениям, т. е. полк — три батальона; в батальоне — три роты, в роте — три взвода, во взводе — три отделения.

Основой для такой организации послужили следующие соображения: $\frac{2}{3}$ части находятся в бою, $\frac{1}{3}$ — в резерве, это с одной стороны. С другой — соображения расчета, несения караульной службы $\frac{1}{3}$ — на посту, $\frac{1}{3}$ — готовится к занятию караула и $\frac{1}{3}$ — отдыхает.

Словом подошли по-научному.

Общий состав бойцов в полку вместе с обслуживающим составом около 1.500 человек.

Приступили к формированию второго Советского полка. В целях большей связанности организации этого полка с работой комиссариата, решили, что командиром этого полка буду я, а помощником бывший полковник Мочигин, служивший ранее командиром батальона в одном из запасных полков Тулы.

План формирования намечен следующий:

Максимов формирует из части сотрудников отдела снабжения хозяйственную часть с выделе-

нием на должность начальника хозяйственной части его помощника Молокоедова. Строевую часть канцелярии формирует Коганин, выделяя из канцелярии губвоенкомата нескольких сотрудников, знакомых с работой канцелярии полка. Командирами батальонов наметил лиц, известных мне по службе в старой армии, бывших прапорщиков. Должности взводных командиров должны быть замещены бывшими унтер-офицерами.

Через какую-нибудь неделю 2-й Советский полк может начать принимать к себе пополнения красноармейцами.

Когда в полку сладилась хозяйственная часть, приказал уездвоенкоматам направить в Тулу сформированные ими полуроты, а если людей в них не хватает, дополнить за счет уездных караульных команд.

Еще неделя и 2-й Советский полк, по численности, стал одинаковым с первым.

Таким образом, Тула имеет почти готовые два Советских полка.

Организационно-инструкторский отдел с бывшим полковником Трампедах во главе, разработал программу занятий, которые велись в лагере, где в барачном городке размещены полки.

В лагерь в конце апреля вывели полки. У Максимова отыскались палатки и вскоре вырос полотняный городок на том месте, где некогда

стояли полки царской армии. В барачный же городок пришли рабочие для его ремонта.

Бывшее офицерское собрание в лагерях приспособили под летний гарнизонный клуб. Соорудили кино и не менее двух раз в неделю устраивали концерты тульских трупп. Из Москвы часто приезжали артисты-гастролеры различных театров. Побывал Художественный театр с Качаловым. Ставили «На дне».

На каждый батальон было открыто по школе для обучения неграмотных красноармейцев, а их не мало. Ежедневно — лекции, доклады как на политические темы, так и на темы хозяйственного порядка. Школы, концерты, спектакли — все это в значительной степени отличало строящиеся красноармейские полки от полков старой армии.

Чего не хватало, так это достаточной материальной базы. Максимову удавалось каким-то образом полностью снабжать обмундированием и обувью, но не было постельных принадлежностей и это портило вид лагерных палаток. Но красноармейцы на отсутствие постельных принадлежностей не жаловались и во время моего обхода просили лишь увеличить порцию хлеба.

Хлебный паек — один фунт в сутки.

Неладно в 1-м полку. У комиссара Петрова большие расхождения с заведующим хозяйством, причем правым оказывается всегда последний. Петров предъявляет требования, не считаясь ни с офи-

циальными распоряжениями, относящимися к хозяйству, ни с материальной возможностью. Стараюсь добиться дешевой популярности у красноармейцев, никогда не отказывает в предъявляемых к нему требованиях со стороны последних. Всякие недочеты, объясняемые недостаточностью средств, он сваливает на хозяйственных работников полка. Ко всему этому — Петров пьет, получая спирт из отряда Панюшкина, который, в свою очередь, добывает его при реквизиции и обысках у спекулянтов.

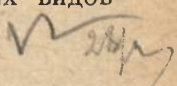
Член нашей военной коллегии и начальник гарнизона, товарищ Агапов, вместо наблюдения за порядком в гарнизоне, большую часть времени проводит в выпивках вместе с Петровым. Ко мне уже не раз поступали сообщения от губернского комиссара юстиции Ямпольского о нехорошем его поведении.

Во втором полку Мочигин работает образцово. Занятия идут регулярно. Довольствие организовано не хуже, чем в мирное время, если не считать пониженного пайка. Полковой адъютант Новиков ведет аккуратно делопроизводство и ежедневно в 10 утра является ко мне с докладом.

Губком постановил прикрепить ряд товарищей к нашим формирующимся полкам для систематической политической работы. К сожалению, эту работу они несут слабо. Но два раза в неделю

в лагерь приезжает Каминский, и тогда полк собирается в большой столовой, если пасмурный день, и под открытым небом — в ясную погоду, слушать доклады о международном положении. Его слушают с большой охотой, искренне аплодируют и, провожая, просят чаще приезжать с новыми докладами.

Максимов докладывает, что деньги приходят к концу. Запасы, доставшиеся от ликвидации военных частей, в частности, большой куш от 11-го полка, иссякают. Последнее требование в Московское окружное интендантство пока не удовлетворено. Это, по мнению Максимова, потому, что наши формирования не утверждены центром.

— Надо поехать в окружной комиссариат и просить объявить приказ по округу, что 1-й и 2-й Тульские полки сформированы и тогда отпуск денег из интендантства, а также и других видов снабжения, будет идти беспрепятственно.

ГЛАВА IV В МОСКВЕ

Окружной военный комиссариат на Пречистенке.

Второй комиссар — товарищ Ярославский.

Он расспрашивал подробно о численности гарнизона, о настроении красноармейцев, о куль-

турно - просветительной работе, особенно интересовался настроением населения, отношением крестьян к Красной армии, работой оружейных и патронных заводов.

Я сообщил все, что знал, присутствуя на заседаниях губисполкома и губкома. По вопросу о заводах рассказал, что меньшевистская пропаганда еще сильна, хотя постепенно рабочие и отходят от меньшевиков, но все же, по мнению губкома, партийной организации предстоит много сделать для того, чтобы парализовать влияние меньшевиков на рабочие массы.

— Особенно сильные затруднения, — говорил я, Тула испытывает в продовольствии. Это отражается на настроении рабочих, получающих всего полфунта хлеба.

— Главная задача для тульской организации, — говорил тов. Ярославский, — это как можно скорее ликвидировать меньшевистское гнездо, прочно свитое на тульских заводах. Тульские заводы всегда были опорой меньшевиков. Что с хлебом не важно в Туле — это плохо, хотя такое положение и в Москве, а в Питере еще хуже: там рабочие получают нередко по $\frac{1}{8}$ фунта хлеба, да еще с примесью всяких суррогатов. Разобьем белогвардейцев на юге, будет легче.

Выслушав мой рассказ о методах и ходе формирования двух Советских полков, тов. Ярославский выразил пожелание послать в Тулу спе-

циальную комиссию для ознакомления с нашей работой и постановкой культурно-просветительного дела.

На мой вопрос, как получить обмундирование и денежные средства, тов. Ярославский сообщил, что окружное довольствующее управление находится в стадии формирования. Имущество не учтено, временно всякие выдачи прекращены.

— Вы сходите в хозяйственный комитет, на Поварской 20, к товарищу Ривкину и Эйсмунту, скажите, что от меня; я думаю, что они отпустят.

В хозяйственном комитете никакого толка не добился, а ответственных руководителей повидать не удалось за их перманентным пребыванием на всяческих заседаниях.

Пошел в хозяйственное управление на Садовой улице. Там со мной поговорили, посмотрели перечень частей, стоящих у них на довольствии, и, не найдя в этом перечне тульских полков, заявили, что надо прежде, чем получить имущество, оформить приказом по округу формируемые части. Без этого получить ничего нельзя.

Пошел в Народный военный комиссариат, чтобы попросить денег непосредственно у наркома. К Троцкому не пустили, его секретарь сказал, что всеми хозяйственными вопросами ведает его заместитель товарищ Склянский.

Пошел к последнему.

Секретарь заявил, что уже поздно сегодня, Склянский принять не может.

Время половина третьего.

— Как это не может, возмутился я, — у меня два полка сидят без жалованья, со дня на день ожидаю бунта, а вы — «принять не можете»... — и, оттолкнув преградившего мне путь секретаря, я без доклада влетел в кабинет.

— Вам что? — обратился ко мне Склянский.

— Я из Тулы, губвоенком, у меня сформировались два пехотных полка, между тем из центра не получаю никакого снабжения, нет денег на уплату жалованья.

— А вы смету представили?

— Какую смету? Ваш же приказ — формировать форсированным темпом, не соблюдая никаких формальностей, а теперь вы говорите «смету»...

— Одно дело формировать форсированным темпом, а другое дело представлять сметы. Одно другое не исключает.

— Извините, пожалуйста, — разгорячился я, — пока я наберу специалистов, которые будут составлять мне сметы, да по тем формам, которые будут отсюда предписываться, — пройдут годы. Между тем у меня люди живые, требующие еды, одежды и содержания. Отпустите сейчас, хотя бы в виде аванса в счет будущих смет, необходимую мне сумму, а потом мы смету представим.

— Вы, товарищ Оськин, нарушаете установленный военным комиссариатом по военным делам порядок. Должны быть составлены сметы, исчислены все потребные расходы. Сметы рассматриваются Военно-законодательным советом, и только по утверждению этим советом вам будут отпущены необходимые средства. Нельзя же так партизанить.

— Я не о партизанщине с вами говорю, товарищ Склянский, а о двух пехотных полках, почти законченных, к которым я не могу вернуться, если не привезу с собой денег, а что касается сметы, то необходимый перечень расходов у меня имеется на руках.

— Я не могу вам ничего отпустить, пока должная смета не будет рассмотрена в соответствующем порядке.

— А я требую, — рассвирепел я, — чтобы вы немедленно приказали рассмотреть мое ходатайство об отпуске средств и, повторяю, что я не уеду из Москвы до тех пор, пока не будут отпущены средства.

Склянский позвонил. Вошел секретарь.

— Товарищ Медянцев, — обратился он к секретарю, — передайте председателю Военно-законодательного совета срочно рассмотреть заявку Тульского губвоенкомата и, по возможности, к 4 часам доложить мне.

— Вот это я понимаю, по-революционному!

Прошли через бесчисленные ряды комнат, заполненных чиновниками в военных френчах. В коридоре Медянцеv столкнулся с высоким человеком в военном мундире, изобличавшем по меньшей мере бывшего полковника.

— Иван Александрович, — обратился к нему Медянцеv, — Эфраим Маркович приказал рассмотреть заявку Тульского губвоенкома на отпуск денежных средств и сегодня к 4 часам лично ему доложить.

— Вот так так, — протянул тот, — я же иду на заседание в Главный комитет.

— Уж не знаю, как хотите, только товарищ Склянский приказал это сделать сейчас же.

Недружелюбно окинув меня взглядом, Иван Александрович пригласил следовать за ним в его учреждение. Пришли в большую комнату, служащую одновременно и залом заседаний.

— Голубчик, — обратился он к какому-то молодому человеку, — соберите, пожалуйста, наличных членов совета. Сейчас надо спешную заявку рассмотреть.

— У вас смета есть? — обратился он ко мне.

— Положим. не смета, — ответил я, — а только лишь перечень тех расходов, которые требуется срочно удовлетворить.

— Давайте сюда.

Я протянул составленный мне перед отъездом в Москву тов. Максимовым перечень необходимо-

стей с указанием против каждой необходимой суммы.

— Так у вас два полка имеется. А они приказом по округу проведены?

— Проведены.

— А вы не можете сообщить нам № приказа?

— Если не ошибаюсь, 314,— соврал я ему.

— Так, так...

Пробежав врученный ему перечень расходов и необходимых денежных средств, он покачал головой и произнес:

— Так это, ведь, не смета, дорогой товарищ. Вы знаете, что по приказу наркомата теперь требуется представление точных смет, да и не к нам, а через окружное управление.

— А вы разве не знаете, дорогой товарищ, что товарищ Склянский в изъятие от существующего порядка приказал вам срочно рассмотреть мою заявку и к 4 часам лично доложить?

— Так это, значит, в изъятие из общего правила?

— Очевидно.

— Ну, коли так, рассмотрим,— флегматично согласился Иван Александрович.

Подошло человек 5—6 интендантского типа.

Иван Александрович четко изложил им сущность моего ходатайства, зачитав врученный мною перечень потребных средств.

— Я считаю,— заявил он,— что можно удовлетворить следующие статьи: содержание личного

состава, расходы по заготовке хозяйственных принадлежностей, расходы по ремонту имущества, — а вот исчисленные здесь расходы на культурно-просветительную работу, клубы, школы, лекции, как непредусмотренные существующими штатами, я предлагаю исключить.

— Как исключить! — вскипел я. — Мы имеем целый ряд приказов Наркомвоенмора и округа о широкой постановке культурно-просветительной работы, а вы не хотите на это давать денег. Да что это вам, старая армия, что ли?

Заспорили. Одни говорили, что необходимо расходы на культурно-просветительную работу отнести за счет местных Советов, другие — что нельзя отпускать средств, пока не будет проведено в законодательном порядке оформление подобного вида расходов, третьи, в том числе и Иван Александрович, что отпустить надо, но поскольку это в смете и в соответствующем параграфе не предусмотрено, можно отпустить лишь в виде аванса.

— Для меня совершенно безразлично, как вы дадите деньги, будет ли это аванс или просто ассигновка или еще что-либо. Для меня важно получить реальные деньги, с которыми я мог бы вернуться и предотвратить грозящий бунт. А уж все необходимые формальности будут выполнены потом, когда вы придумаете формы.

После часового спора с этим законодательным советом, мне удалось, правда, вместо 1.300.000 рублей, исчисленных по «смете», отстоять в качестве аванса около 600.000 рублей.

Иван Александрович продиктовал секретарю протокол заседания, подписал его сам и дал подписать присутствующим членам, после чего вместе со мною направился в кабинет к Склянскому.

Секретарь заявил, что Склянский уехал и сегодня больше не будет.

— Как же так! Кто же утвердит протокол и как я получу деньги? Мне сегодня же надо ехать в Тулу.

— Попробуйте пойти к Кедрову.

— А я ему должен все сначала рассказывать?— возмутился я.

— Нет, зачем, я ему позвоню.

Медянцеv позвонил Кедрову, передал ему, что Склянский уехал и просил его утвердить протокол заседания хозяйственного законодательного совета об отпуске средств Тульскому военкомату.

— Пойдите к товарищу Кедрову, он вам сейчас же подпишет, — обратился ко мне Медянцеv, вешая телефонную трубку.

— Вы идите один, — сказал Иван Александрович, — вот вам протокол, он подпишет, а потом пойдете в финансовый отдел, в 1-м этаже.

У Кедрова ждать не пришлось. Я вручил протокол его секретарю, тот снес на подпись к Кедр-

рову и через мгновение у меня в руках протокол с утвержденными 600.000 рублей. Быстро прошел вниз, в финансовую часть. Увы! Часовая стрелка показывала пятый час. Никого в финансовой части не застал. Вернулся наверх к Медянцеву, прося его оказать содействие к немедленному получению денег по утвержденному протоколу.

Медянецв созвонился с кем-то по телефону, потом сказал, что завтра в 11 часов утра заведующий финансовой частью будет в служебном кабинете и произведет выдачу этих денег.

— Да ведь завтра воскресенье.

— Он все равно придет, — успокоил Медянецв.

Без четверти одиннадцать я был уже на Нювинском бульваре. Заведующий оказался пунктуальным и ровно в 11 был на службе. Он наложил резолюцию об отпуске 600.000 рублей под личную мою расписку. Казначей достал из негосраемого шкафа деньги и вручил их мне.

В тот же вечер я выехал в Тулу.

Мой приезд с деньгами подоспел во-время, ибо у Максимова денег в снабжении совсем не было для выплаты очередного жалованья.

— Этих денег, — заявил мне Максимов, — хватит нам на три месяца, так как целый ряд расходов по ремонту имущества, по заготовлению хозяйственных принадлежностей для частей вести сейчас не придется, поскольку частям необходимое имущество отпущено в натуре.

— Так чего же вы писали, что требуется 1.300.000 рублей?

— Я писал, как полагается по закону. Надо было все предусмотреть.

— Ну, ладно.

Спустя два дня после моего возвращения из Москвы, сижу в своем кабинете, принимаю доклад Коганина. Входит секретарь с докладом, что прибыл из Москвы артельщик для вручения лично мне денег.

— Что за артельщик, пусть войдет.

— Я из финансового отдела Народного комиссариата по военным делам, — заявил вошедший, — срочно командирован к вам для вручения 600.000 рублей вот по этой бумаге.

Читаю сопроводительную бумагу: «Тульскому губвоенкому. При сем препровождается в ваше распоряжение, на основании постановления хозяйственно-законодательного совета, утвержденного Народным комиссариатом по военным делам на содержание войсковых частей Тульской губернии 600 т. р. Деньги сопровождает артельщик Игнатьев».

— Да я же получил, — вырвалось у меня.

— Я ничего не знаю, получите деньги.

Выдал расписку в приеме 600.000 рублей, вызвал Максимова и приказал положить деньги на текущий счет военкомата.

В общем, моя смета на 1.300.000 рублей прошла почти полностью.

30/21.34

СОЗДАНИЕ КОМЯЧЕЕК

Из Москвы с мандатами, подписанными товарищем Ярославским, прибыли два агит-пропагандиста от окружного агитационно-просветительного управления. Я ознакомил их с общим состоянием тульских частей, сообщив им, какую работу проводит просветительный отдел военкомата, и предложил лично ознакомиться с частями, находящимися в лагере. На другой день мне доложили, что они, собрав коммунистов в полках, вели с ними беседы о постановке работы по политическому обслуживанию частей, предложили организовать комитеты при каждом из полков и комячейки в ротах. Интересовались, почему до сих пор нет ни комитета, ни комячеек, при чем один из них резко высказался по моему адресу, считая, что причиной отсутствия комячеек в полках является обстоятельство, что губвоенком не большевик, а левый эсер.

Какие же это комитеты — не понимал я; была директива никаких комитетов в полках не создавать, ибо эпоха комитетчиков ушла в прошлое.

Распорядился вызвать ко мне московских агитаторов.

— Какие же вы там создаете комитеты и ячейки в полках без моего ведома?

— Партийные комитеты, товарищ Оськин.

— А почему вы не испросили моего разрешения?

— А это и не требуется. Партийным делом руководите не вы, а губком.

— А от губкома вы получили разрешение?

— На это от губкома разрешения не требуется получать. Наша обязанность, как членов партии, создавать партийные организации там, где их нет.

— А я не допущу никаких комитетов, создаваемых без моего ведома.

— Мы на это имеем распоряжение товарища Ярославского.

— Вот так и передайте товарищу Ярославскому, что Оськин воспрещает вам без его ведома и согласия строить какие-либо комитеты в тульском гарнизоне.

— Не беспокойтесь, передадим и без вашего совета.

Что это за комитеты? что за ячейки? Партийной работой руководит губком. Губком в курсе того, что делается в частях. И если надо что сделать, то мне бы давно об этом сказали.

Звоню Каминскому.

— Я не знаю ничего об организации ячеек в войсках. Возможно, что эта штука очень полезная и нужная, но надо обсудить в губкоме. Приходите завтра в губком.

Прихожу и застаю там уже бывших у меня московских организаторов. Один из них попросил себе слово для доклада. Он сообщил, что по по-

становлению Московского комитета во всех частях московского гарнизона организуются комячейки, что в ближайшие дни выйдет приказ окрвоенкомата об организации таких ячеек во всех частях округа. Когда они приехали в Тулу, ознакомились с частями и увидели, что в частях комячеек нет, то собрали коммунистов и предложили организовать ячейки, но неожиданно встретили в этом вопросе сопротивление со стороны губвоенкома. Зная, что губвоенком другой партии, они решили перенести это дело в губком.

Выступил Каминский.

— Товарищ Оськин рассказывал мне об инциденте. До сих пор ни у товарища Оськина, ни у губкома не было распоряжения об организации ячеек. То, что делает московская организация, обязательно для московского гарнизона, а тульский гарнизон в партийном отношении обязан проводить директивы Тульского комитета. Выдвигать обвинение против товарища Оськина, что он якобы не допускает создания комячеек — глупо. Губком должен сначала обсудить вопрос — целесообразно ли в наших условиях такие ячейки создавать, и потом уже дать соответствующую директиву просветительному отделу губвоенкомата. Я предлагаю сообщению товарища о практике московского гарнизона принять к сведению, вопрос о стычке с товарищем Оськиным совершенно не рассматривать, ибо здесь сплошное недоразумение

и, в-третьих, обсудить целесообразность создания комячеек в частях Тульской губернии.

Постановлено последовать примеру Московского комитета и перейти к созданию комячеек не только в частях тульского гарнизона, но и в военных учреждениях.

Из объяснений на заседании губкома мне стала ясна роль комячеек, как проводников партийного влияния на воспитание коммунистов и красноармейцев в армии. При чем ячейки не должны вторгаться в область не только оперативных, но и административных распоряжений комсостава.

Это нечто другое, чем бывшие полковые и прочие комитеты в эпоху «керенщины».

Как я уже писал выше, Тула — центр производства оружия. Производимые пулеметы, винтовки, патроны с заводов отправляются на хранение на артиллерийские склады, находящиеся в ведении Московского окружного артиллерийского управления.

В период захвата власти большевиками артиллерийский склад, именуемый здесь арсеналом, был захвачен в первую очередь, и во главе склада был поставлен от Совета товарищ Сергеев. Этот комиссар стал фактически начальником склада. Остальная администрация выполняла чисто технические функции. Ежедневно в склад приезжали приемщики от различных войсковых частей, де-

рущихся на фронте на Украине с белогвардейцами.

Когда же стали поступать требования на снабжение оружием войск, формирующихся в тылу, удовлетворять их Сергеев самостоятельно не решался и требовал подтверждения со стороны окружного артиллерийского управления или ГАУ. Последнее время из этих учреждений в изобилии посыпались наряды на отпуск оружия, при чем на такие количества, что Сергеев стал терять возможность удовлетворять одновременно и требования, идущие к нему с фронта.

Это вынудило комиссара склада обратиться за разъяснением в центр. Из штаба округа сообщили, что тульский артиллерийский склад может отпускать оружие только по нарядам окружного артиллерийского управления. Почти одновременно Сергеев получил распоряжение от отдела вооружения Всероссийской коллегии по организации рабоче-крестьянской Красной армии, согласно которому артиллерийский склад без разрешения этого отдела никому оружия отпускать не должен.

Так в центре оказалось два хозяина, не признающие друг друга.

Сергеев пришел ко мне за советом.

Мы написали совместно письмо окружному комиссару и заведующему отделом вооружения, прося их договориться между собой и внести ясность в ответственное дело отпуска оружия.

В ответ получили телеграмму, что отпуск имущества со склада должен производиться по нарядам окружного артиллерийского управления, визированным отделом вооружения.

Получено сообщение о выступлении против советской власти чехо-словацкого корпуса, захватившего в Пензе монетный двор и двигающегося в сторону Самары и Симбирска.

По всем военкоматам дано распоряжение о срочной подготовке боевых частей для борьбы против чехо-словаков.

На заседании губисполкома Каминский доложил об обстановке, слагающейся в связи с выступлением чехо-словаков, как агентов Антанты.

В связи с выступлением чехо-словаков, в Самаре выступили эсеры, захватили власть в свои руки, объявили функционирующим комитет членов Учредительного собрания.

На Тулу падает чрезвычайно ответственная задача — обеспечить войска Красной армии оружием. Работа заводов должна быть взята под особое наблюдение, производство должно быть максимально расширено, установлена трудовая дисциплина, усилена политическая работа.

Из Москвы прибыл чрезвычайный комиссар тульских заводов товарищ Орлов, наделенный большими полномочиями, с мандатом за подписью Ленина и остальных членов Совнаркома.

В связи с выступлением чехо-словаков и эсеров, замечена активная работа тульских меньшевиков на заводах. Необходимо усилить наблюдение за меньшевиками и развить работу Чрезвычайных комиссий.

Губком решил председателем Чрезвычайной комиссии назначить Кауля. Мне предложили усилить работу по формированию частей, обучению, сплоченности и боеготовности.

Июль

В два часа ночи я был разбужен телефонным звонком. Звонил Каминский.

— Приезжайте ко мне в губисполком, — предложил он, — есть срочное дело.

Я быстро собрался и через 15 — 20 минут был уже у него.

Каминский сообщил мне, что в Москве во время работ Всероссийского съезда Советов произошло выступление левых эсеров против большевиков. Эсеры захватили в свои руки часть аппарата ВЧК, арестовали Дзержинского и ряд других ответственных работников, захватили почту и некоторые другие важные правительственные учреждения.

На стороне левых эсеров оказалось несколько воинских частей и в том числе батальон ВЧК.

Восстание подавлено, причем вдохновители восстания Спиридонова и Камков успели убежать. Многие эсеры бегут из Москвы по всем наирав-

жениям и возможно, что они появятся на автомобилях или даже броневиках в Туле. Есть основание полагать, что тульские левые эсеры окажут им поддержку.

Во избежание всяких осложнений, нам нужно сейчас же принять предупредительные меры по локализации возможного эсеровского выступления.

Первое, что надо сделать — это разоружить лево-эсеровскую дружину.

— Что же, это не трудно, — говорю я. — Надо вызвать десятка два красногвардейцев, пойти и разоружить.

На рассвете, около 4 часов утра Каминский, Сундуков, я в сопровождении двух десятков красногвардейцев подошли к помещению, занимаемому дружиной левых эсеров, и оцепили его; войдя затем в здание, застали всю дружину мирно спящей. Приказав красногвардейцам забрать винтовки и пулеметы, мы разбудили спящих и об'явили им, чтобы они немедленно, захватив свои монатки, расходились по квартирам, что дружина ликвидируется и впредь существовать не будет. На вопросы, почему — Каминский ответил:

— Узнаете в следующем номере газеты.

Возвращаясь после разоружения и роспуска лево-эсеровской дружины вместе с Каминским, последний задал мне вопрос:

— Что, товарищ Оськин, с левыми эсерами у вас все порвано?

В
зам
на
мен
ком
Гу
мис
раб
чен

— Давно, еще после исторического заседания фракции губисполкома о принципах формирования Красной армии.

— Так ты теперь беспартийный?

— Формально левый эсер, фактически беспартийный.

— Напрасно. Я думаю, что тебе надо вступить в партию большевиков. Пиши заявление, я дам рекомендацию.

Через день я в рядах РКП(б).

В
зв
—
лож
Я
уже
К
раб
выс
Эсе
аре
вен
дру
Н
вои
В
ста
Мн

ГЛАВА VI

КОНФЛИКТ С ПАНЮШКИНЫМ

Комиссар 1-го полка Петров продолжает пьянствовать. Решили его снять, послав взамен товарища Хаброва, направленного ко мне для этой цели из губкома.

Начальник гарнизона Агапов совершенно прекратил наблюдение за гарнизоном работал плохо.

Комиссар юстиции Ямпольский позвонил мне, что Агапов произвел растрату.

— Откуда у вас такие сведения?

— Собственно, прямых данных о растрате нет, но у меня есть сведения, что у Агапова украли деньги, при чем мне известно, что в эту ночь и целый ряд предыдущих Агапов кутил с подозрительными женщинами. Я думаю, что деньги не

похищены, а прокучены. Прошу вас санкционировать арест Агапова.

— Если у вас достаточно данных для ареста, я не возражаю.

Часа через два после этого разговора ко мне новый звонок по телефону. Говорит Панюшкин.

— На каком основании ты арестовал Агапова?

— Его арестовал отдел Юстиции.

— Как отдел юстиции! Мне передали, что ты арестовал.

— Нет, это не верно, я лишь не возражал против его ареста. Комиссар Юстиции сообщил, что Агапов растратил казенные деньги.

— Растратил Агапов деньги или нет, это не дело комиссара юстиции. Агапов казначей моего отряда. Прикажи немедленно выпустить.

— Я не могу приказывать отделу юстиции.

— А я тебе приказываю немедленно освободить Агапова, — закричал Панюшкин.

— Как ты, голубчик, можешь мне приказывать, — удивился я, — ты всего член военной коллегии, а я ее председатель. Мне приказывать может или окружной военный комиссар или президиум губисполкома.

— Разве ты не знаешь, что я являюсь чрезвычайным военным комиссаром Тульской губернии? — закричал Панюшкин.

Я вспомнил, что Панюшкин, прибыв во главе отряда ВЦИК в Тулу, имел на руках мандат от

Совнаркома, что он является чрезвычайным военным комиссаром Тульской губернии.

— Это дела не меняет, — ответил я ему. — Выпустить Агапова я не могу, поговори по этому поводу с президиумом губисполкома.

Минут через десять после этого разговора ко мне в кабинет, в котором я сидел вместе со вторым комиссаром тов. Глаголевым, входит начальник пулеметной команды отряда Панюшкина — Пыхов. С ним два красноармейца.

— Вам записка от товарища Панюшкина, — протянул мне конверт Пыхов.

Читаю: «Товарищ Оськин, предлагаю немедленно прибыть ко мне в мой штаб для личных переговоров по делу Агапова. Панюшкин».

Видя, что Пыхов пришел не один, я понял, что меня хотят силой заставить пойти в штаб.

Я нажал сигнальный звонок, соединявший меня с караульным помещением, для вызова караула.

В ожидании появления караула, начал беседу с Пыховым.

— Вы не знаете, зачем меня вызывает Панюшкин?

— Не знаю, — уклончиво ответил Пыхов, — он вызвал меня, дал записку и велел идти к вам.

— Ступай обратно, Пыхов, я к Панюшкину сейчас не пойду, мне некогда.

— Тогда, товарищ Оськин, я должен выполнить распоряжение Панюшкина — заставить вас пойти во что бы то ни стало.

— То-есть, как же это «во что бы то ни стало», — притворился я непонимающим.

— Для вас ясно, товарищ Оськин. Что вы притворяетесь? Я должен вас арестовать и доставить к Панюшкину.

— Живым я не пойду, до мертвого далеко, — рассмеялся я, видя открывающуюся дверь кабинета и входящий мой караул. — Арестовывать вам меня не придется, ибо я сам арестую вас. Товарищ Никитин, — обратился я к дежурному, — арестуйте этих товарищей.

— Ваше оружие, — потребовал от него дежурный.

Пыхов растерянными глазами посмотрел на всех нас, отстегнул револьвер, положил ко мне на стол. Дежурный отобрал винтовки у красноармейцев.

— Так вот, Пыхов, так как вы теперь без оружия, то я вас никуда сажать не буду, идите обратно к Панюшкину и скажите, что Оськин являться к нему не желает.

Пыхов ушел, но через минуту вернулся обратно и, наклонившись, таинственно сообщил:

— Товарищ Оськин, уйдите куда-нибудь. Панюшкин рассвирепел, он сказал, что если вы будете сопротивляться, пустит в дело оружие, другими словами, — пристрелит вас.

— Ну, до этого дело не дойдет, вы не беспокойтесь, товарищ Пыхов, идите к Панюшкину.

По моим расчетам выходило, что Пыхову потребуется пять минут, чтобы дойти до штаба Па-

- нюшкина, пять минут на разговор. Появление нового отряда с более категорическим распоряжением Панюшкина можно ждать минут через 30. В моем распоряжении, таким образом, около получаса, чтобы уйти или принять другие меры предосторожности. Я знал вспыльчивость Панюшкина. Он был способен в припадке ярости на всякие штуки, потом непоправимые.

Позвонил по телефону Каминскому, рассказал о визите Пыхова и об угрозах Панюшкина.

— Из комиссариата уйти не могу, ибо это дискредитировало бы меня в глазах как сотрудников, так и гарнизона. Буду ждать налета со стороны Панюшкина, считая себя приговоренным, если вы немедленно не пришлете помощь. Караула при военкомате недостаточно, а красноармейские части находятся в лагере, откуда ранее, как через час, не подойдут.

— Не бойся, товарищ Оськин, — успокоил меня Каминский, — я скоро приеду сам.

Затем вызвал дежурного по караулу.

— Товарищ Никитин, займите парадный ход и никого не впускайте. Выпускать отсюда можно. Имейте в виду, если подойдет вооруженный отряд Панюшкина, то он может войти в комиссариат только через ваш труп.

— Слушаюсь, товарищ губвоенком.

Никитин, отчетливо повернувшись налево кругом, отправился исполнять приказание.

В комиссариате смятение. Сотрудники, узнав о цели прихода Пыхова и боясь дальнейших осложнений, бросали дела и уходили. Осталось лишь несколько ответственных сотрудников во главе с Коганиным, дисциплинированных долголетней военной службой.

Сидящий вместе со мной Глаголев нервно ходил из угла в угол.

— Чего ты на рожон лезешь, поезжай в губком, потом туда вызовут Панюшкина, дадут нахлобучку, поуспокоится.

— Не могу бежать со службы, тов. Глаголев, — ответил я, — пусть будет, что будет.

Прошло около 30 минут. Около входа в комиссариат послышался шум.

Никитин кричал, что в комиссариат пускать не приказано. Стоя у окна, я видел напиравшую на Никитина толпу красноармейцев и матросов, человек около 30.

— Чего там с ними разговаривать, — кричали наступавшие, — пырнуть его, что мы тут валандаться будем. Давно пора разогнать белогвардейское гнездо.

Никитин, бледный, как полотно, все же настойчиво сдерживал стремления солдат Панюшкина проникнуть в комиссариат. Еще несколько минут продержится, думал я, а потом они или его пристрелят или пройдут другими входами.

Позвонил в кабинет Каминского. Сообщили, что его нет.

В последний момент, когда взбурораженные красноармейцы готовы были приколоть Никитина штыками, послышался шум приближающегося броневика. Настоящая осада, скоро конец,— подумал я.

— Кто приказал вам сюда ломиться,— услышал я гневный голос Каминского.

— По приказу Панюшкина, товарищ Каминский.

— Марш отсюда! Иначе сейчас же перестреляю из броневика.

Окрик Каминского подействовал и вся группа красноармейцев повернула обратно. У под'езда в комиссариат остались броневик и мой караул.

Оказывается, Каминский приехал в броневике Панюшкина.

Я рассказал Каминскому о происшедшем.

— Ничего, мы его взбучим. Я вижу, тебе теперь не до занятий, пойдем со мной.

Вышли на улицу. Каминский отпустил броневик и мы пешком отправились на квартиру ответственных работников, где помещался Каминский и где был установлен телеграфный аппарат — прямой провод с Москвой.

— Вызовите Кремль, Ленина, — приказал Каминский телеграфисту.

Прошло около получаса, пока был соединен Кремль и кабинет Владимира Ильича.

«Говорит Каминский из Тулы. По поручению губкома и губисполкома докладываю вам, Владимир Ильич, возмутительный инцидент, происшедший в Туле час тому назад. Известный вам Панюшкин, пользуясь своим положением комиссара отряда и данным ему в свое время мандатом, произвел нападение на губвоенкомат, пытаясь арестовать губвоенкома Оськина, нашего товарища, ведущего крупную военную работу. Когда арест не удался, он дал директиву своим подчиненным пристрелить Оськина. Когда и это не удалось, он послал на губвоенкомат целый отряд и лишь случайно мне удалось, воспользовавшись подвернувшимся броневиком, спасти от разрушения военкомат и предотвратить убийство Оськина.

«По поручению губкома и губисполкома, прошу вас о немедленном отзывании из Тулы, как самого Панюшкина, так и его отряда. Последнее время отряд Панюшкина потерял бывшую в нем ранее дисциплину, хулиганит, производит незаконные обыски, не считаясь совершенно с местными организациями, внося тем самым развал в работу организации губернии и дискредитирует начатое крупное формирование красноармейских частей.

«Просим ваше решение сообщить нам сейчас же по проводу».

Вечером того же дня на экстренном заседании губкома, созванном Каминским для обсуждения

поведения Панюшкина, была получена телеграмма следующего содержания:

«Тула. Панюшкину. Копии губисполком, губком. Назначаю вас чрезвычайным военным комиссаром Симбирской губернии. Немедленно вместе с отрядом отправиться к месту нового назначения. Исполнению подлежит в двадцатичетырехчасовой срок. Предсовнарком Ульянов - Ленин».

Симбирск в тот момент находился в руках чехословаков.

ГЛАВА VII КОМИССАРЫ

Получил от окружного военного комиссариата задание на формирование красноармейских частей в составе девяти полков.

Штатный состав стрелковой дивизии около 50 тысяч человек. Срок окончательного формирования дивизии — 1 января. Источники комплектования намечены: в отношении командного состава — вербовка и предполагаемый в ближайшее время обязательный призыв бывших офицеров на военную службу; то же самое в отношении рядового состава.

Устроили широкое совещание работников военного комиссариата. В отношении кадров дело более или менее удовлетворительно, ибо два полка уже налицо, а формирование кавалерийского полка можно развернуть из кадра бывшей конной сотни, ставшей ныне командой конных

разведчиков 1-го Советского полка. Для артиллерийского дивизиона наметили использовать задержанную отправкой на фронт артиллерийскую батарею отряда Гневыхева. Для формирования инженерного батальона Максимов выделил нескольких сотрудников инженерного подотдела отдела снабжения.

Сложен вопрос с казармами. В мирное время в Туле стояло всего два пехотных полка, занимавших городские здания, приспособленные под казармы. За время войны запасные части привели эти казармы в полуразрушенное состояние.

В 1915 году на окраине Тулы был построен дощатый городок для размещения запасных войск. Этот городок вмещал в себя два запасных полка численностью до 6 000 человек. За три года барачный городок страшно обветшал, фундамент прогнил, обсыпка провалилась, осела и в стенах барачных образований образовались широкие трещины. В барачном городке можно размещать войска только в теплое время, зимой жить в нем невозможно, если не произвести капитальный ремонт.

Составлена смета потребных расходов на ремонт казарм, но отпуск денег по ней из центра пока не последовал. Надо искать материалы для ремонта на месте, а в качестве рабочей силы использовать рабочих строителей по нарядам губисполкома и, частично, самих красноармейцев. Губисполком обязал губернский совнархоз пре-

одставить в распоряжение отдела снабжения имеющиеся в запасе строительные материалы и выделил из своего состава специальную комиссию по оказанию помощи в квартирном вопросе военкомату.

За снабжением другими предметами довольствия командировали Максимова в Москву.

Максимов привез вести довольно неутешительные: нам будет отпущено снаряжение и оружие, что же касается обуви и обмундирования, то имеющиеся запасы, в первую очередь, направляются для снабжения фронтовых частей.

Прошу губисполком помочь наладить производство обуви и обмундирования в мастерских губсовнархоза и военных. Губисполком обязал совнархоз срочно создать военный отдел по заготовке предметов военного снабжения.

Максимов, со своей стороны, приступил к организации при отделе снабжения больших пошивочных мастерских, материалы для которых рассчитывал получить из Москвы. Посадили энергичного «толкача» в Москве, товарища Рыжко, и в ближайшие же недели начали получать сукно, кожаные товары для обуви, гимнастерочные ткани, фурнитуру и т. п.

Использовали постановление губисполкома о направлении в эту мастерскую швейных машин из конфискованных магазинов и бывших частных предприятий. Отдел снабжения организовал утилизацию старых вещей. Учел имущество в скла-

дах бывших запасных полков и остатков от демобилизовавшихся частей, что дало возможность собрать около 10.000 комплектов поношенного обмундирования, которое после дезинфекции и починки могло поступить в носку.

Обеспечение формируемых частей обозом, специальными двуколками, хозяйственными повозками затруднений не вызывало, ибо на складах бывших военных частей старого обоза находилось больше, чем достаточно. Пришлось лишь создать специальные ремонтные мастерские военного обоза и через эти мастерские вести снабжение формируемых частей.

Работа кипит по всем направлениям.

Иное дело в штабе отряда-завесы. Там, по-прежнему, сидят важные генералы и полковники, ничего не формируя. Получают деньги, пишут требования в Москву на отпуск имущества и спокойно ждут, когда, по их требованиям, будет выслано необходимое имущество. Однако, имущество к ним не идет. Переводятся лишь деньги на содержание личного состава, который, грубо говоря, лодырничает.

Бывшие офицеры, гурьбой ходившие к Суворову в первые дни с предложением своих услуг, угадывают инстинктивно, что перспектив больше в частях, формируемых губвоенкоматом, чем у штаба отряда-завесы, и начинают переметываться обратно к нам.

Первым пришел бывший полковник Хохольков.

— Я к вам, товарищ Оськин, прошу не сердиться, что не пришел в первое же время. Я полагал, что формирование полевых частей у Суворова пойдет более быстро и будет более надежно. Однако, дело там не клеится. Я бы хотел перейти на работу в военкомат.

— Что же, я приму вас с удовольствием. У меня как раз сейчас свободен организационно-инструкторский отдел. Вы в учебном деле сведущи, командовали раньше школой прапорщиков, я с удовольствием использую вас на этой работе.

Хохольков рассыпался в признательностях, обещая служить верой и правдой.

За Хохольковым потянулись: Савицкий, Разенович, Нехлюдов и другие, бывшие полковники и подполковники, которые занимали должности различных командиров у Суворова. Не было удивительно, что шли бывшие офицеры, знакомые мне по старой армии, но скоро потянулись и незнакомые офицеры, приехавшие непосредственно с Суворовым.

Первым явился заведывающий одним из тыловых учреждений отряда-завесы — Леонтьев. Я его взял на место Когана, назначенного мною командиром бригады. Затем пришел первый помощник начальника штаба Суворова, бывший ротмистр Гайчман. За Гайчманом — второй помощник начальника штаба Суворова — Злобин.

Как-то зашел начальник штаба отряда-завесы, бывший генерал генерального штаба — Волков. Он пришел поговорить о необходимом распределении казарменных помещений между частями военкомата и отряда-завесы. В беседе со мной Волков признался, что у них работа идет далеко не так, как им вначале казалось.

— Да и понятно, — признался Волков, — вы являетесь хозяином положения в губернии. К вашим услугам все материальные средства, которые щедро дает губисполком. Мы же находимся на содержании центра, а получать от центра очень трудно. Мы так до сих пор и не получили положенное по штату для дивизии имущество, — закончил Волков.

— Зато регулярно получаете пайки у губвоенкомата, — с'иронизировал я.

— Да, на это мы жаловаться не можем, пайки получаем регулярно. Нам думается, — продолжал Волков, — что отряд-завеса будет расформирован, да и лучше будет, если наши формирования перейдут к вам.

Произвели призыв бывших офицеров. Их оказалось в губернии такое количество, какого я никак не ожидал. По одной Туле около 1.000 человек и, примерно, столько же по губернии. Большое количество бывших офицеров осело в военных учреждениях. Я смотрю на офицеров в тыловых учреждениях, как на резерв для новых

оформирований в будущем. Но заместитель председателя губчека, Алексеев, считает, что нахождение бывших офицеров в учреждениях ненормально. На мои возражения, что я считаю более целесообразным использовать бывших офицеров в комиссариатских учреждениях, чем в милиции или других гражданских учреждениях,— он смотрит, как на отговорку. Вопрос об этом даже стоял на заседании губкома. Решения никакого не вынесено. Губком воздерживается от поспешных суждений о правильности или неправильности моей тактики.

Материальные затруднения понуждают держать части в таких же тяжелых бытовых условиях, как в старой армии. Не только не можем завести постельных принадлежностей в казармах и лагерях, но подчас с трудом приходится доставать солому для подстилки. Обмундирование, в большинстве случаев, поношенное, с чужого плеча.

Есть случаи, когда красноармейцы проматывают обмундирование. Организовали специальные патрули на базарах для отбора военного обмундирования.

Добровольцы приходят босые и раздетые.

Не хватает баков для пищи, котелков, мы не можем дать каждому свою посуду. Чем мы сейчас богаты, в отличие от старой армии, это — культурно-политическим обслуживанием. При каждой роте организуется ротная библиотечка, на

каждый батальон — школа, которая посещается красноармейцами с большой охотой. Почти ежедневно доклады на просветительные темы. Пришедшая в политотдел активная публика сумела сгруппировать вокруг себя тульских культурников для работы в войсках. Хотя и с большим трудом, но все же удалось создать гарнизонный дом Красной армии, большой клуб, в котором ежедневно бывает не менее 1.000 красноармейцев. Ставятся спектакли, доклады. Одновременно в городе для рабочих губкомом организована систематическая политическая пропаганда. Каждую субботу большое здание театра заполняется рабочими, и кто-либо из ответственных работников губисполкома или губкома, чаще Каминский, делают доклады на современные политические темы.

Месяца два тому назад первый организованный губкомом митинг прошел вяло. Рабочих пришло немного. Места в театре занимали обыватели, а сейчас обывателю уже не получить места в театре. Весь большой зал с хорами целиком заполнен рабочими и красноармейцами.

Меньшевики развили сильную агитацию на оружейном заводе в связи с закрытием меньшевистской газеты, но их агитация никакого успеха не имела. Издаваемая губкомом новая газета «Коммунар», в дополнение к издающимся «Известиям тульского совета», пользуется большим

успехом. Каждое утро, идя рано в военкомат, вижу идущих на работу рабочих с «Коммунарком» в руках.

Из Москвы прибыли с мандатами штаба округа от разведывательного отделения штаба два сотрудника — Дьяконов и Павлов. Цель прибытия — организовать в Туле разведывательную часть для борьбы со шпионажем. Эта разведывательная часть именована отделением военного контроля Московского военного округа.

Дьяконов, заведывающий отделением, лет 35, интеллигент, с вкрадчивыми манерами, льстивый, производит неприятное впечатление.

Дьяконов ежедневно приходит в комиссариат и докладывает мне о ходе организации контроля, об установлении им наблюдательных пунктов в различных учреждениях военного значения. Часто обращается с предложением организовать в том или ином отделе секретное наблюдение за поведением сотрудников, путем назначения специальных агентов. Для ведения такой работы он имеет на руках предписание от разведывательного отделения округа.

В одно из своих посещений он доложил, что в Туле имеется резиденция немецкого шпионажа, которая следит за организацией частей Красной армии и за работой военных заводов.

— Наша задача, — говорил он, — выявить этих резидентов. Схватить схему организации шпио-

нажной деятельности противника, а потом всю компанию накрыть и прикрыть.

На одном из докладов Дьяконов вручил мне схему работы иностранного шпионажа. Начерченная схема гласила, что в Туле имеется губернский центр с ответвлениями в уездах, в крупных предприятиях, войсковых штабах и в некоторых основных гражданских учреждениях.

Всем, что рассказывал мне Дьяконов, я делился с председателем губкома Каминским.

Рассказывая в губкоме Каминскому о работе отделения военного контроля, заинтересовал его личностями Дьяконова и Павлова.

— Как же так, — удивился Каминский, — наблюдение за шпионскими организациями поручено беспартийным?

— Может быть, это специальная работа, которая требует специального навыка и опыта, — возражал я.

— У нас в ЧК тоже специальная работа.

Я задумался. Взглянул еще раз на схему, полученную от Дьяконова и обратил внимание Каминского, что эта схема касается исключительно организации наблюдения за немецким шпионажем. Между тем, в данное время немцы меньше всего интересуются нами. Ведь главный враг, стремящийся задавить нашу революцию, это — Антанта, по приказу которой выступил и чехо-словацкий корпус и организуются белогвардейские армии.

— Вот что: ты с ним веди разговоры всякие, не показывая никакого вида, а я поручу губчека немножечко за ним понаблюдать.

Спустя несколько дней после этого разговора, ко мне явились Дьяконов и Павлов с речью такого содержания:

— В современных условиях очень трудно работать, особенно в такой работе, как наша, не будучи членами партии. Нам остается или уйти с работы или вступить в партию. Мы сознательно продумали свое отношение к коммунистам. Я и тов. Павлов с высшим образованием. Мы понимаем принципы коммунизма и со своей стороны разделяем их. Мы давно уже думали вступить в партию, но не было возможности получить рекомендации. Мы в Туле работаем уже порядочно, вы нас знаете и, если возможно, то просили бы вас о даче нам рекомендации.

— Вступить в партию — дело похвальное, — согласился я. Я не возражаю дать рекомендацию. Кто даст еще?

— Мы переговорим с товарищем Глаголевым.

— Хорошо, говорите с Глаголевым; если он согласится, то и я напишу.

Глаголев согласился. В тот же день мы сообщили губкому о нашей рекомендации Дьяконову и Павлову. Губком их принял.

Подготовка к проведению мобилизации в военкомате закончена. В уезды высланы медицинские призывные комиссии. Организована центральная комиссия в Туле. Губком дал директиву уездным исполкомам, а губвоенкомат по своей линии, о всемерном внимании местных организаций к проведению призыва.

Призыв прошел благополучно. Процент неявившихся был ничтожен, мало чем отличающийся от процента мирного времени. Разница между призывом мирного времени с настоящим была та, что тогда призываемые являлись в войска прилично одетые, в сапогах, в тужурках, с запасом белья, кружкой, ложкой, вилкой, а теперь приходят «в чем мать родила». Еще до момента свидетельства на сборном пункте призываемый был прилично одет, но как только врачебная комиссия заявляла «годен», так находящееся на нем платье и обувь немедленно исчезали. А как раз насчет белья и обуви положение у нас аховое. То, что удалось Максиму скопить при содействии губисполкома, того с трудом хватило одеть пополнения, направленные в стрелковые части. Запасному полку, поглотившему избыток призванных, почти ничего не осталось. Вместо шинелей выдаем бушлаты, добытые с огромным трудом в губсовнархозе и губпродкоме.

На должность военного руководителя комиссариата пригласил бывшего генерала Музеуса.

Перед этим Музеус пару месяцев сидел в тюрьме, арестованный губчека по подозрению в сношении с белогвардейцами. Подозрения губчека не подтвердились.

Через несколько дней после вступления в должность, Музеус представил мне приглашаемого им к себе в качестве помощника бывшего генерала Шемякина, бывшего начальником штаба 20-го корпуса. После прорыва III армии на Дунайце, весь штаб 20-го корпуса во главе с Шемякиным попал в плен. Из плена Шемякин вернулся недавно. Лет под шестьдесят, но еще бодрый, с высшим военным образованием, он производит впечатление человека, обладающего широкой военной эрудицией.

Представляя его, Музеус говорил, что Шемякин займется специально вопросами формирования войсковых соединений. Я не возражал.

Центр издал распоряжение о ликвидации отряда-завесы и перехода их формирований в ведение губвоенкомата.

Впрочем, в штабе отряда-завесы оказались только командные кадры без единого красноармейца.

Из штаба округа получили наряд на формирование в Тульской губернии двух запасных полков. Решено один формировать в Туле, а другой в

Ефремове, где имеется большой барачный городок. Комиссары полка назначены из числа товарищей, выдвинутых губкомом. Положение о комиссарах отсутствует, но основное направление его деятельности усвоено твердо. Комиссар — это представитель советской власти и в данной части является политическим руководителем, ответственным за воспитание части, при чем, будучи представителем высшей советской власти, комиссар имеет право, при обнаруживании антисоветской деятельности со стороны командира, сместить последнего с немедленным донесением вышестоящему над ним комиссару, а в случае явно контрреволюционных действий, не только имеет право сместить, но и арестовать и даже расстрелять.

Факт назначения комиссаров командирами встречен, как явление совершенно естественное, ибо командиры не чувствуют твердой уверенности, что они смогут полностью разобраться в современной кон'юнктуре и завоевать полное доверие со стороны красноармейцев. Командный состав, особенно руководящий, боится сношений с советскими организациями. По всякого рода конфликтам, просьбам, ходатайствам командир пускает впереди себя комиссара, рассчитывая, что комиссар, как представитель советской власти, партии большевиков, сумеет лучше отстаивать интересы части. Вместе с тем, командиры очень ревниво

относятся к вмешательству в их строевые и оперативные функции со стороны комиссара.

После случая с комиссаром Петровым, дискредитировавшим свое звание пьянками, к выбору комиссаров губвоенкомат стал относиться с сугубой осторожностью, требуя от кандидатов на эту должность, помимо партийного звания, значительного общественного и политического кругозора.

ГЛАВА VIII

КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ

Вернувшись часов в шесть вечера из военкомата на квартиру, я сел разбирать захваченные с собой для работы на дому бумаги.

Звонок. Открываю дверь, передо мной монах.

— Можно видеть губвоенкома Оськина?

— Пожалуйста, что вам угодно?

— Я к вам от отца Ювеналия.

— Это кто такой отец Ювеналий?

— Владыко.

Я смотрю на монаха непонимающими глазами.

— Архиерей, — раз'ясняет он мне мое недоумение.

— Что угодно архиерею от губвоенкома?

— Его преосвященство прочел приказ о призыве в тыловое ополчение, а так как он по возрасту подходит к призыву, то послал меня переговорить с вами, нельзя ли его от этого освободить.

— Я на квартире по этим делам не разговариваю, придите в военкомат.

— Видите ли,— смущенно и заикаясь начал монах,— владыко, направляя меня к вам, просил напомнить, что он просит от вас эту услугу за услугу, которая им была для вас сделана.

— Архиерей мне оказывал услугу!— удивился я.— Какая услуга?

— По поводу вашего развода и вторичной женитьбы.

Я расхохотался.

— Очевидно, ваш владыко перепутал. Никакого развода у меня не было и архиерея я в глаза никогда не видел.

Монах недоверчиво посмотрел на меня.

— Мне говорили, что вы заезжали к нему, просили срочно развести.

— Что за чушь! Скажите архиерею Ювеналию, что по вопросу о его призыве в тыловое ополчение он может зайти ко мне в губвоенкомат в любой день в служебные часы.

Монах ушел.

Я тотчас же позвонил в губчека товарищу Алексееву, рассказал ему о монашеском визите и попросил расследовать, кто это под моим именем был у архиерея.

Через три дня меня приглашают в губчека для очной ставки с архиереем и тем, кто выдал себя за губвоенкома Оськина. В приемной, перед ка-

бинетом председателя губчека сидит в ожидании архиерей Ювеналий. Я его вижу впервые. Высокий блондин в монашеском одеянии, странно бледное лицо, большие глаза с синевою под ними.

Прошел к Алексееву.

— Ну что, открыл, кто это за Оськин был у архиерея?—спрашиваю я.

— Погоди, сейчас сам увидишь.

Через несколько минут Алексеев провел меня в кабинет следователя, ведшего дознание.

— Попросите сюда архиерея,— обратился Алексеев к следователю.

Вошел Ювеналий.

— Мы вас просили,— обратился к нему Алексеев,— за тем, чтобы узнать, при каких обстоятельствах вы встречались с губвоенкомом Оськиным.

Нервное лицо архиерея передернулось.

— Это было месяца два тому назад,— тихим голосом начал он,— ко мне пришел губвоенком, такой рослый, полный мужчина, одетый в военную форму. С ним был еще молодой человек, одетый тоже в военную форму. Оськин обратился ко мне с просьбой расторгнуть брак пришедшего с ним военного, говоря, что дело спешное. Оськин просил дать более упрощенную форму развода, чем это предписывается консисторскими правилами. Зная, что большевики народ не верующий и что для него это лишь формальность, я не стал

возражать и сделал распоряжение консистории немедленно произвести развод.

— Ну, а с тех пор встречались вы когда-нибудь с Оськиным?

— Нет, больше не встречался.

— Вы его узнали бы при встрече?

— Да, конечно, я ясно представляю его себе.

— А скажите, вы посылали с какой-нибудь просьбой к губвоенкому?— вновь спросил Алексеев.

Архиерей покраснел.

— Да, я просил отца Трофима переговорить с военкомом об освобождении меня от призыва в тыловое ополчение, но, как мне передал отец Трофим, губвоенком не захотел признать, что я когда-то оказал ему услугу.

— Позовите Шотмана, — обратился Алексеев к следователю.

Из другой комнаты вышел Шотман, комиссар бригады.

— А вот и Оськин,— обрадовался архиерей, поднимаясь навстречу Шотману.

Алексеев и я громко расхохотались, в то время как Шотман имел в высшей степени смущенный вид.

— Вы свободны,— обратился Алексеев к архиерею.

Архиерей, сделав общий поклон, удалился.

— Это что за комедия!— накинулся Алексеев на Шотмана. Шантажировать именем Оськина,

ходить к архиерею, брать развод, вторично жениться, и ко всему прочему считать себя еще коммунистом!

— Простите, товарищ Алексеев, я не для себя ходил, а для Куманина, ему нужно было развестись, а назвался Оськиным для того, чтобы ускорить дело.

— Ну, ты подробно все это расскажешь в партийном суде. Я это дело передаю губкому.

Губком об'явил Шотману строгий выговор.

На другой день секретарь мне докладывает, что меня желает видеть архиерей.

— Пустите, говорю я.

Вошел Ювеналий. На его лице отразилось неподдельное изумление, увидев вместо воображаемого им губвоенкома, бывшего у него по бракоразводному делу, меня.

— Простите, только сейчас я понял в чем дело. Значит, меня обманули?

— Очевидно. Во-первых, знайте, что губвоенком церковных браков не признает, никогда их совершать не будет, а также не будет просить и за других.

— Но как же можно приходить и называть себя чужим именем, ведь это мошенничество...

— Так оно и есть. Поэтому вас в ЧК и вызывали для очной ставки.

Архиерей изложил свою просьбу, уже известную из предварительного визита ко мне монаха, о воз-

возможности освобождения его от призыва в тыловое ополчение.

Я обещал направить его ходатайство в специальную комиссию, высказав предположение, что его призывать вряд ли будут.

— Да ведь я больной ко всему прочему,— молвил Ювеналий.

— Ну, тем паче, больных не призывают.

Тула оживленно готовилась к годовщине Октябрьской революции. 7 ноября стояла отличная погода, позволившая вывести на парад все имеющиеся военные части и провести широкую демонстрацию рабочих. Мимо трибуны, установленной на площади, перед зданием губисполкома, прошла мощная демонстрация, захватившая весь пролетариат Тулы. С 10 утра и до 2 часов дня бесконечная лента колонн рабочих оружейных и патронных заводов, вышедших, несмотря на антисоветскую агитацию меньшевиков, приветствовать годовщину захвата власти пролетариатом.

Бесчисленные знамена с революционными лозунгами высились над колоннами. Грандиозность демонстрации захватила всех рабочих и даже обывателей. До глубокой ночи по городу ходили большие группы с пением революционных песен. Во всех театрах и кино организованы митинги, на которых выступали члены губисполкома и губкома.

Через день, 8 ноября, получили известие о революции в Германии. Это известие всколыхнуло вновь рабочие массы Тулы. Стихийно создалась демонстрация, не менее крупная, чем накануне. Митинги в театрах и на площадях. Члены губисполкома и губкома с охрипшими от усталости голосами переезжали с одного митинга на другой, передавая радостные вести о революции в Германии, о свержении Вильгельма, о приближении мировой революции.

Демонстрации прошли не только в уездных городах, но и в селах. Крестьяне деревень собирались к своим ближайшим Советам с красными флагами, с лозунгами: «Да здравствует советская власть», «Долой контрреволюционеров, буржуазию и помещиков». Так было до вечера 9 ноября.

Часов в 11 ночи меня вызвали к прямому проводу из Венева. «У аппарата уездвоенком Беляев. В Веневе восстание. На город наступают мужики из соседних сел, вооруженные винтовками, вилами, топорами. Мобилизованы коммунисты, но наших сил недостаточно. Срочно присылайте поддержку». Такой же разговор ведет председатель уездисполкома с Каминским.

Немедленно помчался к Каминскому. Тот у себя в общежитии у телеграфного аппарата за разговором с Епифанью.

— Слышал,— встретил меня Каминский,— что делается в Веневе?

— Да, я поэтому и пришел.

— То же самое говорят в Епифани, послушай. Телеграфист прочел ленту.

«9-го, в половине дня, громадная толпа крестьян, вооруженная всякого рода оружием, захватила станцию Епифань. Разобрали железнодорожный путь, увели комиссара станции, громят продовольственные склады. Часть двинулась в сторону уездного города. Нами послана караульная рота навстречу, но боимся, что своих сил не хватит. Срочно шлите подкрепление».

— Вызывает Кашира,— передает телеграфист.

Каширский уездисполком передает такую же историю о восстании в Каширском уезде.

Собрали экстренное заседание губкома и губисполкома, обсудили, что можно сделать. В Венев можно направить роту на грузовиках. Туда 50 верст, через 2—3 часа подкрепление будет там. На станцию Епифань надо нарядить эшелон с 2—3 ротами. Посмотрели на карту. Восстание в Кашире, Веневе и Епифани образовало полукольцо вокруг Тулы с перехватом железных дорог, идущих с юго-восточного направления к Москве.

— Совершенно очевидно, что восстание подготовлено опытной рукой. Еще вчера мужики манифестировали в годовщину Октябрьской революции, а сегодня эти же самые мужики выступили против советской власти,— сделал вывод губком.

Решили немедленно мобилизовать всех городских коммунистов, перевести их на казарменное положение, вооружить, быть вполне готовыми на случай восстания в самой Туле и установить беспрерывную связь по проводам с уездными городами. Выслали в Венев роту красноармейцев на грузовиках и автомобилях и эшелон с двумя ротами на станцию Епифань. В отношении Каширы срочно снести со штабом Московского округа, чтобы выслали отряд непосредственно из Москвы, от которой до Каширы лишь сто верст.

Следующий день принес более успокоительные известия. Энергичными мерами Епифанского уездисполкома восстание в Епифанском уезде ликвидировано и сейчас идет расследование и розыск виновников и организаторов. В Веневском уезде восстание приняло несколько затяжной характер и командированной роте пришлось не только выручить Венев от наступающих мужиков, но и углубиться в те волости, где шли разгромы Советов.

Шедшие из Венева донесения показывали, что во главе крестьянского восстания стоят бывшие офицеры, сыны попов и кулаков. В селе Урсуловском, насчитывающем 500 дворов, во главе восстания стоял бывший офицер, сын местного священника. По прибытии отряда этот офицер бежал.

В уездном городе местные власти заподозрили в организации восстания местного воинского на-

чальника, которого арестовали и немедленно расстреляли.

Потребовалось около пяти дней, чтобы ликвидировать восстание в Веневском уезде. Уездными властями была проявлена беспощадность. Расстреляно несколько сот мужиков, которые, по признанию масс, являлись зачинщиками. Расстреляны в подавляющем большинстве кулаки.

В Каширском уезде ликвидацией восстания занялся специальный отряд штаба Московского округа, связанный с Тулой прямым проводом. По Каширскому уезду ликвидация тянулась в течение почти двух недель. В результате местный Совет наложил на восставшие села, главным образом, на кулацкую их часть, значительную денежную контрибуцию.

Ко мне из деревни Епифанского уезда приехала мать, напуганная происшедшим у них восстанием, и рассказала то, что она видела собственными глазами:

«7 ноября собрались все мужики, с красными флагами пошли в волостной Совет в с. Гранки. Там же собрались крестьяне и из других соседних деревень. Пришли обратно к вечеру, возбужденные праздником. На другой же день, на рассвете, громкий стук в двери и окна. Я встала. Посмотрела в окно. Вижу, около дома собралась небольшая толпа мужиков, среди которых некоторые были верхом. Среди верховых были мужики

незнакомые, из других деревень. Ну, думаю, что-то приключилось, пожар или еще что. Спрашиваю:

«— Что надо?

«— Выходи, мать, да старика давай сюда.

«Отец тоже поднялся.

«— Вот у него сын комиссар, арестуйте его.

«— Как арестовать, за что? Почему? В чем дело?

«— Долой советскую власть. Буде, довольно. Идем брать город. А старика на подводе отвезти в Спасское.

(Спасское, это село в трех верстах от нашей деревни).

«— Зачем в Спасское,— взмолилась я.— Мы и отсюда не убежим. Нам по семидесяти лет. Бежать некуда.

«Какой-то черный мужчина, верхом на лошади, повидимому старший над всей этой толпой, сказал:

«— Ну, чего тут с ними валандаться. Поставить караул, а самим на станцию Епифань.

«Заперли нас в хате и около поставили караулить Федора Иваныча. Я попросилась сходить за водой.

«— Не могу,— говорит Федор,— не приказано выпускать.

«— Ну, тогда сам принеси.

«— Ну, ладно, сам схожу.

«Федор Иваныч рассказывал, что к Сергею Дежину (деревенский кулак, имевший много купчей

земли, которую в результате революции разделили между крестьянами всей деревни) ночью приехали из Спасского несколько человек верхом, которые рассказали, что в Веневе советская власть упразднена, надо сейчас идти на Епифань, а потом на Тулу, что во всех волостных советах выбираются старшины, что мужики восстали везде против коммунистов, которые хотят все разделить между собой.

«До вечера сидели мы с отцом под охраной Федора Иваныча, еле упросили его отпустить меня подоить корову. Уже под вечер вижу, на телеге промчался Алешка Давыдов с другим нашим деревенским кулаком, нахлестывая по лошади. За ним вскоре еще несколько телег пронеслись. Федор Иваныч хотел было остановить одного из них, но те только отмахнулись: «Бежим».

«Тут и Федор Иваныч бросил нас караулить и убежал.

«Вошла я к соседке, у которой муж отправился на станцию. Та в тревоге, что другие приезжают, а Никифора все нет и нет...

«Ночью прибежал Никифор. Говорит, что разобрал рельсы, чтобы из Тулы не приехали красноармейцы, а в это время из Епифани подошел большой отряд с пулеметами, да как начали хлестать... Ну, тут, конечно, все по домам. За нами, — рассказывал Никифор, — верст пять гнались, еле успели в лесу спрятаться.

«На другой день во всей деревне тишина, на улице никого не видно, все мужики попрятались. Один мой старик ходит и ворчит:

«— Что, сукины дети, восстали? Подождите, будет вам.

«Часов в десять прибежал бледный, трясясь от страха, Сергей Дежин.

«— Прости, Прокофий Политыч, это не я хотел тебя арестовать, это спасские все. Не выдавай уж меня. Говорят, сюда идут красноармейцы.

«Действительно, вскоре приехало верхами несколько красноармейцев. Все мужики попрятались, кто в лес, кто куда. А Алексей Давыдов и Сергея Дежина — Васька те так и не явились в деревню, до сих пор нет. Прячутся. Как приехали красноармейцы да стали собирать мужиков, тут Сергей Дежин чуть не большевиком сразу стал. Но у нас никого не взяли. Поехали в Спасское».

— Ну, а в Спасском кто же восставал? — поинтересовался я.

— Сын Александрова. Приехал к отцу, вот они вместе и затеяли.

(Александровы — бывшие спасские помещики).

ГЛАВА IX

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ

На заседании президиума губисполкома поставлен мой доклад о качественном состоянии тульского гарнизона.

На заседании президиума присутствуют только члены партии.

Приведя в начале доклада цифры потребностей в различных категориях комсостава для ведущихся формирований, я дальше доложил, с каким контингентом из бывших офицеров приходится встречаться губвоенкомату.

Главная масса офицеров, свыше 1.000 человек, падает на долю прапорщиков или офицеров военного времени. Кадрового офицерства, для которого военная служба является профессией, насчитывается не более ста человек.

Я подразделил офицерство на четыре группы. Первая группа — высший офицерский состав, с высшим военным образованием. Их очень немного, они в большинстве случаев занимают службу в аппарате военных комиссариатов. Вторая группа — старые кадровые офицеры, работающие частью в комиссариатах, а большей частью — на строевых должностях, в полевых войсках. Из этой группы довольно значительный процент состоит в резерве. Задержка назначения их вызвана стремлением проверить их отношение к советской власти. Третья группа — офицеры военного времени, прошедшие ускоренные курсы военных училищ или школы прапорщиков. К этой группе применяется классовый отбор. Обращается внимание на происхождение, на род занятий до войны, имущественный ценз и т. д. Наконец последняя

категория — это произведенные в офицерское звание на войне из нижних чинов за боевые отличия. Они по своему социальному положению близки к Красной армии и в то же время наиболее ценны, имея большой практический опыт в деле обучения войск, благодаря пройденной суровой школе в старой армии. Они являются наиболее дисциплинированными, могущими требовать дисциплину от красноармейцев.

Анализируя отношение бывших офицеров к советской власти, я делал такой вывод:

Группа генштабистов крайне незначительна. Генштабисты — прекрасные технические работники в области составления всякого рода планов, программ и т. п. Политически они значительно грамотнее всех остальных групп офицерства. В них существует стремление к широким масштабам работы. Тот размах, который принимает сейчас организация Красной армии, многих из них увлекает целиком, и они работают, не покладая рук.

Армейские кадровые офицеры — стараются скрыть свое отношение к советской власти. Однако, можно заметить, что эта группа чрезвычайно тяготеет отсутствием чиновничества, которое они имели в старой армии. Их коробит необходимость обращения к красноармейцам: «товарищ», а не «братец». Часто видишь, как нервно передергиваются мускулы лиц от обра-

ния к такому офицеру красноармейцев: «товарищ командир».

Комиссарский состав ими рассматривается, как необходимость для данного периода, при чем они стремятся использовать комиссара для защиты военных спецов. При общении с красноармейской массой эти офицеры стремятся спрятаться за спиной комиссара.

Часть из них за полугодовой срок работы успела освоиться с новыми порядками и, в силу профессиональной гордости, стремится не ударить лицом в грязь.

Некоторых из этих офицеров увлекло получение в Красной армии крупных назначений, по сравнению с тем, что их могло ожидать в царской армии. Привел в пример Вишневого, Тресвятского и некоторых других, которые вышли из старой армии в чине капитана, а сейчас по занимаемым должностям приравниваются как бы к полковникам.

Третья группа — офицеры военного времени — самая разнокалиберная и разнообразная. Главная масса занимает средние командные должности от командира роты до батальонного включительно. Многие из них с демократическими взглядами в прошлом, поэтому современные условия, быт и форма войсковых частей их не смущают. Во всяком случае для них совершенно безразлично, как обращается к ним красноармеец: «товарищ командир» или «ваше благородие».

Последняя группа — офицеры из нижних чинов — является наиболее для нас желательным и подходящим материалом.

По моему докладу развернулись обширные прения. Члены президиума в основном согласились с данной мною оценкой в отношении первых двух категорий. Больше всего подвергался обсуждению вопрос об офицерах военного времени, так называемых «прапорщиках». Меня упрекали в отсутствии анализа их политических убеждений до Октябрьской революции.

Самый зловредный элемент в армии, — говорили выступавшие, — это бывшие меньшевики, эсеры или сочувствующие этим партиям, скрывающие это сочувствие под маской прапорщиков военного времени. Необходимо больше обратить внимание на эту группу и при дальнейших назначениях исходить не только из их социального происхождения, но и из анализа их бывших политических убеждений. Надо всемерно укреплять и выдвигать на высшие должности командиров-практиков, отличившихся личной храбростью в бывшую войну. Эти люди, прошедшие достаточно хорошую практическую школу, смогут быть наиболее активными работниками — командирами в гражданскую войну. Однако, и в отношении этой группы необходим классовый подход, тщательный фильтр и отбор кулацких выходцев.

Попутно затронули вопрос о необходимости

создания в Туле советских командных курсов. Тогда только армия будет сильной и настоящей защитницей революции, когда комсостав армии будет «кровь от крови и плоть от плоти» рабочего класса.

Будучи в Москве, я договорился с Дзеволтовским, начальником Управления военных учебных заведений, об открытии командной школы в Туле. Дзеволтовский потребовал, чтобы была обеспечена материальная база и бытовые условия, которые сделали бы учебу успешной.

— Все необходимое из оборудования и инвентаря мы найдем, — говорил я, — но нам надо получить хорошее помещение, которое не уступало бы помещениям бывших военных училищ.

В вынесенной резолюции постановлено: для командных курсов отвести здания бывшего дворянского собрания и дворянской гимназии.

В Москве я окончательно договорился с Дзеволтовским. Курсы учреждаются на 500 человек. Комсостав, преподавателей и администрацию курсов предложено сформировать мне.

Начальником курсов назначил Шемякина, а комиссаром при нем Протасова. Тов. Протасов — близкий товарищ Глаголева. Вместе с ним учился в московском университете, уже около полугода работает в политпросветительном отделе.

Максимов расшибается в лепешку, чтобы оборудовать курсы лучше, чем старые военные училища.

Коллективными усилиями в течение какой-нибудь недели был подобран полностью довольно приличный состав преподавателей.

При окружном военном комиссариате организовалось Управление запасными войсками округа. Это Управление добилось подчинения запасных частей, расположенных по губерниям, непосредственно себе, оставив за губвоенкоматами лишь общее наблюдение в вопросах гарнизонной службы. Я самым решительным образом протестовал против подобной централизации перед окружным комиссаром, но из этого ничего не вышло.

Таким образом, запасные полки, сформированные нами без какой-либо поддержки со стороны центра, ныне из ведения губвоенкомата уходят и ими будет управлять непосредственно Москва.

Здесь или большая непродуманность, или сознательная тенденция к отрыву формирований от местных исполкомов. Не преувеличивая, говорю, что не менее 50% средств мы получаем из местных источников.

Централизм развивается во-всю. Имевшийся в Туле батальон по изъятию продовольственных излишков в отношении управления тоже централизуется. В Москве создан специальный штаб

продовольственной армии с командующим во главе. Этот командующий на этих днях был в Туле. Он произвел впечатление сногшибательного «земгусара» с шашкой, револьвером, шпорами. Прибыл он в Тулу в специальном вагоне, как настоящий командующий армией.

В беседе со мной «продкомандарм» развивал мысль о сугубой необходимости централизованного управления продовольственными войсками, о формировании их по типу полевых войск, т. е. со штабами дивизий, бригад и т. д.

— К чему все это,— говорил я,— ведь батальон находится в оперативном подчинении продовольственных организаций. Что же будут делать все эти штабы дивизий, бригад? Только пожирать народные средства.

Но «командарм» был непоколебим. Очевидно, в Москве слишком много специалистов и очень мало желающих служить в Красной армии. То ли дело сидеть в продовольственной армии, получать большие пайки и изображать из себя крупное начальство.

Новые главкомы и штабы растут в центре, как грибы после дождя летом. Организовался штаб войск ВНУС (войск внутренней службы). Этот ВНУС будет, извольте ли видеть, из Москвы руководить службой караульных батальонов, находящихся при комиссариатах и обслуживающих снабженческие учреждения.

Вслед за этой «гнусью» организуется новая. Создается специальный штаб территориальных войск по всеобщему военному обучению трудящихся.

Опыт ноябрьского восстания в Кашире, Епифани и Веневе подсказал, что, помимо регулярных войсковых частей, надо иметь еще большую организованность и военную систему в рядах коммунистической партии. В ноябре веневская организация, епифанская и даже городская тульская в момент опасности вынуждены были мобилизовать коммунистов, вооружить их и держать наготове.

Мобилизация коммунистов вещь не сложная, но использование мобилизованных было чрезвычайно слабо. Не было заранее назначенных командиров, не подготовлены вопросы питания и т. д.

На одном из городских партийных собраний, делая оценку внутреннего положения губернии, Каминский коснулся вопроса мобилизации коммунистов.

— Нам нужно, — говорил он, — в это дело внести большую организованность, подумать над тем, чтобы в момент мобилизации не создавать толчеи, не путаться друг у друга под ногами.

Поручили мне проработать этот вопрос и доложить его на одном из ближайших общегородских партийных собраний. Пришлось почитать литературу по милиционным формированиям, за-

глянуть повнимательнее в инструкцию, касающуюся формирования Всеобуча. Извлек из всего этого наиболее ценное и пригодное в наших условиях и набросал проект Положения о коммунистических частях, создаваемых партийными комитетами. В основу легла такая схема:

При губернском или уездном комитете партии существуют ответственные товарищи в качестве как бы кадровых командиров коммунистической части. При этих товарищах небольшой штаб и склад с оружием и снаряжением. Все коммунисты города или района вносятся в списки роты или батальона и из среды коммунистов же назначают командиров отделений, взводов, рот. Периодически, не менее двух раз в месяц, собираются для военных занятий. По приказу о мобилизации — являются на заранее назначенный сборный пункт и поступают под начальство своих командиров.

Из Москвы прислали в обильном количестве инструкции и циркуляры о формировании Всеобуча. При военкомате создается специальный отдел по всеобщему военному обучению, как бы губернский штаб территориальных войск. Всеобуч должен вовлечь в свою орбиту все способное носить оружие население, начиная с 18-летнего возраста и кончая 40-летним.

По разработанному для нашей губернии плану формирования Всеобуч должен создать три ре-

зервных территориальных бригады, по три полка в каждой.

Стоило дать согласие на присланную схему формирования территориальных частей, как штабы последних стали расти, как грибы. Весь командный состав, находившийся у меня в резерве и который я рассматривал, как базу для дальнейших формирований, немедленно испарился. Мало того, появился откуда-то неучтенный запас и не далее, как через месяц, «армия» Сапфирского насчитывала в своих кадрах свыше 500 бывших офицеров.

Когда Сапфирский принес мне карту Тульской губернии, на которой были отмечены его резервные территориальные части, а они проникли до волостей включительно, у меня волосы на голове поднялись. В каждой волости, в каждом маломальски крупном населенном местечке, в уездных городах губернии — штабы, штабы, штабы, командиры, командиры, командиры..., а во главе их бывшие офицеры. Стоит только дать сигнал из Тулы, из штаба Сапфирского, как вся эта масса, призванная яко бы производить всеобщее военное обучение, может нам устроить такую катавасию, перед которой ноябрьское восстание покажется мелким анекдотом.

Пришлось предложить уездным военным комиссариатам взять под строжайший контроль работу штабов, всемерно их сократить и систематически

изымать бывших офицеров для направления в полевые войска. На всеобучевскую же работу назначать унтер-офицеров запаса. Это и дешевле и безопаснее.

К моему удовольствию, получил приказ сформировать для отправки на фронт в качестве опыта один резервный территориальный полк, укомплектовав на все 100% командные должности. Это дало возможность из'ять свыше ста офицеров и вместе с полком двинуть их в распоряжение штаба Южного фронта.

Заместитель председателя губчека тов. Алексеев почти на каждом заседании пускает шпильки насчет работы губвоенкомата.

Товарищ Алексеев одновременно состоит председателем Чулковского районного комитета партии.

Однажды он позвонил мне по телефону, что Чулковский районный комитет просит меня прийти на общее собрание коммунистов района сделать доклад о деятельности комиссариата.

Поехал.

Присутствовало около сотни коммунистов.

Перед докладом я нервничал: во-первых, в ожидании критики, во-вторых, стесняясь выступать на больших собраниях. В течение часа говорили о роли военкоматов, степени организованности, о проделанной работе, о недостатках. Никакого проекта резолюции я не предложил.

Прения открылись выступлением партийцев-рабочих с патронного завода: караульная рота завода плохо обмундирована, плохо обута, имеется слабость в дисциплине. Не редки случаи небрежного несения караульной службы. Часовые засыпают на посту. Пропускают без соблюдения формальностей, — говорили одни.

Другие говорили о плохом положении запасного полка, нет постельных принадлежностей, нет тюфяков, люди редко ходят в баню, белье грязное, вшивеют.

Выступавшие касались, главным образом, не порядков в запасных полках и что губвоенкомату нужно принять серьезные меры к устранению недостатков.

— Какие же бойцы, — говорили рабочие с патронного завода, — из тех красноармейцев, которые месяцами сидят в грязной казарме, вшивые, в грязном рваном обмундировании, и как можно среди них вести политическую работу.

Алексеев начал свою речь указанием, как важно на собраниях коммунистов заслушивать доклады руководителей ответственных губернских учреждений.

— Сейчас мы заслушали доклад губвоенкома, он нам рассказал, что делается, как и для чего. Указал и недостатки работы. Теперь будем знать задачи военкомата, знать, что это своя организация, которая готовит Красную армию для защиты

революции. Надо почаще вызывать губвоенкома с такими докладами, чтобы он знал, как думает рабочий и чтобы рабочий видел те недостатки, какие имеются.

В общем, выступление товарища Алексеева было таково, что у меня поднялось к нему чувство товарищеской благодарности.

В заключительном слове я раз'яснил положение дел с запасными полками.

Вот уже два месяца прошло с тех пор, как запасные полки из'яты из подчинения губвоенкомату. Я не имею права выдавать им из своих запасов. Они все получают из Москвы. А Москва далеко и оттуда не сразу видно, что делается в полках. Надо дело обеспечения запасных войск возложить на военкомат. Я же, с своей стороны, постараюсь совместно с губисполкомом в категорической форме поставить еще раз вопрос перед окружным комиссариатом о возвращении запасных войск в подчинение губвоенкомата.

Возвращаясь с собрания домой после сделанного доклада, я был совершенно в ином настроении, чем когда шел на него. Было радостное возбуждение, чувствовал новый прилив энергии для ведения дальнейшей работы.

Алексеев прав: надо почаще вызывать на доклады ответственных работников.

ГЛАВА X

НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

По телеграфу из штаба округа передан приказ РВС республики об объявлении Тулы на военном положении. Зная, что в дореволюционное время, при назначении военного положения, вся власть переходит к военному начальству, мною в ту же ночь был заготовлен проект приказа, гласивший, что руководство проведением военного положения принадлежит губвоенкомату, и в целях нормального течения жизни советских и общественных организаций приказываю: хождение по улицам города после 9-ти часов вечера категорически воспретить. Для служебных надобностей должны пользоваться специальными пропусками, выдаваемыми военным комиссариатом, по ходатайству учреждений и организаций. Все зрительные и увеселительные места должны представлять на просмотр губвоенкомата программы вечеров и спектаклей. Без утверждения губвоенкомата никакие собрания и зрелища не разрешаются и т. д. в том же духе.

К факту объявления военного положения губком отнесся положительно, но запротестовал против передачи руководства этим делом губвоенкомату.

— Теперь не старое время, чтобы военным положением распоряжалась военная власть. Власть у нас советская. Советы и должны осуществлять

чрезвычайное и военное положение. Какой смысл и какая целесообразность, что после 9 часов вечера ходить нельзя без пропусков? Что у нас, фронт, что ли, или бандитизм?

— Или вы пишете,— обращались некоторые ко мне,— что для всякого рода собраний требуется разрешение военкомата. Почему военкомата, а не губисполкома? Ведь и сейчас так существует, что за разрешением собраний (не партийных) все равно обращаются в губисполком.

Мои возражения основывались на том, что об'явление военного положения произвел Реввоенсовет республики. РВС спросит об исполнении его приказа свой военный орган, каким является военкомат. Губисполком не подчинен Реввоенсовету и губисполком ответственен за проведение военного положения не будет. Если это не так, то я не получил бы приказа по телеграфу на свое имя.

— Конечно, ты прав, Оськин,— говорил Каминский, подводя итог собранию.— Твоя ошибка заключается лишь в одном: ты упустил из виду факт существования советской власти. Военкомат сейчас часть губисполкома, часть Совета, а часть не может собой заменить целое. Военное положение мы об'явим, но постановление опубликуем за подписью губисполкома и губвоенкомата. За такую форму и РВСР не будет в претензии. Теперь насчет хождения после 9 час. вечера. Это — ни к чему. Пусть себе ходят. Если от хождения полу-

чится вред для советской власти, можно будет запретить.

Пришлось взяться за формирование интернациональных войск. В губернии оказалось несколько сот китайцев. Недавно несколько из них явились в военкомат с предложением принять их в Красную армию. Присутствовавший в это время у меня руководитель по борьбе с дезертирством Воднев подал мысль сформировать специальную роту из китайцев, которую направить на борьбу с дезертирством.

— Я думаю,— говорил Воднев,— что в тех репрессиях, которые теперь приходится применять к дезертирам, китайцы — народ будет самый подходящий. Заставить мужика расстрелять дезертира, своего же земляка, не всегда удобно, а карательная рота китайцев может явиться подходящей и надежной силой для всяких специальных заданий губвоенкомата.

— Согласен при условии, что ты будешь командиром этой роты.

Воднев не возражал.

Через недельку явившиеся в военкомат китайцы, узнав от Воднева о нашем намерении сформировать из них роту, притащили с собою несколько десятков других китайцев. А недельки через три их набралось за сотню.

Из всей сотни по-русски говорят только троечетверо. Все команды надо делать на китайском

языке, а так как никто из русских командиров не знаком с этим языком, то Воднев одного из китайцев, умеющего говорить по-русски, произвел в свои помощники. Воднев по-русски говорит своему помощнику, что надо сделать, а тот уже дальше говорит по-китайски.

Рота несет службу по борьбе с дезертирством идеально. Дисциплина поддерживается строгая. Так прошло с месяц. Затем стали замечаться случаи исчезновения отдельных китайцев по ночам из казармы, хотя к моменту занятия, утром, они снова появляются на своих местах. Из губчека сообщили, что в нескольких ограблениях квартир с человеческими жертвами были замечены китайцы. Это заставило посадить в роту несколько наблюдателей из ЧК. Последние проследили, что группа в 8 человек — китайцев, после того как наступает час сна, ежедневно выбирается из казарм и шествует на окраины города к живущим там штатским китайцам и вместе с ними, пользуясь военным оружием, производят налеты на квартиры. Устроили засаду и в одну из их очередных «экскурсий» они были арестованы. Арестованные признались, что они систематически совершали нападения на квартиры.

Восемь красноармейцев - китайцев были расстреляны. За остальными установили строгое наблюдение, разбавив каждый из взводов наполовину русскими.

Под Тулой, на Судаковском заводе, а также в помещичьих экономиях работали до революции военнопленные немцы, австрийцы, мадьяры и турки. Большая часть пленных, в первую очередь немцы, эвакуировались на родину, но часть осталась. Остались по преимуществу венгры. Существующая в Москве венгерская организация вела большую пропагандистскую работу среди военнопленных венгров. При губисполкоме два мадьяра, Файдаш и Грин, были представителями военнопленных. Оба коммунисты.

Файдаш предложил губисполкому сформировать венгерскую часть для службы в Красной армии. Я назначил Файдаша командиром интернациональной роты и уполномоченным по вербовке военнопленных в Красную армию.

Месяца в полтора создалась замечательная войсковая часть, состоящая сплошь из мадьяр.

Военными знаниями и крепкой дисциплиной мадьяры производили чрезвычайно выгодное впечатление. На них возложили несение ответственной службы по охране губчека, губисполкома и губкома. К сожалению, рота мадьяр просуществовала недолго, она была вызвана в Москву, откуда отправилась на фронт против Колчака.

ГЛАВА XI

МЕНЬШЕВИСТСКАЯ ВЫЛАЗКА

Первая бригада закончила свое формирование. Производим усиленные занятия по обучению красноармейцев стрельбе и службе по полевому уставу. Получили распоряжение об отправке бригады на фронт.

Комсостав ведет себя прилично. Укрепился внутренний распорядок. Сильное впечатление производит на обывателей появление полков на улицах города в походном снаряжении, с винтовками. Соблюдаются правила движения колонн. Держится нога, правильные интервалы, красноармейцы хорошо обмундированы, словом, Тула давно уже не видала такой дисциплинированной армии.

Коганин и Ильинский — комиссар бригады — много поработали, чтобы привести полки в приличное состояние. Весть о предстоящей отправке на фронт встречена спокойно. Проявления шуточных моментов, попыток застрять в Туле не наблюдается.

В первом полку хорошо работает коллектив коммунистов во главе с Сундуковым (бывшим командиром красногвардейского отряда). Теперь Сундуков уже комиссар полка.

Вызывает опасение состав штаба бригады, особенно начальник штаба — Доссе, бывший крупный помещик и полковник старой армии. Это

опасение особенно усугубилось после прихода Доссе ко мне вместе с командиром 1-го батальона 1-го полка — Стрекопытовым.

Пришли они ко мне по вопросу о дополнительном отпуске полку запасного оружия, пулеметов и винтовок. Так как запасное оружие по штату не положено, то я им отказал.

В день отъезда бригады был организован митинг и устроены торжественные проводы с представителями рабочих организаций. Говорились речи. Выступавшие представители бригады клятвенно заверяли (от комсостава и красноармейцев) тульский пролетариат, что ими будет сделано все для победы над белогвардейцами.

Бригада получила назначение в район Гомеля. Отъезд 1-й бригады позволил лучше разместить в освободившихся казармах запасные части.

Забастовали оружейный и патронный заводы. Забастовка вызвана агитацией меньшевиков об увеличении продовольственного пайка.

Надо сказать, что выдача пайка рабочим заводов производится не регулярно. Губком бьется, принимая героические меры для обеспечения нормального отпуска пайка, но слабым поступлением в Тулу продуктов систематическое снабжение срывается.

Началась забастовка в инструментальном цехе оружейного завода. Когда директор завода тов.

Савицкий в очередной обход мастерских вошел в инструментальный цех, навстречу раздались крики: «Хлеба! Хлеба!»

Одиночные выкрики разрослись в сплошной гул. Рабочие бросили работу и наступали на Савицкого с требованием немедленного увеличения продовольственного пайка, угрожая в противном случае прекратить работу.

Инструментальщики — наиболее квалифицированные рабочие и в то же время среди них наибольший процент меньшевиков. Эти рабочие являются своего рода верхушкой. Их заработок несравненно выше рабочих других цехов.

Попытка Савицкого успокоить вспыхнувшее недовольство была напрасна. Инструментальщики бросили работу и рассыпались по другим мастерским с призывом присоединиться к забастовщикам.

В первый день бросили работу только инструментальщики. На другой день рабочие других мастерских хотя и явились на завод, но к работе не приступали, а к концу второго дня оружейный завод забастовал. За ним последовали патронный завод и железнодорожные мастерские Московско-Курской дороги.

Члены губисполкома и губкома брошены на заводы и районы Чулково и Зареченска. Из раз'яснения гибельности забастовки в то время, когда республика переживает тягчайшие затруднения в топливе и продовольствии, с одновременным ве-

дением войны, с усиливающейся контрреволюцией на юге и на востоке,— действовали мало. Рабочие на митинги приходили, слушали речи и молча расходились. В Зареченском районе, заселенном преимущественно рабочими оружейного завода, были случаи стаскивания ораторов с трибуны. Даже Каминскому не давали говорить.

В это время в Тулу прибыл член РСФСР республики тов. Акулов для участия в работах предстоящей партийной губернской конференции.

Решили использовать Акулова для организации, с его участием, общего собрания рабочих заводов в одной из громадных пулеметных мастерских нового пулеметного завода. На собрание явился почти весь состав заводов. Выступали лидеры меньшевиков Николау и другие с критикой большевиков, доведших, по их словам, страну до чрезмерных продовольственных и иных затруднений.

Выступил Акулов.

Его спокойный, уверенный тон несколько поколебал бастующих, но все же ему договорить не дали.

Выступил Каминский с резкой критикой меньшевистской демагогии и своей блестящей речью вызвал аплодисменты у бастующих.

Наметился перелом.

Стаечный комитет, организованный меньшевиками, арестован. Назначили другой стачечный комитет из членов губотдела союза металлистов с

участием в нем большевиков. Стачечный комитет развесил объявления, что им ведутся переговоры с губисполкомом об усилении норм продовольственного пайка, главным образом, о систематической, регулярной, бесперебойной выдаче продуктов по тем нормам, какие существуют в данное время.

«Переговоры сегодня должны закончиться», — гласило объявление. — «Рабочие завтра должны явиться в мастерские, где им будет объявлено о результатах».

На другой день большая часть рабочих была на местах. Упорствовали лишь инструментальщики. К счастью, в это время в Тулу прибыло несколько вагонов с продовольствием и губисполком напечатал в газете объявление, что с сегодняшнего дня начинается выдача пайка по таким-то и таким-то купонам продовольственных карточек, при чем выдача будет производиться лишь тем рабочим, которые приступили к работе.

На другой же день забастовка ликвидировалась.

Появление тов. Акулова в Туле было использовано губкомом для обсуждения вопроса о переводе оружейного и патронного заводов на красноармейский паек.

Учитывая усиливающееся значение работы военных заводов и в целях пресечения контрреволюционной агитации, на совместном совещании губкома, губвоенкомата и Акулова решили органи-

зовать в Туле Военный трибунал для быстрого рассмотрения дел по контрреволюционной деятельности антисоветских партий.

В центре решение вопроса о переводе рабочих военных заводов на красноармейский паек не задержалось. Мною получено распоряжение принять на военное довольствие рабочих военных заводов в количестве 30.000 человек.

Прибыл из полевого штаба республики тов. Илюшин, назначенный на должность председателя тульского Военного трибунала.

Илюшин старый партиец, бывший рабочий. Уже около года работает в Военном трибунале республики. По привезенному им положению Военный трибунал должен находиться в ведении губвоенкомата и губвоенкому присваиваются права члена РВС армии по руководству деятельностью трибунала и по утверждению его приговоров.

Сформировал коллегию трибунала: председатель тов. Илюшин, членами зампред губчека тов. Алексеев и выдвинутые губкомом тт. Пронин и Воеводин.

Трибунал заработал.

Губчека сформировала кавалерийский эскадрон для несения специальной чекистской службы. Командиром этого эскадрона губчека назначила бывшего кавалерийского офицера графа Толстого. Толстой пробыл в эскадроне около трех месяцев

и, благодаря полнейшей бездеятельности, не сумел не только наладить внутренний порядок, установить дисциплину, но даже и превратить людей, направляемых к нему в эскадрон, по внешности, в красноармейцев. Коллегия губчека усмотрела в этом со стороны Толстого злой умысел, арестовала его и дело поступило для разбирательства в Военный трибунал.

При разборе дела трибунал установил факт преступной небрежности и полной бездеятельности со стороны Толстого. Приговор был короток: «За сознательный саботаж, направленный к срыву формирования ответственной кавалерийской части, подвергнуть высшей мере наказания».

По положению этот приговор должен был поступить ко мне на утверждение. Еще мне не было известно о результате разбора дела, как в кабинет с истерическим плачем и воплями ворвалась молодая девушка в сопровождении мужчины. Он оказался братом осужденного Толстого, а девушка — невестой. Пришедшие стали просить о приостановке приговора и о пересмотре дела.

— Мой брат не виноват в такой степени, как его осудили, — говорил Толстой. — Он не мог справиться с работой, в этом его вина. Еще большая вина в том, что он не доложил своему начальству, что не может командовать эскадром. Он не совсем нормален психически и еще в старой армии, по неспособности, был уволен в отставку.

— У меня приговора нет,— ответил я,— когда поступит приговор, я ознакомлюсь с ним и вы потом узнаете об участи осужденного.

Через час после их ухода звонит Кауль, занимавший в это время должность губпродкомиссара.

— Тов. Оськин,— начал он,— мне сейчас передали, что трибунал приговорил к расстрелу Толстого. Ведь он же форменный идиот. Я его знаю на протяжении ряда лет. Здесь определенная ошибка со стороны трибунала. Необходимо вам вмешаться. Глупо со стороны губчека идиота назначать командиром эскадрона.

Вслед за Каулем звонит Каминский.

— Трибунал приговорил к расстрелу Толстого; ты знаешь, какие отсюда могут последовать выводы?

— Какие?

— Толстые известны всему миру. Всем также известно, что Лев Николаевич жил в Ясной Поляне под Тулой, а теперь там его семья. Если расстреляют однофамильца, то всюду истолкуют, что большевики расстреливают сыновей и родичей Толстого. Я считаю, что с политической точки зрения приведение в исполнение приговора над Толстым нецелесообразно и вредно. Сделай так, чтобы приговор отменили.

Сообщение Кауля и директива Каминского заставили меня на полученном от трибунала приговоре наложить резолюцию: «Дело пересмотреть».

Такая резолюция должна вызвать отправку всего дела на рассмотрение Верховного Военного трибунала.

Алексеев чрезвычайно возмущен моим вмешательством. Он не может допустить, что граф Толстой просто неспособный, психически ненормальный человек, а не сознательный контрреволюционер. Не зная, что приговор приостановлен мною по распоряжению Каминского, Алексеев поставил вопрос в губкоме о недопустимой защите Оськиным бывших офицеров, уличенных в прямой контрреволюционной деятельности.

На заседании губкома Каминский дал резкую отповедь Алексееву, разъяснив ему истинные мотивы, руководившие мною в деле Толстого. Губком согласился с Каминским.

Получил распоряжение отправить вторую бригаду на Восточный фронт.

Командир этой бригады Катомин, бывший полковник, рязанский помещик, прибыл в Тулу уже в момент получения приказа об отправке бригады на фронт. Первое впечатление — энергичного, подвижного и живого, знающего хорошо военное дело.

Катомину сразу пришлось взяться за подготовку частей бригады к погрузке. В назначенный для погрузки день он явился ко мне с докладом, что заболел военный комиссар бригады Шотман и просит назначить другого.

— Как заболел? — удивился я. — Его только вчера видел совершенно здоровым.

— Вчера не знаю, а сегодня он прислал известие, что болен. Лежит на квартире и врач требует оставления его в Туле.

Вызвал Берлина, заведывающего санитарным отделом. Поручил командировать на квартиру к Шотману врачебную комиссию для освидетельствования его здоровья.

Явившаяся через пару часов комиссия доложила, что никаких объективных признаков заболевания у Шотмана не найдено. Шотман ссылается на общее недомогание, расстройство желудка, головные боли и т. п. Вид у него нервный, возбужденный, но это может быть и со здоровым человеком.

Поручил Глаголеву послать предписание Шотману отправиться с бригадой. Шотман предписание не принял, заявив дежурному сотруднику, что он болен и поехать на фронт не может.

Пришлось сообщить губкому о своих подозрениях, что Шотман симулирует болезнь, что подобное поведение комиссара бригады абсолютно недопустимо, действует разлагающе не только на командный состав, но и на коммунистов бригады. Прошу губком заставить Шотмана, в порядке партийной дисциплины, отправиться с бригадой.

В это время в Туле находился прибывший из ЦК партии тов. Минин. Я рассказал ему о не-

допустимом поведении Шотмана, дополнив характеристику последнего рассказом о его хождении к архиерею.

— Что же это за коммунист? — удивился Минин. — Почему его держат в партии?

Минин вызвал к себе Шотмана, дал резкую нахлобучку, пригрозил трибуналом и высшей мерой наказания, если он сейчас же не присоединится к бригаде.

— Если коммунист даже действительно болен, не может стоять на ногах, то и в этом случае в ответственный момент он должен быть впереди своей части, — внушал тов. Минин.

Губком вынес строгий выговор Шотману и приказал выехать вместе с частями бригады на фронт.

Положение на фронтах ухудшается. На востоке 3-я армия сдала Пермь. Колчак подвигается со стороны Сибири и Урала к волжским губерниям. В Заволжья, со стороны Уральской степи, действует казачья армия Дутова. На юге усиливается Деникин. Газеты ежедневно приносят известия о наших отступлениях. Усилились требования на формирование маршевых рот и батальонов. Идет новый призыв запасных. Губвоенкомат работает с лихорадочной энергией, еле успевая выполнять сыпавшиеся задания.

Объявлена мобилизация профессиональных союзов, о выделении 10⁰/₀ членов профсоюзов в армию

В Туле эта мобилизация дала немного, ибо военные заводы от мобилизации освобождены.

ЦК партии объявил мобилизацию 10⁰/₀ коммунистов,— это по Тульской губернии дает несколько сот человек.

Усилились продовольственные затруднения. Население получает, и то не каждый день, $\frac{1}{4}$ фунта хлеба. Снабжение военных заводов происходит регулярно, благодаря их переводу на красноармейские пайки. Но у нас и с красноармейскими пайками не всегда благополучно. Людей на довольствии много, а приток продуктов чрезвычайно слабый.

Наиболее слабым элементом среди мобилизованных коммунистов оказались деревенские коммунисты, присланные из уездов, в количестве 100 человек. Размещенные мною в двух зданиях барачного городка, подобно остальным красноармейцам, они подняли бузу, требуя улучшенной обстановки. Несколько раз пришлось выезжать в бараки для разговора с ними о положении армии, о наших возможностях и о том, что они должны были бы подавать пример своим поведением для остальных рядовых и малосознательных красноармейцев.

Отмечено несколько случаев дезертирства деревенских коммунистов.

После двухнедельного обучения военному делу, отряд коммунистов отправили в распоряжение штаба 14-й армии.

Для руководства продовольственной работой и для содействия мобилизации профсоюзов и коммунистов в Тулу прибыл уполномоченный ВЦИК тов. Канатчиков и сразу стал в колючие отношения с губкомом. По его мнению, Тульский губком не полностью осуществляет директивы центральной власти в области ряда вопросов. Каминский объяснил тов. Канатчикову особенность положения Тулы, как центра военных заводов. Мы не можем вести дело слепо, по директиве общего порядка. Мы должны ее прорабатывать и осуществлять в соответствии с особенностями губернии. Местные условия наши безусловно влияют на характер выполнения директив центра, но в основном линия губкома правильна: центр внимания губкома — это дать республике и Красной армии как можно больше оружия.

Тов. Канатчиков несколько раз заходил в комиссариат для беседы со мной о военной работе. Постановка дела формирования его удовлетворила.

В связи с новыми мобилизациями число запасных войск растет. Мобилизуемые приходят с большими претензиями в отношении размещения, обмундирования и питания. Большинство претензий справедливы, но мы бессильны дать все то, что бы хотелось.

Усилилось дезертирство. Центр приказал применить репрессии к хозяйствам дезертиров. При РВС республики образовалась специальная ко-

миссия по борьбе с дезертирством. Такие же комиссии приказано создать и при губернских и уездных комиссариатах. Во главе губкомдезертира поставлен тов. Воднев, сотрудник политотдела. Для непосредственной работы эта комиссия приспособила специальный отряд добровольцев.

Отряд делает выезды в крупные населенные пункты губернии, извлекая скрывающихся от военной службы мужиков, направляя их в части, а местный исполком налагает материальное взыскание на семьи дезертиров и их хозяйства.

Несмотря ни на что, дезертирство принимает массовый характер и не только в Тульской губернии, но и в других. Мною получена директива о применении показательных репрессий, об устройстве показательных судов непосредственно в районе расположения запасных войск, с применением высшей меры наказания над наиболее злыми дезертирами.

Трибунал работает во-всю. Выносит приговоры о расстрелах десятками, при чем все это предается широкой гласности. Списки расстрелянных публикуются в местной печати, сообщаются по уездам и волостям, отдаются в приказах по гарнизону и читаются красноармейцам.

Применяемые репрессии оказали свое действие. Дезертирство из частей прекратилось, но еще остались довольно значительные случаи неявки мобилизуемых на сборные пункты.

В губернии об'явили неделю добровольной явки дезертиров, при чем добровольно явившиеся освобождаются от наказаний, как за дезертирство, так и за неявку на сборные пункты. В уезды направлено свыше 300 работников-коммунистов городской организации.

Неделя агитационной кампании и последующая за ней неделя явки дали колоссальный результат. Все уездные и волостные военные комиссариаты, их сборные пункты были забиты являющимися дезертирами. Явилось за одну неделю свыше 5.000 человек. Командиры запасных частей сбиваются с ног, чтобы принять и разместить прибывающую братию, получить обмундирование и распределить по соответствующим подразделениям для дальнейшей учебы.

Из штаба Южного фронта прибыло в Тулу около 500 человек перебежчиков из армии Деникина. Это мобилизованные в свое время Деникиным запасные солдаты. Они воевали в частях Деникина против красных войск, а потом, устав воевать, а частью в силу внутренних убеждений, перешли на сторону красных войск.

Для размещения перебежчиков выделили в барачном городке специальный участок, изолированный от других частей. На каждый барак посадили по одному агитатору-пропагандисту для раз'яснения задач советской власти, смысла гражданской войны и роли Красной армии.

Перебежчики в подавляющем большинстве оказались значительно развитее и сознательнее мобилизованных крестьян Тульской губернии. Уже через неделю после прибытия первой партии начали поступать заявления с просьбой о принятии их в Красную армию. После обсуждения в губкоме решили сформировать специальную роту из перебежчиков, насытив эту роту партийным составом.

В течение мая-июня создались две роты из перебежчиков, по 250 человек каждая, которые являлись в это время наиболее дисциплинированными частями всего гарнизона.

В частности, при дальнейшем развитии борьбы с дезертирством они были использованы в качестве отрядов по поимке дезертиров в деревенских селах и как агитаторы, испытавшие сами на себе «прелести» белогвардейской власти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕНЬ ВОЕНКОМА

Около семи часов утра. Военком еще спит, вернувшись накануне в третьем часу ночи с заседания губкома. Зазвонил телефон.

— Митя, Дмитрий, проснись, звонят, — будит его жена.

— Звонят... пусть, могут и обождать, — отмахиваясь, бормочет во сне военком.

— Проснись же, Дмитрий! Напрасно звонить не будут, уже третий продолжительный звонок, встань, послушай, — настойчиво просит жена.

— Слушай сама...

— Я послушаю, только проснись, пожалуйста. Жена военкома, бывшая сельская учительница, а ныне учительница красноармейских школ грамоты, босая побежала в кабинет к телефону.

— Квартира военкома, слушаю.

— Говорит комендант станции, Постов, попросите к телефону тов. военкома.

— Его нет, он вышел, будет через полчаса. Скажите в чем дело, я передам ему,

— Мне надо узнать, куда направить для выгрузки пришедшие платформы с бревнами.

— Я ему передам, он вам позвонит.

— Надо скорее. Узел так забит, что каждая минута дорога.

— Немедленно передам. Он позвонит. Дмитрий, ты проснулся? Комендант звонит, вставай же! Вот лентяй!

— Люся, пощади! Вот уже месяц я сплю не более трех часов в сутки.

— Ты скажи, куда бревна отправить, а потом спи себе.

— Бревна?.. Да ведь я еще три дня тому назад Мюллеру говорил условиться с комендантом. Пусть в Ясную Поляну передает. Кстати, позвони Максиму, чтобы он вздул Мюллера, — сказав это, военком перевернулся на другой бок и опять заснул.

В восемь часов утра военком и его жена сидят за утренним чаем. На столе сухая вобла и несколько ломтиков черного с примесью овса хлеба. Военком, не выспавшийся, хмурый, торопливо глотает горячий «кирпичный» чай, обдумывая, что ему надо сделать, чтобы подогнать темп формирования частей. Жена читает Реклю «Земля».

— Сегодня какой день? — спрашивает военком.

— Вторник.

— Значит, сегодня я мало занят, мой доклад о частях особого назначения завтра.

— Пойдем вечером в театр, московская труппа

Малого театра приехала. Садовская играет, так хочется посмотреть.

— С удовольствием, если буду свободен.

— Освободись. Я возьму билеты, ладно?

— Бери, мне тоже хочется отдохнуть. А ты что сегодня делаешь?

— У меня только два урока. В десять часов я пойду в Суворовские казармы в запасный полк, там прочту лекцию по географии Сибири, а в два часа в караульный батальон, буду говорить об образовании земли.

— То-то Реклю читаешь.

— Если бы ты видел, как меня слушают красноармейцы! Они точно дети, только более внимательны. Сейчас я готовлюсь к своим урокам куда серьезнее, чем раньше в школе. Со взрослыми фальшивить нельзя, они чувствуют, знаю ли я свой предмет или халтурую.

— Тебя, видимо, увлекает работа в красноармейских школах.

— Очень. К четырем часам я вернусь, сделаю обед и побегу за билетами.

Опять зазвонил телефон. Военком подошел сам.

— Аллс! Кто говорит? Глаголев? В чем дело? Контрреволюционная агитация в школе? Что за чушь! Кто? Спанопуло! Что они с ума сошли! Если бы она сказала что-либо антисоветское, то я немедленно узнал бы от Людмилы. Они вместе работают. Хорошо, скоро приду в военкомат, там

расскажешь. Люся,— обратился он к жене, — что вчера произошло в Суворовских казармах на лекции Спанопуло?

— Ах, да... я забыла тебе рассказать. Вчера в школе красноармейцы жаловались нам, что их кормят кониной, а настоящее мясо будто бы завхоз потихоньку увозит на базар. Спанопуло спросила, кто такой завхоз. Ей ответили, что он коммунист и к нему приступить нельзя. Тогда девушка вспылила: «Врете вы, коммунисты ни воровством, ни обманом не занимаются, кто-то мутит вас». Красноармейцы клялись, что им, действительно, дали конину, а корову, они сами видели, увели на базар. «Если это верно,— сказала Спанопуло,— то ваш завхоз не коммунист, а прохвост, примазавшийся, таких воров большевики расстреливают». Вот и все, что было. А что? Или на нее жалуются?

— Глаголев звонит, что ее обвиняют в контр-революционной агитации.

— Вот сволочи-то! Ты разбери, пожалуйста, это дело. Я уже не раз слышала о завхозе, что он не чист на-руку. Спанопуло девушка искренняя, простая, что чувствует, то прямо и скажет.

В губвоенкомате полно народа. Проходя через секретарскую комнату в свой кабинет, военком задержался, обратившись к своему секретарю:

— Тов. Басова, попросите ко мне Леонтьева. А посетителей направьте по соответствующим отделам.

В кабинете военком снял поношенную шинель, аккуратно повесил ее на гвоздь, специально для этого вбитый за дверь, затем вытащил из портфеля кипу бумаг, просмотренных им накануне на квартире.

— Что у меня сегодня?— спросил он себя.— Закончить отчет о деятельности закупочных конских комиссий, написать доклад о подготовленных маршевых ротах. Дать соображения о военно-гужевой повинности, о готовности батальона тылового ополчения. Это все округу. Уездным военкоматам — сделать нагоняй за слабую ловлю дезертиров. Трибуналу — усилить репрессии к злым дезертирам. Водневу — послать отряды в дезертирские очаги,— читал военком по шпаргалке, составленной им накануне.— Максимову — что сделано, чтобы гарнизон был обеспечен овощами, топливом. Проверить производительность обозной и обмундировочной мастерских. Сказать, что красноармейцы жалуются на отсутствие матрацов. Музеусу — усилить темпы обучения маршевых рот. Пересмотреть программы обучения, ограничив подготовку полевыми занятиями, стрелковым делом и политграмотой, выбросив шагистику. Проехать в губисполком — просить обязать губпродком давать лучше продукты...

В дверь постучали.

— Кто там? Войдите,— сказал военком, отрываясь от шпаргалки.

С большой папкой в руках в кабинет вошел управляющий делами Леонтьев.

— Как у нас с отчетами для округа?

— Все готово, Дмитрий Прокофьевич. Меня задержал было Лапухин с отчетом о конских закупках, пришлось самому все просмотреть и проверить. О маршевых ротах вам доложит Цицерон. По гужевой повинности получены доклады из всех уездов. Организация подготовлена, можно объявлять поставку.

— Подождите с поставкой, — прервал Леонтьева военком. — Призывать лошадей, повозки и упряжь будем только по приказу штаба округа. Нам надо лишь быть готовыми.

— Готовы, тов. военком, вполне готовы.

— А что с батальоном тылового ополчения?

— Почти готов, только доложу я вам, напрасно хлеб портим. Какой толк из этого батальона!

— Вы не понимаете, тов. Леонтьев. Батальоны тылового ополчения созданы для того, чтобы в них направлялись лица, лишенные права выбора в Советы.

— Так точно, знаю. Однако, красноармейцы говорят, что буржуям опять поблажка: бедняки кровь проливают, а буржуи в тылу сидят.

— Не верно это. Тыловой батальон тоже отправим на фронт, где он будет нести работу на передовых позициях по обслуживанию красноар-

мейцев. Ополченцы лишены чести иметь оружие. Возьмите для исполнения эти бумаги,— сказал военком, передавая Леонтьеву вынутую из портфеля груду всяческой переписки с резолюциями.

— У меня к вам большой доклад, Дмитрий Прокофьевич, сегодня с почтой особенно много поступило всякой всячины.

— Оставьте меня. Я потом рассмотрю. Скажите Басовой, чтобы вызвала Максимова.

Доклады начальников отделов продолжались часов до двенадцати. С двенадцати часов секретарь стала пропускать к военному частных посетителей.

— Господин-товарищ военком,— заголосила вошедшая крестьянка,— ослобони, пожалуйста, моего мужика от мобилизации. Всю германскую войну на фронтах был. Только вернулся, хозяйство начал было поправлять, а тут опять на фронт. Неужто без него мало людей? Ослобони, я уже тебе холстинки и яичек принесу.

— Ты, баба, с ума сошла! Да за твою холстину тебя сейчас в ЧК отправим! — набросился на нее военком.

— За что же, батюшка, ведь я от души, благодарности ради. Все наши деревенские к уездному ходили, тот не отказывал. Сейчас половина деревни освобожденных.

— Ты из какой деревни?

— Из Бобрик, касатик.

— Знай, голубушка, что все бобриковские,

освобожденные раньше уездной комиссией, призываются, да еще некоторые под суд пойдут.

— Так им и надо, господин-товарищ, а то уж больно хвастают: в старую войну сидели дома и теперь, мол, дома сидеть будем. Моего-то ослобони. Уж отблагодарю тебя.

Военком позвонил.

— Позовите дежурного по комендатуре,— приказал он вошедшей Басовой.

Через минуту перед военкомом предстал дежурный.

— Возьмите эту женщину, отберите продукты для госпиталя, а ее отправьте по этапу в Бобрики.

— Товарищ начальник, ведь я по совести, из благодарности, уж не срамите меня этапом...

— Пойдем, тетка, пойдем,— энергично взял ее за руку дежурный комендант.

— Следующий! — крикнул военком секретарю.

Вошла расфранченная женщина, лет двадцати семи.

— Простите, что беспокою вас. Я по небольшому делу. Будьте добры дать разрешение на выезд в Киев, там у меня муж.

— Пропуска в прифронтовую полосу выдает губчека. Обратитесь туда.

— Я там была, не дают.

— Я ничего не могу сделать. Это не моя компетенция.

— Как не можете? Вы губвоенком, вся власть у вас...

— Прошу меня не задерживать. Обратитесь в губчека.

— А я так надеялась. Мой муж служил в одной дивизии с вами, может быть, помните, Соболев.

— Не помню, гражданка, мне некогда.

— Уж больше года я одна без мужа, думала у вас встретить сочувствие.

— Сочувствую... но простите, я занят.

Дама обиженно поджала губки.

— Следующий!

— Всегда я говорил, что быть Дмитрию Прокофьевичу генералом, так оно и вышло! Мое сердечное почтение! — развязно заговорил вошедший в кабинет мужчина лет тридцати двух, с военной выправкой.

— Пославский! — с удивлением произнес военком. — Неужели вы целы?

— Не только цел, но и член партии коммунистов-большевиков.

— Удивительно, бывший урядник и вдруг коммунист.

— Урядник — полиция наружная. Советская власть ведь тоже имеет наружную охрану — милицию, ну а раньше полиция была.

— Как же вы в партию пролезли?

— Не лез. Сами приняли. Я в Дудкине колхоз организовал, в бывшем в Бернадском имении,

коллективную обработку и все прочее. Теперь я председатель. В Епифани наш колхоз считают образцовым. Меня в партию записали, не верите? Посмотрите,— Пославский показал партбилет.

— Если билет не подделан, то, очевидно, в Епифани сидят ужасные головоотяпы.

— Что вы! Вот уж не ожидал от вас такого приема; чай, года два до войны в одной волости жили. Знал бы — лучше не приходил.

— Да, пожалуй, для вас лучше было бы.

— Бог с вами, зазнались, земляков забывать стали... Дельце у меня к вам.

— Какое?

— Организовал я колхоз, молочное дело налазил, ну и стали завидовать, кампанию против меня повели, я и решил просить вас замолвить за меня словечко Каминскому.

— Замолвлю, скажу, что в Епифанском уезде во главе колхоза урядников сажают, в партию записывают, непременно скажу.

— Дмитрий Прокофьевич, ведь я к вам, как к земляку, а вы губить меня хотите. Знал бы — лучше не ходил.

— Повторяю, это для вас лучше было бы, а сказать скажу.

Бог вас накажет. Простите, забудьте, что я к вам приходил,— и Пославский быстро выскочил из кабинета.

Военком позвонил Каминскому, рассказал ему

о посещении Пославского, о партбилете, выданном бывшему уряднику Епифанским укомом.

— Хорошо, я дам взбучку, кому следует, и билет отберу,— ответил Каминский. — Ты что сейчас делаешь, Дмитрий?

— Принимаю посетителей.

— Пусть их Глаголев примет, а ты приезжай сейчас ко мне, на Площадную, надо поговорить о налаживании нашего гражданского аппарата.

— Сейчас приду.

У Каминского военком застал группу товарищей: Кауля, Марголина, исполняющего обязанности секретаря губисполкома, Кульнева, заведующего отделом финансов, Голубовича, начальника губернского государственного контроля и других. Говорил Каминский, что хотя и создали при губисполкоме ряд отделов, соответствующих наркоматам в центре, однако работа идет из рук вон плохо. Губисполкому, в частности и ему, приходится всякой вермишелью заниматься: давать разрешение на выдачу вкладов, на проезд в прифронтовую полосу, рассматривать дела мешочников, подписывать строительные ассигновки по воинским расходам, утверждать протоколы казенной палаты, которая уже формально упразднена и функции ее у Кульнева, тем не менее чиновники финотдела бегают к предисполкома, как раньше к губернатору бегали.

— Заведующие отделами губисполкома, очевидно, не знают и не понимают своих прав. По всякому пустяку прут в губисполком. Народу-то в аппарат посадили чорт знает сколько, что дальше работать нельзя. За мелочами мы упускаем наши главные задачи, военные и продовольственные. Что по-вашему надо сделать, чтобы упорядочить работу?

— Откуда навык к чиновной работе у наших товарищей? — первый заговорил Кауль. — Плавают они в бумажных вопросах, а старые чиновники их за нос водят. Я предлагаю согласовать работу отделов между собой, выработать для каждого четкое положение. Второе: поразогнать для первого времени хотя бы половину старых чинуш, заменить их своими товарищами-рабочими. Переделать саботажников из старых чиновных крыс очень трудно. Кто хорошо работает? Только новые учреждения — губчека и губвоенкомат.

Марголин присоединился к Каулю, добавив, что для увязки работ отделов необходимо в первую очередь обследовать на месте работу каждого учреждения.

Заведующий Госконом Голубович, медленно растягивая слова, говорил, что отделы созданы по распоряжению центра, что есть среди них такие, которые подчиняются только центральным наркоматам, как, например, Госкон и губвоенкомат. Что он не может допустить каких-либо организационных изменений в своем отделе без приказа из центра.

Высказалось еще несколько товарищей, поддерживавших точку зрения Кауля.

— Вопрос ясен,— резюмировал Каминский,— немедленно создаем комиссию. Я предлагаю Кульнева, Оськина и Марголина, которым с завтрашнего дня начать обследование отделов. В первую очередь взяться за Госкон.

— Откуда у вас такой централизм,— накинулся Каминский на Голубовича.— Вы забыли, что высшим органом власти в губернии является губисполком.

Голубович присмирел.

— Ты сейчас куда, Дмитрий? — обратился Каминский к военкому.

— Думаю в Суворовские казармы съездить. Там произошел инцидент. — И он рассказал Каминскому услышанное от Глаголева.

— Хорошо, поезжай. На обратном пути заезжай за мной, я хочу на командные курсы вместе с тобой зайти.

Вернувшись в губвоенкомат, военком вызвал к себе заведующего политпросветительным отделом Зайцева, чтобы вместе поехать в казармы.

Зайцев — тщедушный молодой человек, бывший толстовец, вступивший недавно в партию большевиков по рекомендации Глаголева.

— Что такое случилось в № полку? — обратился к Зайцеву военком.

— Ко мне поступило три заявления — одно от коммуниста, что Спанопуло в школе говорила красноармейцам, что большевики воры и жулики.

— А кто из коммунистов подал заявление?

— Завхоз Трутнев, очень развитой, энергичный человек, бывший поручик; беспартийные — это Смородин, каптенармус и Болотин — красноармеец-доброволец.

— Поедем в казармы, разберем на месте.

Приезда военкома в казармы в этот час не ждали. Обычно он бывал с утра или вечером. Встретивший дежурный по полку отрапортовал: что в полку происшествий не случилось.

Пошли прямо в школу, помещающуюся при входе во двор, в здании бывшей офицерской библиотеки. Рядом с комнатами, отведенными под классы, — комната партийной ячейки. Зашли туда. Секретарь ячейки красноармеец Сверчков, из рабочих оружейного завода, бывший раньше в красногвардейском отряде Сундукова.

— Здравствуй, Сверчков, — обратился к нему военком, — что нового?

— Особого ничего, занимаемся. Сегодня вечером будем слушать доклад Трутнева. Красноармейцы жалуются, что плохо готовить пищу стали, а наши парни поговаривают, что у него не все ладно.

— Что вам известно об учительнице Спанопуло?

— Очень хорошая учительница. Я иногда присутствую на ее уроках, так толково учит и рассказывает, что красноармейцы очень довольны ею.

— На нее поступило заявление, что она контрреволюционной агитацией занимается, — сказал Зайцев.

— Вы бы, товарищ Зайцев, почаще к нам ездили, тогда знали бы цену таким заявлениям. Спанопуло почти что член партии, даром что отец был табачным лавочником.

Расскажите, что вам известно по этому поводу, — попросил военком Сверчкова.

— Дня два назад в третьем батальоне красноармейцы отказались есть суп, говорят, что он из конины. Завхоз уверял, что конины не было, а была худая корова. Но наши ребята нашли на бойне лошадиные ноги. Производили следствие. Хозяйственная часть заверила, что это ноги лошади, проданной татарам. На этом дело и успокоилось. Несколько красноармейцев вчера говорили в школе, что завхозу верить нельзя. «Как нельзя?» — сказала Спанопуло, — «завхоз коммунист». Ей ответили, что среди коммунистов попадаются жулики и воры. — «Воров и жуликов коммунистическая партия у себя не держит, а если такие попадутся, то их расстреливать надо».

— Правильный ответ. Покажите, товарищ Зайцев, заявление.

Зайцев показал Сверчкову заявление, поданное на учительницу.

— Вот кто подавал,— протянул Сверчков. — Эти три товарища — одна компания. Они земляки и в старой армии служили в одном полку.

— Дело ясное, — сказал военком. — Трутнева я сегодня же переведу на строевую должность.

— Подождите дня два,— попросил Сверчков,— пока мы не рассмотрим его с партийной стороны. Мне думается, что его исключить придется.

— Ладно, подожду. Вы, тов. Зайцев, оставайтесь, а я пойду на кухню.

На кухне обед был уже роздан, остался лишь бак с пищей, предназначенной для находящихся в наряде. Дежурный подал в котелке пробу. Сегодня варились щи. Военком с удовольствием проглотил несколько ложек уже начинавших остывать щей и ложки две пшенной каши.

— Вот я и заправился, можно теперь до вечера с Каминским путешествовать.

Из казарм военком заехал к Каминскому на Площадную. Однако, его там уже не было. Он ушел на заседание губкома.

В губкоме шло обсуждение доклада Кауля о работе продовольственных органов. Каминский председательствовал.

— Поедем на курсы? — запиской задал вопрос военкому.

— Сейчас не могу, я тебе позвоню часов в шесть,— запиской же ответил Каминский.

Посидев минут десять, пока говорил Кауль, военком перед началом прений вышел в коридор. За ним вслед вышел председатель губсовнархоза Левченко.

— Приходи вечером ко мне,— предложил Левченко,— будут Кауль, Арсентьев.

— Когда вы успеваете собираться? У меня до глубокой ночи буквально полчаса для себя не остается.

— Ты губвоенком, а мы шпаки, за твоей спиной пока отдыхаем. Заходи.

— Сегодня вряд ли, как-нибудь на днях.

— Я скоро на дачу перееду вместе с Немцевым. Заглядывай тогда уж на дачу.

— Тем лучше, до свидания, мне еще надо в военкомат завернуть.

Простившись с Левченко, военком быстро спустился по лестнице к ожидавшей его у под'езда лошади.

— В военкомат, Селин, а оттуда домой.

В военкомате военком застал секретаря и Леонтьева. Остальные сотрудники уже разошлись. Время — половина пятого.

— Вам с квартиры звонили — сообщила Басова, — а потом Петр Федорович дожидается.

— Позвоните на квартиру, что я через десять минут выеду, а к Леонтьеву я пройду сам.

— Что у вас, Петр Федорович? — спросил военком, входя в кабинет управделами.

— Срочное распоряжение округа. Приступить к формированию двух новых запасных полков — одного в Белеве, а другого в Ефремове.

— Дело не трудное, сформируем.

— Я проверял список состоящих в резерве комсостава, подходящих нет. С комсоставом трудно.

— Найдем, Петр Федорович. На этих днях ко мне заходил бывший подполковник Разенович с предложением услуг. Вот и пошлем его в Ефремов. У него большая семья, а Ефремов город хлебный. На Белевский полк можно послать Козловского — помощника Цицерона.

— Какой из него мобилизатор. Он строевик.

— Пусть поработает с запасными, дело живое.

— Командиры, значит, есть, — с удовольствием произнес Леонтьев. — Но ведь по вашему методу этого недостаточно... надо еще...

— Завхоза и адъютанта, — прервал его военком. — Дело тоже не сложное. Насчет завхоза мне как раз сегодня говорил Максимов. В Ефремове есть Маркевич, его он очень расхвалил, а на Белевский поручите Максиму срочно найти. Адъютантов же поищите среди резервных.

Людмила Алексеевна билеты в театр уже взяла, и ее беспокоила мысль, сможет ли муж освободиться на несколько часов для театра.

— Ну, вот и я,— весело прокричал с порога входивший военком. — Смотри, только пять часов, а я уже дома.

— Надолго? — тревожно спросила Людмила Алексеевна.

— До шести безусловно.

— Только... — разочарованно протянула она.

— В шесть позвонит Каминский пойти на курсы, где, вероятно, пробудем не больше часа. Оттуда я пойду прямо в театр, благо рядом.

— Мне не хотелось бы идти без тебя.

— Я думаю, мы встретимся при входе, а пока давай обедать, проголодался, хотя и пробовал в Суворовских казармах.

— Что же ты к нам в школу не зашел?

— Не хотел смущать учительниц, особенно Спанопуло.

— Мы уж знаем, что ты в ячейке разобрал ее дело.

— Дела-то у нее никакого нет,— прервал военком.

— Ну, ладно, садись ешь.

Людмила налила тарелку мутноватой жидкости.

— Брандохлыст? — спросил военком.

— Из воблы.

— Отличный суп, горячий.

— Ты попросил бы мясо тебе давать вместо воблы.

— Нельзя, голубушка. Для тыловых администраторов вобла положена. Есть второе?

— Твое любимое; пшенная с подсолнечным маслом.

Военком торопливо ел, отламывая от красноармейского пайкового хлеба корки, кладя в рот лишь мякиш.

— Дмитрий, когда же ты закончишь лечение зубов? — спросила наблюдавшая за ним Людмила.

— А что?

— Ничего! Безобразие с твоей стороны. Когда зубы болели, ходил к врачу, готовился пломбировать; как перестали болеть, с просверленными зубами и ходишь. Смотри, запустишь — пропадут, станешь без зубов совсем.

— Не ворчи и не ругайся. Ей-ей некогда. Вот закончим формирование двух новых запасных полков, сразу за зубы возьмусь.

— Опять новое! Ну, голубчик, видно, до конца революции тебя к зубному не загонишь. Каждый день у него мотивы отсрочки лечения, — развела руками Людмила.

Раздался телефонный звонок.

— Кто говорит? — спросила подошедшая Людмила. — Сергей Максимович, вам Дмитрий Прокофьевич? Сейчас, он кончает обедать.

— Я уже кончил, иду. Я слушаю, — сказал военком, взяв трубку из рук жены. — Да, это я просил его позвонить вам. Кого рекомендуете? Буланова? Ваш делопроизводитель? Покажите мне

его завтра. Когда? Часов в одиннадцать. Дачи? Какие тут дачи! Разве я смогу отлучиться из города. В лагери — это другое дело. Я подумаю. Зайдите завтра с Булановым в военкомат и насчет лагерных домов там поговорим. До свидания.

— Тебе Максимов насчет дачи говорил? — спросила Людмила.

— Да, он рекомендует поселиться в лагере и занять там пустую квартиру бывшего командира 12-го полка.

— Максимов плохое не предложит, лагерь рядом с городом, а квартира, о которой он говорит, находится от твоего военкомата на таком же расстоянии, что и эта.

— Все-таки, голубушка, мне не совсем удобно занимать большую квартиру, когда рядом красноармейцы в бараках спят чуть не друг на друге.

— Ты один и не занимай, собери группу товарищей, а себе одну комнату.

— Так еще, пожалуй, можно, все-таки надо спросить Каминского, предложу и ему там поселиться. Чего он тут на своей Площадной пыль будет глотать.

Время — шесть часов. Каминский еще не звонит.

Военком сел за свой письменный стол читать принесенные с собой бумаги. В прихожей раздался звонок. Военком поднялся из-за стола, чтобы открыть дверь. Вошел помощник командира авиационного отряда Берлин.

— Я пришел к вам по поручению летчиков нашего отряда просить пожаловать к нам завтра на прощальный обед, устраиваемый по случаю отъезда отряда на фронт,— точно отрапортовал Берлин.

— Большое спасибо, непременно приеду, если ничто не задержит.

— Мы вас будем ждать с четырех часов до глубокой ночи, без вас за стол не сядем.

— Постараюсь непременно приехать, чтобы не заставить вас долго голодать,— рассмеялся военком.— Я и так собирался приехать напутствовать ваш отряд перед отъездом.

— Есть, товарищ военком!

Звонок по телефону.

— Говорит Каминский. Иду на курсы. Ты приедешь?

— Сейчас иду,— ответил военком.— Только с условием — отпустить меня в половине восьмого.

— Или в театр собрался?

— Вот именно. Надо жене доставить удовольствие.

— До начала спектакля освободимся. Я тоже хочу зайти.

Командные курсы расположены в здании бывшего дворянского и офицерского собрания. Старающимися Максимова и Шемякина курсы содержатся в образцовой чистоте, имеют хорошую обстановку, прекрасный внутренний распорядок. По своему виду они напоминают скорее военное училище,

чем четырехмесячные курсы. Курсанты в индивидуально-пригнанном обмундировании соревнуются между собой в успешности занятий и чистоте. Обойдя дортуары и классы, Каминский попросил комиссара курсов, тов. Протасова, собрать «красных юнкеров» в колонном зале. Через пять минут большой зал бывшего дворянского собрания заполнился курсантами и преподавателями.

Каминский сделал доклад о задачах советской власти, внутреннем и внешнем положении, положении на фронте, и в заключение призывал курсантов к упорной учебе, чтобы в короткий срок фронт мог получить новые силы в виде тульских красных офицеров.

— Тула горда тем, что она является красной кузницей, кующей оружие для защиты социалистической революции. Теперь мы будем еще более горды, давая кроме винтовки и пулеметов также и боевых руководителей-командиров.

Речь Каминского вызвала бурю аплодисментов.

Любят курсанты Каминского!

Было около девяти часов, когда военком с Каминским попали в театр. Началось уже второе действие. Военком нашел свое место около Людмилы. Шло «Свои люди — сочтемся». В антракте к военкому подошел дежурный по комендантской части, чтобы сообщить, что звонили из губисполкома и требуют немедленно приехать на заседание.

— Что же такое у вас делается, даже спектакль

не дают досмотреть! — укоризненно сказала Людмила. — Когда теперь тебя ждать?

— Не знаю, постараюсь поскорей освободиться. Вернешься домой, приготовь чай, — с этими словами военком поспешно направился к выходу.

В губисполкоме обсуждалось положение на оружейном заводе.

— Сегодня мы могли дать только по полфунта хлеба, — говорил Кауль, — а семьям только по четверке. Большевики мутят. Инструментальщики угрожают забастовкой. Если сегодня мы не добудем хлеба, завтра завод остановится.

— Какие надежды на подвоз хлеба? — спросил военком.

— У нас имеется наряд на маршрутный поезд из Саратовской губернии. Придет дня через три. Важно продержаться.

— Для гарнизона у меня запас на четыре дня. Можно свести его к трем дням. Это даст вам два вагона.

— Мало, — сказал Каминский, — да и рискованно уменьшать запас гарнизона.

— Однако, иного выхода нет, — заявил Кауль. — Возьмем два вагона у губвоенкома, а остальное попытаемся набрать у мешочников.

— Придется так сделать, — согласился Каминский. — Надо поговорить с Москвой и Саратовом, просить ускорить доставку занаряженного. Кроме того, — продолжал Каминский, — надо сейчас же

подумать о предупреждении забастовки. Я предлагаю сегодня же изолировать руководителей меньшевиков. Арсентьеву, как председателю союза металлистов, подготовить свой состав стачечного комитета на случай, если забастовка возникнет. Алексееву (губчека) следить во-всю за настроением и агитацией. Есть другие предложения? Нет. Значит, принято. Я иду на прямой провод, а ты, Алексеев, действуй.

Из губисполкома военком позвонил Максиму отпустить с военных складов два вагона муки заимообразно для губпродкома.

— Дмитрий Прокофьевич, что вы делаете, через три дня мы без крошки останемся.

— Так надо,— решительно подтвердил свое распоряжение губвоенком.

В двенадцать часов губвоенком был уже дома.

— Совсем пришел, или неугомонный Каминский опять вызовет?

— Кажется, совсем. Сегодня раньше лягу, хоть раз за неделю выспаться.

Выпив чаю с неизменной воблой, военком стал раздеваться. В кабинете зазвонил телефон.

— Кто?

— Комендант города.

— Слушаю. Отряд Панюшкина? — удивился военком.— Откуда он явился?

— Из-под Симбирска, не весь отряд, а только две роты,— докладывал комендант.— Командует

ими Петров. С вокзала они явились прямо в красные казармы. Заняли их без всякого спроса, жгут на дворе костры, устраивая их из топчанов. Посланного мною дежурного посылают к чорту. Что делать, товарищ военком?

— Возьмите усиленный наряд из караульного батальона, поезжайте с ним сами в красные казармы, прикажите прекратить безобразия, если не послушают — арестуйте командира. Сегодня пусть уже ночуют, а завтра с утра переведите в другое место. Кстати, посмотрите, какие предписания у Петрова, почему он очутился в Туле и без всякого предупреждения.

Не успел военком заснуть, как вновь телефонный звонок. Звонил дежурный губвоенкомата, что из полевого штаба республики поступила телеграмма — завтра в семь часов утра быть на вокзале для встречи Главкома, едущего из Серпухова на восточный фронт.

— Дмитрий, тебе каждую ночь звонят, ты бы распорядился устроить так телефон, чтобы на ночь его можно было переключать в спальню, тогда не пришлось бы ежеминутно вскакивать с кровати и босым стоять по полчаса у телефона.

— Отличная мысль, завтра же скажу Матисону.

Военком засыпал. День кончился.

Таких дней в году было 365.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА I

ТУЛА — УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

Июль 1919 г.

От Урала до Владивостока вся Сибирь занята Колчаком. Хотя намечается некоторый перелом в связи с остановкой колчаковских войск в районе Белебея — Уфы, но все же окончательных признаков нашего перевеса еще нет.

Туркестан отрезан от центра белогвардейскими бандами во главе с генералом Дутовым и туркестанский хлопок уже год не может попасть в промышленно-центральный район.

На юге белогвардейцы Деникина, преемника Каледина — Краснова, захватили Кавказ, значительную часть Украины и угрожают Харькову. Красные части южного фронта откатываются к северу. Штаб этих войск находится в Козлове, недалеко от Тулы. Полевой штаб республики, во главе с главкомом Вацетисом, — в Серпухове, в девяти верстах от Тулы.

Среди мужиков разговоры, что идет Колчак с Учредительным собранием. Однако, Колчак уже именуется правителем всея Руси, с явно монархическими тенденциями. Другой правитель —

Деникин — на юге. Очевидно, эти два правителя будут грызться между собой.

Губпродком без запасов. Городской обыватель мешочничает во-всю. Для добычи пуда хлеба обыватель едет за сотни верст, беря в дорогу для обмена на хлеб свою одежду, зеркала, граммофоны, самовары и т. д.

Мужик с каждым днем наглеет, запрашивая все больше и больше на спекулятивных рынках и базарах за хлеб, спрос на который со стороны мешочников безудержно растет. Продовольственные отряды хотя и конфискуют на железнодорожных станциях, но обывателю быстро становится известным расположение заградительных отрядов и он, станции за две, обходит их.

Настроение рабочих оружейных и патронных заводов крепнет, хотя их положение в смысле питания тоже не из завидных. Красноармейские пайки получают только сами рабочие. Члены их семьи — в одинаковых условиях с остальным населением.

Заседания губкома и губисполкома, происходящие почти ежедневно, посвящены, главным образом, продовольственным вопросам. Обсуждаются способы более совершенных заготовок хлеба. В связи с приближением нового урожая организуются специальные товарообменные экспедиции в хлебные Новосильский, Чернский и Ефремовский уезды.

С экспедицией следует подвижной склад с мануфактурой, гвоздями, инструментами.

В Ефремовский уезд прибыла из центра специальная комиссия во главе с членом коллегии Наркомпрода т. Шлихтером, тоже с товарообменными целями. Задача экспедиции Шлихтера — заготовить хлеб в Ефремовском уезде для снабжения голодающей Москвы. Это еще более ухудшает продовольственное положение Тулы, ибо суживает район продовольственных заготовок для Тулы. Однако, несмотря на крайне тяжелое положение с продовольствием, оружейные и патронные заводы работают усиленно. Выпуск продукции увеличивается с каждой неделей, доходя почти до рекордных цифр 1916 года. Только тульские заводы сейчас дают армии патроны, винтовки и пулеметы. Ижевский завод, как находящийся в районе военных действий, не работает. С выбытием его из строя прекратилась подача полуфабрикатов и сырья для тульских заводов, получавших сталь, железо и готовые ружейные стволы от Ижевского завода.

Симбирский патронный завод, организованный во время империалистической войны, долго бездействовал, в виду занятия Волги. Лишь теперь, с освобождением Симбирска, на Симбирский патронный завод командирован для срочной организации производства комиссар тульских заводов тов. Орлов.

Подольский патронный завод только начинает приспособляться и то для производства японских патронов.

Сестрорецкий оружейный завод, находящийся около финляндской границы, не работает.

Внимание центра к военным заводам растет с каждым днем.

Но крепнет настроение тульских рабочих, среди которых свершился определенный перелом в пользу советской власти. Меншевиков уже не слушают и они постепенно испаряются.

Продолжающиеся военные мобилизации, отправка почти ежедневно маршевых рот и батальонов на фронт требуют значительного укомплектования войск ответственными политическими работниками, и Тульский губком с каждым днем тает в своем активе. Гражданские учреждения неуклонно свертывают размах своей работы, и мирное строительство, широко было начатое в течение 1918 года, падает с каждым днем, ибо все задачи мирного порядка заслонены продовольственными затруднениями, топливным кризисом и военными действиями. С топливом положение скверное. Заготовка дров в истекшую зиму почти не производилась. Оставшиеся запасы в лесу крайне незначительны. Донецкий уголь в руках у белых. Нефть отрезана, и оружейные заводы работают на подмосковном угле чрезвычайно низкого качества.

Зимой, ко всему прочему, еще прибавится хо-

лод. Отдел снабжения принимает героические меры по заготовке дров в лесах Тульской губернии. Бездействовавшая Тула-Лихвенская узкоколейная железная дорога, являющаяся в Тульской губернии главной лесовозной веткой, лишь нами приведена в действие. Полевой штаб республики разрешил получить с Сормовского завода подвижной состав для этой ветки. Надеемся, что с пуском дороги удастся, хотя и в небольшой степени, обеспечить потребность гарнизона в топливе и помочь главным учреждениям города, как-то: электростанции заводам и лазаретам.

Центр командировал в Тулу для работы в губисполкоме в качестве уполномоченного ВЦИК тов. Осинского. Главная его задача — наладить продовольственный вопрос.

1 июля из полевого штаба республики поступило телеграфное извещение о создании в Туле управления обороны. Во главе штаба обороны становится военный совет в составе: временно-командируемого для организации тов. Строева и двух комиссаров при нем: военного комиссара оружейных и патронных заводов тов. Орлова и губвоенкома тов. Оськина.

Задача военного совета и штаба обороны — организовать оборону в Туле на случай непосредственной угрозы городу со стороны наступающего Деникина. Через день прибыл тов. Строев. Он

бывший капитан генерального штаба; в империалистическую войну работал по своей специальности в штабах, особенно в авиационных войсках. Ко времени Октябрьской революции был начальником авиационного отдела в управлении воздушного флота, при Ставке, а после Октября провел демобилизацию старой авиации и организовывал Красный воздушный флот.

Военный совет: из Строева, Орлова и Оськина заслушал план: Тула должна иметь кольцевые фортификационные укрепления, достаточный и устойчивый военный гарнизон, сильную внутреннюю охрану от возможного выступления белогвардейцев внутри города и затем воздушную оборону против налета белогвардейских воздушных эскадрилий.

Первая линия обороны, которая должна быть сделана в кратчайший срок, проходила по окраине города. Вторая создается — при наличии в нашем распоряжении запаса времени — впереди города верст на десять—пятнадцать, с таким расчетом, чтобы задержанный на этой линии противник не имел возможности обстреливать город и заводы.

Для противовоздушного нападения план Строева заключался в сети пулеметных площадок на крышах высоких зданий города, над заводами, вокзалами и учреждениями. Пулеметы размещались таким образом, что одновременно могли работать и по внутренней обороне города, обстреливая под-

ходы к важнейшим пунктам управления и жизненным центрам. Затем предполагается установить ряд зенитных артиллерийских батарей для артиллерийского обстрела аэропланов.

Кроме того, Тула должна получить несколько авиационных истребителей для непосредственной борьбы с воздушными противниками в воздухе. Для того, чтобы не быть атакованными врасплох, предусмотрено создать целую сеть наблюдательных пунктов, размещенных далеко впереди Тулы и связанных с последней телефонными и телеграфными проводами.

Наблюдательные пункты должны быть расположены от Тулы на расстоянии полуволны полета на аэроплане, в среднем на 50 км, на вероятнейших маршрутных направлениях полетов. Пункты соединяются с Тулой прямой телеграфной связью.

План Строева предусматривал еще образование штаба внутренней охраны, на задачи которого должна лечь борьба с контрреволюционными выступлениями внутри города.

— Гражданская война, — говорит Строев, — имеет те особенности, что не знаешь, с какой стороны может появиться враг. Опыт войны на востоке и в Поволжье показал, что часто белогвардейцы появляются не с фронта, а в тылу, организуя восстания контрреволюционных сил данного города.

Тов. Орлов, чрезвычайно экспансивный человек, заслушав в основном план Строева, со своей сто-

роны внес предложение организовать на южной границе Тульской губернии — Ефремовском и Новосильском уездах — опорные пункты с крупными гарнизонами, для того чтобы задержать возможное наступление Деникина от вторжения в Тульскую губернию.

Подсчитав военные силы, Строев указал, что предложение Орлова приведет к распылению наших сил и мы не сможем ни задержать наступления Деникина на границе губернии, ни удержать самой Тулы.

Утвердили план Строева.

В тот же день военный совет, в полном составе, отправился делать доклад губкому. Губком выразил недоумение, что военный совет организуется без предварительного извещения губкома. Выступивший Зеликман говорил, что совершенно недопустимо создание военного совета без вхождения туда представителей губкома и исполкома.

Но деликатное заявление Строева, что он не мыслит работу военного совета без полной связи с губкомом и губисполкомом, что без их содействия как морально-политического, так и материального, ничего сделать нельзя, — внесло значительное успокоение, и губком постановил оказать полное содействие военному совету в деле организации обороны.

Первой задачей было — установить связь с наблюдательными пунктами, выставленными на гра-

нице губернии для наблюдения за белогвардейскими аэропланами, с войсками и центром. Комиссар губернской связи, т. Синогейкин, охотно предоставил в распоряжение военного совета необходимое телефонное и телеграфное имущество и личный состав для его обслуживания. Мы устроили телеграфную станцию непосредственно при губвоенкомате, где расположился штаб обороны.

Штаб обороны строился по типу штаба дивизии. Это значило, что, кроме начальника обороны, должен быть и начальник штаба, при котором оперативное отделение, разведывательное, связи и т. д. Кроме того, при штабе должен быть начальник артиллерии, начальник инженеров, начальник авиационных сил, инспектор пехоты и отдел снабжения.

Начальником штаба обороны назначили Моросанова, заведывающего моим политико-просветительным отделом. Моросанов — бывший штабс-капитан. В империалистическую войну был оперативным адъютантом полка, затем штаба дивизии и в последнее время, перед демобилизацией армии, начальником штаба дивизии. Так что с точки зрения военной квалификации он был вполне подходящим, а в политическом отношении — нечего и говорить, ибо он коммунист. На должности оперативно-технических работников использовали нескольких генштабистов, находящихся в Туле после

расформирования штаба отряда-завесы. Помощником к Моросанову назначен бывший подполковник Злобин, еще молодой, энергичный и вполне лояльный человек. Начальником инженеров выдвинули временно, до назначения из центра, инженера Мюллера, работавшего у Максимова по инженерному снабжению.

На должность начальника артиллерии также взяли, тоже от Максимова, помощника заведующего артиллерийским снабжением, бывшего артиллерийского полковника Костылева. Необходимый технический аппарат создан за счет сотрудников губвоенкомата. Специального органа снабжения для довольствия войск укрепленного района создавать не стали, решив возложить эти обязанности на отдел снабжения губвоенкомата, т. е. на Максимова.

Отдел воздушной обороны временно возглавил сам Строев, как специалист военно-воздушного дела.

Штаб внутренней охраны построили на автономных началах и, в целях тесной увязки внутренней охраны с губчека, во главе поставили тов. Алексева. Все караульные войска перешли в его подчинение. Вместе с тем условились, что организация воздушной обороны на всех крупных сооружениях и предприятиях будет производиться штабом обороны, а не штабом внутренней охраны.

Две недели напряженной лихорадочной работы—

и организация обороны в основном закончена и начаты работы по возведению укреплений первого кольца по окраине города. Осталась крупная работа по созданию внешнего кольца.

Согласно плану, эти укрепления должны были иметь характер маленьких хорошо маскированных пулеметных точек, рассчитанных на минимальные, но вполне надежные гарнизоны, прикрытые спереди от внезапных налетов общим кольцом проволочных заграждений. Одновременно начато формирование необходимых дополнительных войск силами самого губвоенкомата. Разработана двухнедельная программа обучения войск, в основу которой положены полевые занятия, стрелковое дело, с полным отказом от всякой шагистики и политграмота.

Колючая проволока, инструменты и материалы затребованы из центра.

Спустя дней десять—пятнадцать в Тулу прибыл первый истребительный отряд авиации и тяжелый артиллерийский дивизион.

Тула стала превращаться в вооруженный лагерь.

— Хорошо бы нам создать хотя бы один полк кавалерии и несколько дополнительных артиллерийских батарей,— говорил Строев.

— Что же, люди есть,— отвечал я,— комсостав найдется, материальная часть тоже отыщется. Труднее с лошадьми. Те деньги, которые нам пе-

реводятся на закупку лошадей, недостаточны для выполнения плановых формирований.

— А почему бы нам не мобилизовать у населения? — спросил Строев.

— Мы без приказа не можем этого делать.

На одном из очередных заседаний губисполкома Строев внес предложение произвести распоряжением губисполкома мобилизацию лошадей у населения. Для формирования двух кавалерийских полков, пехотных частей, инженерного батальона, полевого строительства, созданного нами для фортификационных работ, нужно не менее 2.000 лошадей.

Губисполком дал согласие на мобилизацию.

В губернии 300 волостей. Каждую волость мы обложили обязательством поставить в армию по 10 лошадей, дав директиву от имени губисполкома, что лошади должны быть мобилизованы у кулацкого элемента. 10 лошадей на волость — это в среднем одна лошадь на деревню, что никакого хозяйственного ущерба крестьянству нанести не могло.

Через две недели в Тулу потянулись эшелоны с конским составом, которого нам на первое время было вполне достаточно, чтобы полностью обеспечить свои нужды, нужды формирования новых частей и плюс к этому укомплектовать конское депо, созданное нами в Епифанском уезде, являющееся резервом конского состава для штаба обороны.

Успешно проведенная мобилизация конского состава настроила нас и на мобилизацию повозок и упряжи. Снова ходатайство в губисполком, снова его распоряжение, и через две недели склады отдела снабжения и уездных комиссариатов заполнились необходимым имуществом.

Произошло изменение в полевом штабе республики: главнокомандующий Вацетис и его начальник штаба Костяев арестованы. Главкомом назначен Каменев Сергей Сергеевич, бывший до этого главкомом восточного фронта, а начальником штаба Лебедев П. П., бывший начальник штаба у Каменева на том же восточном фронте. С переменой главного командования произошли некоторые изменения и в деле обороны Тулы. Весь военный совет был вызван на доклад к главкому в Серпухов.

Поехали туда на автомобиле. В пути нас задержало небольшое приключение. Чтобы успеть на доклад к главкому, приказали шоферу развить максимальную скорость. Автомобиль «Фиат» мчался со скоростью верст 80—90 в час. На одном из больших мостков автомобиль так тряхнуло, что Строев оказался выброшенным из машины. Будучи ловким гимнастом, он проделал в воздухе сальтомортале и стал на ноги без каких-либо повреждений. И это на таком отчаянном ходу!

Ругнув шофера, поехали дальше. Отъехав верст 40 от Тулы, машина остановилась. Оказывается,

шофер, будучи слегка выпивши (а машины в это время ходили на смеси спирта с газOLIном, именуемой шоферами авто-коньяком),—забыл налить в бак этой смеси и мы оказались верстах в пяти от железной дороги, не доехав и половины пути до штаба главкома.

Остановились, озабоченные и раздосадованные. На наше счастье, минут через 15, позади появилась машина, везущая в Москву Осинского. Осинский поделился частью своего запаса авто-смеси, и мы во-время прибыли в Ставку.

Полевой штаб занимает прекрасное здание бывшего госпиталя. В здании идеальная чистота, спокойствие, отсутствие какой-либо суматохи. Чувствуется сосредоточенная, напряженная работа.

Орлов и я прошли к комиссару штаба т. Гусеву. Гусев назначен комиссаром полевого штаба недавно. До этого он был членом РВС восточного фронта. Таким образом, весь полевой штаб возглавляется бывшим штабом восточного фронта.

По вопросу об аресте Вацетиса Гусев сказал, что совершенно не предполагает с его стороны каких-либо преступлений. Просто он неудачно подобрал себе штаб. Целый ряд сотрудников штаба оказался в связи с белогвардейскими организациями.

— Что он сам виноват — я этого не думаю.

Поговорили о Туле.

— Сейчас все наше спасение,— говорил Гусев,—

в работе тульских заводов. Всякие перебои в работе заводов сказываются губительно на действиях наших армий. На восточном фронте Колчак сломлен, его армии начинают отступать. Против Колчака действуют и партизанские отряды в тылу его. Население занятых Колчаком областей раскусило, что вслед за армиями Колчака идут помещики и бывшие владельцы предприятий. На юге у нас много хуже. Харьков пал. Армии отступают к Курску. Сергей Сергеевич думает создать сеть укрепленных районов по опыту Казани и Симбирска. Это дает возможность концентрировать силы местных организаций в определенных оперативных центрах, о которые должен разбиться противник. Тулу, вы сами знаете, мы сдать никак не можем. Сдача Тулы равносильна сдаче советской власти. Вам выпадает великая обязанность и честь отстоять Тулу во что бы то ни стало. Может даже случиться, что полевая армия обойдет Тулу, оставит ее, но гарнизон самого укрепленного района должен остаться и ни при каких условиях не впустить белые банды в город.

— Трудно нам представлять из себя Перемышль или Осовец,— заметил я.— Ведь для того, чтобы создать сильный, укрепленный район, нужны колоссальные технические средства. Нужен устойчивый в моральном и политическом отношении гарнизон, а пока что мы этого не имеем.

— Насчет морального состояния — ваше дело

воспитать части, а насчет численности — это вопрос другой. Сергей Сергеевич на этот счет имеет свои соображения. Пойдемте к нему.

Входим в кабинет главкома. Навстречу нам встал высокого роста, с длинными усами, симпатичным лицом — С. С. Каменев.

— Садитесь, товарищи, — просто сказал он. — Я думаю несколько изменить форму организации обороны Тулы. У меня в этом отношении имеется уже некоторый опыт. Во-первых, надо во главе обороны поставить коменданта, на манер коменданта крепости, и при нем, как это принято везде в армии, военный совет. Словом, у вас будет как бы революционный совет крепости. Наше положение временно на фронтах неважно, подчеркиваю «временно». Уже сейчас имеются симптомы, указывающие не известный перелом. Мы готовим ударную группу, которая, будучи введена в действие, разобьет войска наступающих, и тут для Деникина — гибель. Неважно, что, может быть неделю-другую наши войска будут продолжать отход и сдадут еще один-два города. До Тулы, во всяком случае, не допустим, а если это и произойдет, то смущаться не надо. Для советской России Тула имеет значение не менее, чем Москва. Мною будет сделано распоряжение послать в Тулу еще несколько артиллерийских частей, авиацию и, кроме того, дам вам с восточного фронта крепкую, боевую, испытанную бригаду. Необходимые другие

части сформируете сами. Я уже слышал, что Тула имеет большой опыт в деле формирования, а при помощи местных организаций можно не только формировать, но, очевидно, и обеспечить материальными средствами. К вам будет назначен хороший военный специалист, артиллерист Мянковский. Это честный работник, я его хорошо знаю, а Строев вернется обратно в полевой штаб для работы по авиации. При коменданте — военный совет и штаб укрепленного района. В отношении штата я думаю, что для вас будет достаточно штаба дивизии, если же этого будет мало, вы имеете право добавить. Итак, товарищи, работайте, помня о тех задачах, которые лежат на вас — священную обязанность защитить Тулу во что бы то ни стало.

От главкома опять зашли на несколько минут к Гусеву. Орлов говорил с ним о ходе организации Симбирского патронного завода. Перед уходом от Гусева в его кабинет вдруг зашел С. С. Каменев.

— Очень рад, — обратился он ко мне, — что вы еще здесь. Я забыл сказать, что считаю необходимым тульский губвоенкомат теперь подчинить непосредственно полевому штабу, так как вам придется вести формирование для укрепленного района, а укрепленный район — это часть фронта. Вы будете изъяты из подчинения округу и Всероссийскому главному штабу и подчинены непосредственно мне.

На другой день по возвращении из Ставки получаю из Реввоенсовета республики телеграмму о дополнении военного совета новыми членами. Комендантом укрепленного района назначается Мянновский,—гласила телеграмма. Членами военного совета: Оськин, Орлов, Осинский, Каминский и Арсентьев.

ГЛАВА II

НАЛЕТ МАМОНТОВА

Прибыл Мянновский. Уже пожилой, полный, лысый, носит на лбу черную повязку, вследствие контузии, полученной во время империалистической войны. Ровный, отчасти даже деликатный, он, не торопясь, принимал от Строева дела и объяснения, как складывалась организация обороны Тулы. Часто возвращался к одному и тому же вопросу, стараясь точнее уловить смысл начатого Строевым дела. Целых три дня продолжался прием дел.

Мянновский работал в одном кабинете со мной. Начались ежедневные длинные заседания военного совета. Новые члены в лице Осинского, Каминского и Арсентьева ставили целый ряд вопросов, относящихся к постановке и устройству обороны Тулы. На заседании совета выслушивались доклады начальников родов войск, как-то: авиации, артиллерии, инженерных и т. д.

Мне надоело принимать участие в бесконечных заседаниях и я целиком ушел в работу по формированию частей. На должность начальника инженерных войск приехал крупный военный инженер Шабанов, имеющий свои собственные ученые труды. Начальником артиллерии командирован из Петрограда артиллерист инженер Касович.

Шабанов лично облазил все окраины города, стремясь использовать как рельеф местности, так и различные сооружения для устройства полевых укреплений.

Касович с раннего утра и до глубокой ночи свое время проводит среди артиллерийских батарей. Найдя подходящее место для полигона, он всю артиллерию вывел туда, к деревне Глухие Поляны, верстах в 10 от Тулы. Началась ежедневно учебная стрельба и жители Тулы слышали глухой шум рвущихся артиллерийских снарядов.

20 августа из Троекурова поступило сообщение, что крупные конные массы Деникина прорвали наш фронт около Новохоперска и целый конный корпус под командой Мамонтова идет в тыл Красной армии. Захвачен Воронеж, Тамбов, подходят к Козлову.

Наш штаб фронта, находившийся в Козлове, спешно эвакуировался на север. Конные раз'езды корпуса Мамонтова двигаются по направлению к станциям Троекурово и Богоявленск. Из Рязани

рошены части для заслона, но этого вряд ли достаточно.

Экстренно собрался военный совет для обсуждения положения. Немедленно связались с Новосильем, Ефремовым, Рязанью и другими городами. Бесперывно по нескольким телеграфным проводам неслись сведения о движении мамонтовского корпуса. Сообщают, что основной целью рейда является налет на Тулу. Из Москвы предупреждение — быть готовым к защите.

Закипела работа. Почти вся партийная организация мобилизована для работы среди частей. Военкомат срочно сколачивает имеющиеся силы в новые полки. Экстренно превратили один из караульных батальонов в стрелковый полк. Когда стали подводить итог нашим силам, то увидели, что мы располагаем значительными артиллерийскими силами и слабой пехотой. Два пехотных полка нуждаются в моральной устойчивости, ибо подавляющая масса красноармейцев в этих полках недавние дезертиры. Единственно надежная часть — командные курсы. Налет Мамонтова застал почти в зачаточном состоянии работу по внешнему укреплению города.

Военный совет распределил между собой функции: Каминский руководит политической работой в войсках, укрепляя их мобилизованными городскими коммунистами; Осинский — общеполитические вопросы, сношение с уездами, поддержание

связи с фронтом и центром; я — формирование и обеспечение войск; Арсентьев — руководит ходом работы по укреплению, по устройству сети проводочных заграждений вокруг Тулы; Орлов — в заводах.

Военный совет постановил об'явить трудовую повинность для буржуазного элемента города. Собрали около тысячи человек: торговцев, чиновников, попов, домовладельцев и взрослых членов их семей. Гнусную картину представляли из себя эти «мобилизованные» на оборону: торговцы в чуйках, попы в длинных подрясниках, чиновники в вицмундирах понуро явились в комендантскую часть за получением шанцового инструмента. Вяло, с глубокими вздохами, разбирали они лопаты. Вслед за этой массой «тылового ополчения» шествовала значительная толпа старушек и детей, несших для них с причитаниями о зверствах неинтеллигентных большевиков завтраки, упакованные в салфетки, горшочки, тарелки и т. д.

Арсентьев, руководитель этой «армии», готов был озвереть.

— Сволочь, — кричал он, — вас не на работу надо посылать, а к стенке ставить.

По дороге к Воронежскому шоссе добрая половина этой «рабочей силы» растянулась километра на два. Встречавшиеся крестьяне с удивлением смотрели на шествие Арсентьевской армии.

— Нароют они окопы, — слышались реплики, — ждите. Хлеба больше скормите.

Наконец и место рытья окопов. Около длинноволосого попа два подростка в формах духовного училища.

— Не ропщите, чада мои, — говорил он в ответ на попытку подростков заменить его на работе. — Христос терпел и нам велел.

В городе, в семьях мобилизованной буржуазии и ее знакомых, вместе с паникой и растерянностью, злорадные шопоты:

— Немного осталось терпеть, придет настоящее православное войско, скрутит большевиков, покажем тогда...

На следующий день, делая доклад военному совету о ходе работ по укреплению позиций, Арсентьев внес предложение мобилизовать окрестное крестьянское население.

— С этой же буржуазной дрянью мы год провозимся и ничего не сделаем.

Объявили мобилизацию окрестного населения на рытье окопов. То, что раньше делали почти 1½ месяца, теперь сделано буквально в течение двух-трех дней. Несколько тысяч крестьян день и ночь рыли окопы. Быстро соорудили проволочные заграждения. Окопы разделили на секторы. Распределили гарнизон по секторам.

Штаб внутренней охраны, во главе с Алексеевым, усиленно наблюдал за государственными сооруже-

ниями и предприятиями. По постановлению военного совета он из'ял ряд подозрительных лиц и бывших крупных собственников в качестве заложников, содержа их при губчека. Всего около 200 человек.

Комендант Мянковский в эти дни спешной, горячей работы по подготовке обороны проявил чрезвычайную медлительность. Военный совет, по инициативе т. Осинского, по прямому проводу переговорил с полевым штабом республики о необходимости назначения другого коменданта, ибо Мянковский определенно не справится с нынешними сложными задачами. Выставили мою кандидатуру.

В тот же день по телеграфу поступил приказ РВС республики о назначении меня комендантом укрепленного района.

Как можно тактичнее об'яснили Мянковскому тяжесть создавшегося положения. Говорили, что мы ему доверяем, но сейчас местные организации считают целесообразнее иметь во главе обороны Тулы партийного коменданта.

Мамонтов приближается к Туле. Уже занял ст. Троекурово и от нее свернул к Ельцу.

Два раза в день — в семь часов утра и в пять часов вечера — в окне редакции «Коммунар» вывешивались сводки о положении на фронте, а на большой карте (10 верст в дюйме) отмечали красной нитью путь, пройденный Мамонтовым за истекший день.

Сводка и карта привлекали к зданию редакции газеты большие группы рабочих и обывателей.

— Смотри, смотри, — слышались возгласы в группах рабочих, — уже часть Тульской захватил. Поди еще дня через четыре-пять сюда припрет.

— Не припрет, — возражали другие, — Укряйон на что?

— Все это дело меньшевистских рук, — говорил третий, — у нас они соловьями разливаются, во всем-де советская власть, т. е. большевики виноваты. А сами, стервы, вместе с эсерами не только большевиков и рабочих расстреливали на Волге, в Сибири и других местах, а еще и генеральскую шпану против нас ведут.

— Не они ведут генералов, а генералы их. Известное дело, мелкая буржуазия, им бы только болтать, а орудуют под их болтовню настоящие монархисты. Не допустим, ребята, белых к Туле; как поближе подойдут, все за винтовки да в окопы.

— Верно, товарищ, а пока куем винтовки для нашей Красной армии.

Решили один из пехотных полков выбросить вперед на линию Ефремов-Горбачево в качестве заслона Мамонтову.

В нашей же газете, сообщая об этом, старались подчеркнуть крепость высланного полка, его устойчивость и то, что конница Мамонтова будет сломлена при соприкосновении с этим полком.

При движении на Елец корпус Мамонтова занял ст. Боборыкино, находящуюся на территории Тульской губернии.

Нами были сооружены своего рода «бронемашинны» — автомобили с установленными на них пулеметами и около двух десятков мотоциклов с пулеметными площадками. Эту пулеметную колонну выбросили на Ефремовское шоссе с распоряжением занять южную часть Ефремова и, в случае наступления Мамонтова, вступить в бой.

Вместе с колонной пулеметчиков-мотоциклистов в Ефремов выехал и т. Осинский.

Дня через три после прорыва, придя рано утром в военкомат, я застал в комнате, прилегающей к моему кабинету, спящего на диване одетого в военную форму.

— Кто это? — спросил я у дежурного делопроизводителя.

— Он мне не сказал кто. Приехал в четыре часа утра, вошел сюда, спросил: когда приходит комендант. Я ему ответил, что часов в 7-8.

«Ну, я его подожду», — сказал он, лег на диван и сразу же заснул.

Растолкал спящего.

— Вы кто будете?

— Я Лашевич, член РВС южного фронта.

Я его знал по наслышке, но лично встречаться не приходилось. Провел в кабинет.

— Хорошо бы чайку соорудить, — были первые слова Лашевича.

Приказал подать чаю.

— Так вот, голубчик, — заговорил Лашевич, — положение скверное. У нас расстроена связь с армиями. Не знаем, где сейчас штаб XIII армии. Штаб же фронта из Козлова выехал в Рязань, а теперь, вероятно, не сегодня-завтра подойдет к Туле. Налет Мамонтова оказался для нас неожиданным. Тыловая публика бежит по всем направлениям. Воронеж захвачен Мамонтовым спустя несколько часов после выезда штаба фронта из Козлова. Что вы тут делаете?

Я рассказал.

— Сегодня сюда должен приехать главком, поэтому я и приехал на автомобиле в Тулу, чтобы с ним встретиться. Как бы узнать у коменданта станции, когда приедет его поезд?

Комендант станции сообщил, что поезд главкома вышел уже из Серпухова и с минуты на минуту ожидается в Туле.

Прибыли на вокзал. Почти одновременно подошел и поезд главкома. Пошли с Лашевичем прямо к нему в вагон. Главком только что встал и собирался пить чай. Предложил и нам.

— Ну, как дела, Михаил Михайлович, — обратился главком к Лашевичу.

— Не знаю, как-будто плохи.

— Чего же плохого-то, сегодня он прорвал, а

завтра мы. Эта авантюра Мамонтову дешево не обойдется, — сказал Каменев.

— Я имею сведения, — сказал Лашевич, — что армия сомкнула фронт и сейчас Мамонтов находится, можно сказать, в ловушке.

— Ну, до ловушки-то далеко, — заметил главноком, — а бед он может нам натворить не мало. РВС республики решил создать штаб внутреннего фронта для специальной борьбы с Мамонтовым, а командующим этим фронтом назначает вас.

— А чем же я воевать буду, какие у меня войска?

— В ваше распоряжение поступят все части укрепленных районов Курека, Орла, Тулы и, кроме того, сюда спешно двигается 21-я дивизия. Одна из бригад этой дивизии должна уже сегодня прибыть в Тулу. Кое-что наскребли в Москве. В Тулу направлен полк латышей и железнодорожный полк. Они будут в распоряжении коменданта укрепленного района, а вы через него будете командовать. Кроме того, мы сейчас слаживаем большую авиационную группу во главе с Акашевым, которая не сегодня-завтра должна вылететь в Ефремов и оттуда бомбить конницу Мамонтова с воздуха.

— Ну, это другое дело, — успокоился Лашевич. — А где же мне расположиться?

— Выбирайте себе более удобное место сами. Можете в Орле, Туле или Ефремове.

— Ну, ладно, это я посмотрю.

Вскоре в вагон вошел начальник штаба П. П. Лебедев.

После чая главком перешел в соседний вагон, где помещалось оперативное отделение, и начал диктовать Лебедеву приказ о создании штаба внутреннего фронта.

Главком выразил пожелание осмотреть тульский гарнизон. Выехал с ним в части. Сделав несколько указаний, он вернулся в Серпухов.

Часам к трем дня в Тулу прибыл поезд Мих. Ив. Калинина. Был организован большой митинг в городском театре, где Калинин выступил с докладом о внутреннем и международном положении. Остановился на рейде Мамонтова. Призывал рабочих Тулы сплотиться вокруг Советов и не допустить, чтобы белогвардейцы заняли Красную Кузницу. Слушать Калинина собралось огромное количество рабочих. Его очень тепло встретили и дружно аплодировали, а после митинга Калинин осмотрел мастерские оружейного и патронного заводов, беседа с рабочими.

Вернувшийся из Ефремова Осинский рассказал, что корпус Мамонтова при своем движении в сторону Ельца захватил лишь две-три волости Тульской губернии, остановился на одни сутки на ст. Боборыкино, куда потом Осинский, после оставления ее Мамонтовым, ездил сам.

На станции Боборыкино в это время стоял поезд, везший мануфактуру для товарообменных продо-

вольственных операций. Поезд разграблен полностью. Начальника станции, по подозрению в сочувствии к красным, мамонтовцы повесили на станционной платформе, где он провисел сутки. В городе масса расстрелов коммунистов и заподозренных в сочувствии им. Всего на станции и поселке Боборыкино расстреляно несколько десятков человек. Трупы к моменту приезда Осинского еще не были убраны.

Местное духовенство и купечество встретило Мамонтова крестным ходом, молебствием и хлебом-солью. Мамонтов и чины его штаба говорили, что они идут на Тулу и что главные силы Деникина подходят к Курску. Через три-четыре недели «славное русское воинство» войдет в древний, святой Кремль и установит новый образ правления, — хвастались белогвардейцы.

Дальнейшее движение корпуса Мамонтова предполагалось на Ефремов и Тулу. Но утром, совершенно неожиданно, корпус Мамонтова изменил свое направление, повернув в сторону Касторной. Причина, заставившая Мамонтова повернуть, неизвестна. Предполагают, что он очень обеспокоился большим скоплением войск в Тульском укрепленном районе и высылкой из Тулы войсковых частей к Ефремову. Кроме того, начал наседать корпус Буденного, который преследовал мамонтовцев по пятам.

— Насколько это верно, — заключил Осинский, —

конечно, судить трудно, но факт остается фактом, и Мамонтов повернул в сторону от Тулы. Когда я выезжал обратно, в Ефремов прибыл большой авиационный отряд чуть ли не в 25 самолетов. Эта группа должна была в тот же день начать воздушную разведку и обстрел белогвардейской конницы сверху.

Создавшаяся непосредственная угроза Туле всколыхнула не только укрепленный район, но и центр. В Тулу начали прибывать одна за другой военные части. Прибыл латышский полк охраны РВС, железнодорожный полк, сформированный из железнодорожников московского узла, преимущественно коммунистов. Командир полка до этого был слесарем в ж. д. мастерской.

Пришла Бийская бригада 21-й стрелковой дивизии в составе трех полков, конного полка и артиллерии. Тверские кавалерийские командные курсы, броневой отряд и много других специальных частей. Тула в какую-нибудь неделю превратилась в военный лагерь.

Вместе с тем были и «курьезы». Из инженерного управления из Москвы прибыл в распоряжение укрепленного района автоотряд около 30 легковых машин и такого же числа грузовиков. Приемка автомобилей обнаружила их негодность. Сообщил об этом по телеграфу главкому, откуда, в свою очередь, дали знать ВЧК. Расследование расследованием, а автомобили нам крайне необходимы.

Использовали ж.-д. мастерские и мастерские тульского Трамонта для ремонта этих машин. Недели через две мы сможем обеспечить части автомобилями.

Арестованных в начале рейда Мамонтова заложников начали постепенно выпускать. На одном из заседаний военного совета Алексеев доложил, что им арестован заведующий отделом военного контроля Дьяконов и его помощник Павлов.

— Эти господа, — говорил Алексеев, — пролезли в партию по рекомендации наших ответственных военных работников (кивок в мою сторону). На самом деле они настоящие махровые белогвардейцы. Отдел военного контроля они превратили в шпионский центр, из которого рассылались по учреждениям, в целях шпионажа, их агенты, при чем все это делалось под флагом организации наблюдения за действием иностранных держав. К нам в губчека попали данные, точно устанавливающие связь Дьяконова с московским контрреволюционным центром. Следствие сейчас ведется усиленным темпом. Если подтвердится связь Дьяконова с контрреволюционным центром, то они будут расстреляны.

Сообщение Алексеева принято к сведению.

Центральный комитет партий командировал ряд крупных работников для ведения агитационно-про-

пагандистской работы в тульском гарнизоне. В числе их была О. Д. Каменева, А. В. Луначарский. Они прибыли в мое отсутствие в губвоенкомат и затем в течение дней десяти жили в Туле, проводя время в непрерывных беседах с красноармейцами.

Развернутая агитационная кампания создала сильное впечатление на крестьянские и красноармейские массы. Значительно сократилось дезертирство. Части усиленно занимаются, готовясь к встрече врага или к выступлению на фронт.

ГЛАВА III

НОВЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Мамонтовский рейд кончился. В Туле наступило успокоение. Между тем на фронте дела не важны. Харьков красные войска сдали. Отступление идет по всему фронту. Белогвардейские войска подошли к Курску. В одну из своих поездок в Москву я стал просить главкома направить меня на фронт.

— Если вы так настаиваете, — ответил Сергей Сергеевич, — то я назначу вас комендантом тамбовского укрепленного района, где сейчас Артамонов, а его переведу на ваше место в Тулу. Если фронт откатится к Туле, то вы сможете и в ее обороне потом принять участие. Реввоенсовет уделяет большое внимание Туле. Мы ни в каком случае не допустим сдачи Тулы противнику. Оче-

видно, в ближайшее время Тула будет подкреплена крупными работниками из центра, ибо на одних местных полагаться трудно. Приказ о вашем переводе в Тамбов будет отдан сегодня же.

Слова главкома подтвердились очень скоро.

По постановлению ЦК партии, военный совет Тулы назначен совершенно новый, который прибыл в Тулу еще до моего от'езда в Тамбов.

Прибывший из Тамбова на мое место комендант укрепленного района, военный специалист Артамонов, сын генерала, с детских лет подготовлявшийся к военной службе, еще молодой, лет 32, в чине капитана, с прямым пробором на голове, всегда в свежих, чистых воротничках и великолепных костюмах, настоящий английский дэнди.

Первым членом военного совета назначен г. Петерс, член коллегии ВЧК, о котором ходили легенды насчет его бесчеловечности и жестокости в обращении с белогвардейцами и интеллигенцией. Наши военные специалисты, при первом слухе о назначении Петерса, страшно напугались, боясь применения репрессий против военных специалистов. Второй член военного совета — Межлаук В. И. бывший перед этим членом РВС 14-й армии.

Прибытие нового военного совета, сдача мною командования укрепленным районом, отставка прежнего военного совета, состоящего из местных людей, как бы отодвинули в сторону военную работу тульских организаций, передав целиком все

дело обороны в ведение центральных органов. Отсутствие в составе военного совета представителей местных организаций встречено губкомом крайне недружелюбно. Первые шаги нового военного совета, резко раскритиковавшего работу старого состава, произвели отрицательное впечатление.

Петерс и Межлаук, с раннего утра и до глубокой ночи, верхами об'езжают сдаваемые укрепления, обращая внимание на форсирование работ по постройке окопов дальней линии в 10—15 верстах от Тулы.

Комендант Артамонов занялся созданием специальных блокгаузов, которые должны явиться своего рода мелкими фортами, расположенными в шахматном порядке для перекрестного огня. Создание блокгаузов — идея Артамонова, одобренная губкомом — вызвало огромную потребность в строевом лесе, заготовить который в районе Тулы нельзя, и в город потянулись платформы с лесом из других местностей.

Для работы по созданию окопов и проволочных заграждений привлекается, в порядке мобилизации, окрестное население. Из центра командировано несколько полевых строителей для руководства этими работами.

Я собрался ехать в Тамбов. Сотрудники уже приготовились учинить мне проводы и, в частности, преподнесли мне новую шинель взамен чрез-

вычайно потрепанной старой, которую я носил непрерывно, начиная с 1915 года.

Курск пал. Деникинские банды приближаются к Орлу. Наши части продолжают откатываться. Главное командование приступило к созданию московского укрепленного района. В южной части Москвы начали рыть окопы, ставить проволочные заграждения...

В центре, при РВС, образовался специальный отдел по руководству укрепленными районами, во главе которого стал член РВС республики и комиссар полевого штаба С. И. Гусев.

Почти накануне сдачи мною должности губвоенкома он прибыл в Тулу. Собрались заседание губкома и губисполкома, на котором Гусев сделал сообщение о положении на фронте и о мероприятиях правительства по усилению Красной армии.

— По декрету Совнаркома, — говорил Гусев, — гражданские советские учреждения свертываются и все внимание будет сосредоточено исключительно на военной работе. Если падет Орел, то на очереди — Тула. Тульский губисполком должен прекратить свое существование, передав все дело управления губернскому ревкому, составленному из трех, максимум, пяти человек.

Перед Гусевым, как членом РВС республики, губком поставил вопрос об отмене приказа о назначении меня комендантом тамбовского укрепленного района и об оставлении в Туле в роли губ-

военкома. Я пробовал протестовать, но Гусев, к моему неудовольствию, согласился с мнением губкома и мне пришлось снова распаковывать свой чемодан.

Образовали ревком в составе: Каминского, Осинского, Зеликмана, Арсентьева и Оськина. Ревкому перешла вся власть на территории губернии. Поставили перед Гусевым вопрос о взаимоотношении с военным советом.

— Военный совет занимается узкой работой,— ответил Гусев,— его дело подготовить оборону Тулы, т. е. только данного пункта. Что же касается обороны губернии в целом, то это задача революционного комитета и вы, в данном случае, имеете широкие возможности для своей работы.

Совместно с военным советом революционный комитет устроил специальное заседание, но ни до чего не договорились. Петерс заявил, что дело обороны Тулы поручено военному совету и военный совет будет действовать так, как найдет нужным, лишь информируя о своих мероприятиях местную партийную организацию. Военный совет не позволит ревкому вмешиваться в работу укрепленного района, но и не будет мешать работе на окраинах губернии.

Ревком решил создать при себе специальный оперативный штаб по обороне губернии. В состав штаба взяли Моросанова, освободившегося от работы в укрепленном районе, ибо вместе с Петер-

сом и Межлауком из Москвы прибыл ряд новых военных работников, в частности несколько молодых генштабистов-коммунистов.

Разработали оперативный приказ для уездных и волостных комиссариатов, поручив им организацию боевых команд и формирование мелких кавалерийских частей, в надежде, что эти мелкие кавалерийские части будут потом нами использованы для создания крупных кавалерийских частей. Мы старались не касаться вопросов совета обороны, боясь внести параллелизм и ухудшить взаимоотношения с военным советом, который упорно не признавал влияния ревкома.

Оставаясь в Туле, я выпросил, в качестве уступки со стороны главного командования, что губвоенкомат будет попрежнему подчинён непосредственно главкому и что формирования, какие он вел, и впредь будут им производиться. В ведение же укрепленного района я передаю лишь вполне организованные и обученные части.

Получив сведения от уездных военных комиссариатов, что кавалерийские взводы и эскадроны формируются успешно, я по прямому проводу испросил согласия главкома на формирование в Туле кавалерийской дивизии.

Для формирования этой дивизии стянул в Тулу кавалеристов из уездов. Максимову поручили разыскать пики, шашки и вообще кавалерийское снаряжение и оружие.

Когда-то в отряде т. Панюшкина командиром кавалерийского эскадрона был некий тов. Петрожицкий. Впоследствии т. Петрожицкий поселился в Ефремовском уезде и работал в продовольственном отряде по изъятию от населения продовольственных излишков. Услышав, что в Туле началось формирование кавалерийских частей, Петрожицкий явился ко мне.

— В Ефремовском и Новосильском уездах осталась значительная часть людей бывшего отряда Панюшкина, — говорил он. — Они с большой охотой пойдут служить в кавалерию под моим командованием. Если вы мне дадите мандат, то я вам гарантирую через две, максимум, через три недели привести сюда целый дивизион, но лишь с условием, что нам дадут шашки, пики, седла и настоящее кавалерийское обмундирование. Кавалеристы любят красные штаны. Что же касается лошадей, то они приведут своих.

Петрожицкого я знал, как честного парня. Написал ему разрешительное удостоверение, обязав держать тесную связь с уездным военным комиссаром Медведевым, предупредив, что отпуск довольствия будет производиться только через т. Медведева. Параллельно сообщил по проводу Медведеву о данном Петрожицкому поручении с предложением присматривать за его работой по вербовке, и если Петрожицкий поведет энергичную работу, то оказать ему содействие.

Дней через десять получаю от Петрожицкого телеграмму: «Готов эскадрон, жду шашки, пикиштань».

Предложил лично прибыть в Тулу. Свел с Максимовым, на которого Петрожицкий произвел выгодное впечатление. Максимов, со своей стороны, дал ему требование на получение имущества в московский окружный склад, и спустя неделю Петрожицкий с транспортом необходимого имущества, в числе которого были и так страстно ожидаемые им красные штаны, с сияющим лицом явился в губвоенкомат.

— Это будет такой дивизион, которому с целым корпусом Мамонтова не страшно будет встретиться,— восторженно восклицал Петрожицкий.

Спустя еще неделю Петрожицкий торжественно в'ехал в Тулу, восхитив тульских обывателей и вызвав зависть среди других частей гарнизона.

Сам Петрожицкий в новых красных штанах гарцовал впереди дивизиона.

Из полевого штаба, за подписью Каменева, телеграмма: «Всем окружным военным комиссарам и тульскому губвоенкому в недельный срок сформировать в каждой губернии по одному кавалерийскому эскадрону, которые на лучших лошадях, прекрасно вооруженными и снабженными должны быть направлены в Москву».

У нас столько кавалерийских частей, что не в

недельный срок, а в течение 24-х часов можно выделить лучших красноармейцев в такой эскадрон. На другой день я известил главкома, что эскадрон готов.

Формирование кавалерийской дивизии приближается к концу. Уже имеется 5-й кавалерийский полк, остается доформировать последний, 6-й, который, по нашим предположениям, должен быть готов не позже как через две недели. Нужно было приступить к формированию крепкого штаба дивизии, причем у меня возникли затруднения с назначением комдива.

Донес по прямому проводу главкому просьбу назначить командира дивизии. Получил ответ, что им будет командирован на эту должность Глаголев.

— Я надеюсь,—сказал в заключение главком,— что вы обеспечите Глаголева полным содействием в отношении подыскания сотрудников на другие штабные должности.

Вскоре после этого разговора, через день или два, я был вызван к прямому проводу.

— У аппарата начальник 11-й кавалерийской дивизии (такой номер дан сформированной мною дивизии) генерального штаба Глаголев. Вам известно о назначении моем командиром дивизии?

— Известно.

— Я здесь задержусь несколько дней еще, чтобы подобрать кое-кого из личного состава и стол-

коваться с довольствующими органами относительно лучшего обеспечения дивизии. Прошу вас принять от меня указания, дабы не терять ни одного дня с обучением частей. Я сейчас сообщу вам программу занятий, которую надо проводить во всех кавалерийских полках.

— Я думал, что вы вызываете меня по более серьезному делу, тов. начдив. Должен вас предупредить, что дивизия формируется мною и ведет занятия по тем программам, какие до сих пор я считал и считаю нужным устанавливать. До тех пор, пока дивизия не будет передана из моего подчинения другим органам, она является подчиненной мне. Поэтому придется мне вам делать указания о программах, а не выслушивать от вас.

— Вы меня не так поняли,— ответил Глаголев. Я не хочу сказать, что собираюсь вам делать указания, я лишь прошу вас учесть мой опыт и знания в кавалерийском деле и сообщить войсковым начальникам ту программу, которую я считаю нужным провести в деле подготовки частей. Я передаю.

Я сказал телеграфисту, чтобы он сообщил Глаголеву, что т. Оськин ушел и поручил ему принять записку.

Наконец явился Глаголев. Представился мне. Это бывший кавалерийский подполковник генерального штаба, небольшого роста, худощавый и

повидимому, весьма нервный. Из разговора с ним убедился, что он еще и недалек.

«Кажется, комдив не совсем подходящий»,— возникло предположение.

Вместо того, чтобы посмотреть полки, расквартированные мною в окрестностях Тулы в бывших помещичьих экономиях (в частности, полк Петрожицкого занимал бывшее имение графа Толстого «Ясную Поляну»),—Глаголев начал обход довольствующих учреждений. Провел длинные разговоры с Максимовым о шашках, пиках, шинелях и т. п. Максимов ему сообщил, что наши части уже обеспечены всем необходимым довольствием и снаряжением, а некоторые из них даже имеют красные штаны, надевавшиеся в мирное время лишь в парады.

Дня четыре болтался Глаголев по учреждениям, часто заходил ко мне, отрывая от дел своими жалобами на недостаточность помещения, предоставленного ему в военкомате. Помещение было, действительно, недостаточное, но, учитывая загруженность Тулы и чрезвычайно короткий срок формирования, казалось, можно было бы с этим мириться, стоит лишь усвоить напряженную обстановку. В конце концов нытье Глаголева так надоело, что я вынужден был по прямому проводу доложить главкому о негодности Глаголева для командования дивизией. Просил прислать более живого и энергичного и, если возможно, то

без таких «высоких» военных познаний, как генштабисты.

— Жаль, что и вам Глаголев не подошел, вот уже с которого места его гонят. Откомандируйте его в мое распоряжение, я пришлю другого.

После этого разговора мною тотчас же вручено предписание Глаголеву отправиться в распоряжение полевого штаба. Глаголев чрезвычайно изумлен моим предписанием и попробовал усомниться в моем праве смещать командира дивизии, на что я ему порекомендовал не задерживаться в Туле во избежание всяких последствий.

Приехал новый комдив тов. Матузенко, кубанец, небольшого роста, чрезвычайно подвижной, энергичный. Он с места в карьер направился осматривать кавалерийские полки. Пришел в восхищение от их вида, состояния конского состава и обеспеченности снабжением. В комнатке, отведенной ему по соседству с моим кабинетом, с раннего утра и до глубокой ночи сновали люди, приходившие к Матузенко за распоряжениями и вызываемые им для получения тех или иных приказаний и указаний.

— Молодец, Матузенко, побольше бы таких командиров и организаторов!

Через несколько дней после его приезда поступил приказ о направлении 11-й дивизии в распоряжение южного фронта.

Матузенко с восторгом встретил приказ о на-

правлении на фронт, где в это время действовал конный корпус Буденного, в котором Матузенко уже работал.

Очень скоро мы услышали, что тульская дивизия влилась в 1-ю конную армию, образованную из корпуса Буденного, и была брошена сразу в бой с конницей деникинской армии — Мамонтова и Шкуро. 11-я дивизия дралась с успехом, как старая, опытная, боевая часть. Конница белогвардейцев была вдребезги разбита.

ГЛАВА IV

БУДЕНОВКА

Впоследствии мне сам Буденный рассказывал, при каких условиях и как тульская конная дивизия влилась в его первую конную армию.

«В начале октября, — рассказывал тов. Буденный, — я получил приказание от РВС юго-восточного фронта найти корпус Мамонтова, оперировавший в Донской области, и его разбить.

«Этот приказ застал меня в районе ст. Графской, в селе Орловке. Не имея точных сведений о месте нахождения Мамонтова, я из Орловки направился по направлению Н... По дороге к этому пункту натолкнулся на 11-ю дивизию, атакованную крупными белогвардейскими силами. Положение этой дивизии было отчаянное. Одна бригада почти целиком захвачена в плен белогвар-

дейцами, другая вдребезги разбита, а третья стремительно отступает. Появление моего корпуса было неожиданно для обеих сторон. Я немедленно атаковал белогвардейцев, отбил захваченную ими бригаду, обозы, оружие, помог восстановить порядок и совместно гнать белогвардейцев к Дону. Пока оправившаяся наша пехотная дивизия гнала белых с фронта, я со своей стороны принял обходное движение. Дошел до Дона, уничтожил переправу и белые очутились отрезанными. Моя разведка донесла, что все силы белых, сосредоточенные против нашей 10-й армии, находятся по эту сторону Дона. Я тогда составил план их уничтожения.

«Если наша десятая армия немедленно при моей поддержке перейдет в наступление, то белые на этом участке будут уничтожены и наша армия целиком освободится, составив из себя крупнейший стратегический резерв.

«Мои соображения я доложил по прямому проводу командующему фронтом Шорину.

«То ли по старости, то ли по недомыслию, комфронта моего плана не принял и предложил мне срочно выполнить ранее данную задачу — искать и разбить Мамонтова.

«Я пытался доказывать комфронту, что наше положение столь выгодно, что мы имеем в резерве свободную армию, можем затем сделать крупнейший стратегический ход, направив мою

конницу в сопровождении пары пехотных дивизий на Купянск, чем перережем коммуникацию Деникина, подходившего уже к Орлу. Возьмем с тыла деникинскую армию.

«Комфронт продолжал упорствовать. Тогда, каюсь, — улыбаясь проговорил Буденный, — я не постеснялся телеграфиста и обложил его по проводу многоэтажными...

«После неудачных переговоров с комфронтом я принялся за продолжение данной мне задачи. След Мамонтова шел к Графской. Прибываю с корпусом в Орловку и к великой досаде узнаю, что конница Мамонтова накануне здесь ночевала, ушла только сегодня утром, узнав, повидимому, о моем приближении. На другой день я в догонку за ним. Он от меня. Дня четыре я держался от него на расстоянии одного перехода. Видимо, Мамонтов боялся принять бой.

«На четвертый день моей погони в районе моего корпуса спустился белогвардейский самолет, принявший мой корпус за корпус Мамонтова. У летчика мы нашли приказы фронта, разведывательные сводки, а также письмо Шкуро к Мамонтову.

«Из приказов я выявил намерение белых. В письме же содержались соображения Шкуро, что он думает, соединившись с Мамонтовым, напасть на меня и разбить. В виду вызова Мамонтова в ставку Деникина, командование обоими корпусами переходило к Шкуро.

«Узнав намерение белых и взвесив соотношение сил, я нашел, что прямым наступлением на численно более сильного врага я не выиграю, и решил занять выжидательное положение. У меня всего две дивизии, а у белых шесть. Если пойду в атаку, меня расколотят. Если они пойдут, то шансы уравниваются, ибо по одной дороге все дивизии нельзя пустить. Если же пойдут двумя-тремя колоннами, то я смогу бить их по частям.

«Сделав дневку, дал отдохнуть людям и коням. Стояли пару дней.

«Моей разведке удалось захватить белогвардейский раз'езд, у которого отобрали приказ Шкуро о переходе его конницы в наступление на мой корпус. В приказе говорилось, что наступление будет вестись тремя колоннами по разным дорогам (что мне особенно выгодно).

«Сидим в деревне... ждем. На рассвете появилась первая колонна. Пустили ее до середины села, а затем лихим ударом взяли в оборот. Эту колонну почти полностью уничтожили».

Дальше тов. Буденный со свойственной ему искренней правдивостью передал всю картину боя его двух дивизий с численно превосходившим его противником.

«В результате этого боя, — говорил Буденный, — мой корпус захватил 35 орудий, массу пулеметов и бронепоезд белогвардейцев.

«На хвосте бегущих белых мои полки чуть не ворвались в Воронеж.

«Однако, в результате этого боя,— продолжал Семен Михайлович,— мои ряды тоже значительно ослабели. Для дальнейшего преследования корпусов Мамонтова-Шкуро нужен был и отдых и подкрепление.

«По прямому проводу мне удалось связаться с сидевшим в городе тов. Ворошиловым, где последний формировал 56-ю дивизию.

«На мою просьбу о присылке подкрепления тов. Ворошилов ответил, что у него имеется лишь штаб дивизии, полки же еще не прибыли. Вот что сказал Ворошилов мне: «Мне известно, что в Землянк вчера прибыла конная дивизия, кажется из Тулы, проси ее себе, а я поддержу твою просьбу».

«Послал телеграмму штабу Южного фронта, прося подчинить мне Тульскую дивизию. В ответ получил не только согласие, но и распоряжение о переформировании моего корпуса в 1-ю конную армию.

«По установившимся в коннице традициям я выслал навстречу Тульской дивизии один из своих эскадронов вместе с приказом о дальнейшем направлении этой дивизии.

«Матузенко, в свою очередь, получив приказ фронта о переходе в мое подчинение, тоже выслал эскадрон в мою сторону. При встрече этих

эскадронов произошел курьез, исключительный не только в практике конницы, но и в военной истории.

«Мои бойцы за долгое пребывание на фронте в боях очень потрепали свою одежду. Да, собственно, тогда никаких военных форм не существовало. Каждый красноармеец был одет по-своему. Кто в шинели, кто в тужурке или бушлате. Головные уборы — самые разнообразные: папахи, кубанки, фуражки и т. д.

«Встретившись с эскадром Тульской дивизии, мои красноармейцы были удивлены их видом. Новое обмундирование, шинели с «разговорами» (так назывались поперечные клапаны на груди шинелей), красные штаны, в довершение всего на головах новенькие красноармейские шлемы, чего люди моего корпуса и во сне не видели.

«У моего эскадронного командира глаза разбежались.

« — Эка, — говорит, — сволочь, сидела в тылу и так вырядилась.

«Обменявшись взаимными приветствиями, вручив друг другу бумаги, командиры эскадрона направились каждый к своим людям. Эскадронный моего корпуса вдруг повернул обратно и зычным голосом подал команду:

« — Снимай шапки!

«Туляки стоят с растерянным видом, его не понимая.

« — Снимай шапки! — повторил командир буденновцев. — Менять на наши!

« — Позвольте, — запротестовал туляк, — мы совсем не желаем меняться.

« — Не разговаривать! Ребята, меняй шапки!

«Этой команды было достаточно, чтобы буденновские красноармейцы свои разнообразные головные уборы переменили на новые шлемы.

«Вечером того же дня я получил телеграмму Матузенко, что мои люди силой поснимали шлемы с его кавалеристов, отдав взамен свою рвань.

«Я еще ничего не знал, и телеграмма Матузенко мне показалась странной. Вызываю комдива, отправлявшего эскадрон навстречу тулякам, спрашиваю:

« — В чем дело?

«Комдив рассказал мне все то, что я вам говорил выше. Поступок этот меня рассердил.

« — Позови, — говорю комдиву, — этого командира эскадрона.

«Является бестия в новеньком шлеме, который я сам впервые увидел.

« — На каком основании, — говорю, — ты занимаешься грабежом своих же советских бойцов?

« — Никак нет, тов. командир, бойцов не обижал и не грабил.

« — А это у тебя откуда? — показал на шлем.

« — Так что обменялись, тов. командир.

« — Какая же мена, если Матузенко телеграмму шлет, что ты силой снял.

« — Никак нет, советских бойцов силой нельзя взять, то не бойцы, а молокососы. Попробуй кто с моего эскадрона снять, я бы показал.

«Хоть и рассмешил он меня, но пришлось сделать нагоняй и приказать немедленно поехать в дивизию Матузенко и обменяться головными уборами.

«Отсюда пошло название шлема «буденовка».

«Дня через два Матузенко соединился со мною под Касторной, где его дивизия соревновалась с моими старыми закаленными бойцами и в первом своем крещении показала себя настоящей советской конницей».

ГЛАВА V

ДАЛЬНЕЙШИЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Деникин взял Орел. До Тулы от фронта осталось километров 160 — 170. Военный совет укрепленного района занимается спешным строительством блокгаузов и окопов, а я — формированием частей. В один из своих приездов главком Каменев у себя в вагоне устроил широкое совещание: военного совета, представителей губисполкома и военкома. В это время на станции находился поезд РВС Южного фронта с тт. Лашевичем и Серебряковым. Они также присутствовали на совещании.

Петерс сделал сообщение о работах укрепленного района. Жаловался на недостаток частей, на то, что формирования военкома являются формированиями сырыми, без достаточного рабочего ядра.

Петерс был вполне прав, ибо формируемые части в подавляющем большинстве состояли из крестьян и к тому же из недавних дезертиров.

— Ничего, — говорил главком, — нам сейчас каждая лишняя единица полезна. Иногда лишь факт наличия лишней бригады или дивизии производит положительное действие. Я очень ценю работу Тулы по формированию, и будь возможность здесь создать ряд новых частей, их надо б создавать.

Я предложил главкому, что при условии отпуска материальных средств и наряда на пополнение людьми из других губерний, — тульский губвоенкомат смог бы в короткий срок сформировать две дивизии, т.-е. 18 стрелковых полков. Главком недоверчиво и с некоторым удивлением посмотрел на меня, шевеля своими громадными усами.

— Каким образом вы можете это сделать?

Внимание присутствующих сосредоточилось на мне.

— Труднее всего для меня формировать штабы дивизий, — начал я, — так как у меня нет соответствующего комсостава; что же касается бригад, то план таков: в Туле имеется два запасных полка. Я считаю, что в настоящих условиях можно обой-

тись одним, второй же запасный полк переформировать в бригаду. Батальоны запасного полка явятся ядром пехотных полков, а роты — ядром батальонов. Я разворачиваю каждую единицу в три раза. Из взвода делаю роту, из роты батальон, из батальона полк. Так из запасного полка у меня получится первая бригада. Недостающий до штатных норм комсостав будет взят частью из резерва, частью должен поступить по нарядам из окружного комиссариата. Это одна бригада. Теперь вторая. У меня имеется отдельный стрелковый полк; я с ним проделаю ту же манипуляцию развертывания. В Туле широко развернута работа Всеобуча. Имеются значительные кадры комсостава, так называемых резервных территориальных войск. Этим кадрам сейчас нечего делать, и я Тульский территориальный полк развертываю в бригаду, укомплектовывая ее начальствующим составом Всеобуча, которого вполне хватит для того, чтобы обеспечить целую стрелковую бригаду. Таким образом, у нас получается три бригады. Поставьте над ними штаб дивизии и у вас...

— Ну, а специальные части? — спросил главком.

— Со специальными частями таким образом. У меня имеется две запасных батареи, каждую из этих батарей можно развернуть в артиллерийский дивизион или даже полк. Кроме того, по линии Всеобуча имеется кадр артиллерийских и инженерных частей, которые, в свою очередь, будут

переформированы в соответствующие полевые части. Теперь для второй дивизии. В Туле имеется продовольственный полк, управление которого сосредоточено в московском штабе прод. армии. Этот продовольственный полк никакой пользы никому не приносит, поглощает лишь пайки. Я считаю, что для продовольственной работы можно использовать караульные команды уездных военкоматов, этот же полк переформировать в бригаду. Дальше имеется полк ВНУС'а и, наконец, из двух наличных караульных батальонов, которые в отношении хозяйственных функций приравниваются к стрелковому полку, я беру один и, в свою очередь, развертываю в бригаду. Вот вам, таким образом, вторая дивизия. В отношении развертывания специальных войск, в особенности войск связи, затруднения будут, ибо у военкомата нет специалистов, но если вы разрешите часть специальных войск взять у штаба укрепленного района, у которого специальных частей много, думается, что больше чем достаточно я обеспечу ими формирования специальных частей дивизии.

— Браво, браво, — воскликнул главком. — Вот это я понимаю — революционный метод формирования.

— Но ведь это не все, тов. главком. Мне нужно получить не менее 20.000 красноармейцев, в дополнение к тем, которые имеются сейчас в запасных частях губернии, а, кроме того, получить от

вас необходимые предметы снабжения и оружие. Мы уже дали достаточно войска на фронт и все, что можно было здесь взять, нами взято. В отношении продовольственного снабжения я не смущаюсь, ибо количество едоков в армии от усиления формирования не увеличивается, так как эти люди все равно и сейчас кем-то и чем-то довольствуются.

— Великолепно, великолепно... Я полностью утверждаю ваш план. Формируйте.

Петерс высказал сомнение в возможности так, по его мнению, фантастических формирований.

Шемякин, качавший вначале отрицательно головой, потом, прикинув в уме наши возможности констатировал, что план формирования шести бригад не фантастичен и мы сможем выполнить задание в срок полтора-два месяца.

Хуже всех чувствовал себя Максимов. Он не рассчитывал на получение из центра имущества.

— Придется еще развивать свои мастерские,— говорил он.

— Зачем вам свои мастерские развивать, развивайте работу отдела военных заготовок местного губсовнархоза.

Работа закипела.

Однако, не все были довольны новыми формированиями. Больше всего недоволен Всеобуч, который с насиженных местечек должен сниматься

и идти в полевые части. А осело во Всеобуче состава, шкурнически прячущегося от фронта, изрядное количество. Но я твердо решил изъять из Всеобуча все, что раньше когда-то носило золотые погоны.

Не менее недоволен и продполк. То ли дело ездить по деревням, стоять в заградительных отрядах, получать лучшие куски продовольствия,— вдруг разворачиваться в бригаду...

Пришлось дать специальное поручение польтико-просветительному отделу — агитогонь на Всеобуч и продполк.

Разногласия с каждым днем усиливались между ревкомом, т.т. Каминским и Зеликманом, с одной стороны, и Петерсом и Межлауком, с другой. Губком неоднократно писал в Москву о необходимости введения в состав военного совета представителя ревкома и губкома, но положительного разрешения все же не было.

На одном из заседаний, после какого-то столкновения между Каминским и Петерсом или Межлауком, вызванного нетактичным поведением военного совета в области использования местных средств, ревком предложил командировать в РВС южного фронта, расположенного на станции Паточной, в 40 верстах от Тулы, т. Осинского. А так как мне нужно было поехать в штаб фронта договориться с начальником штаба о 20.000 красно-

армейцев для формируемых мною бригад, то попутно присоединили и меня.

Выехали утром на автомобиле.

В большом дворце княгини Гагариной разместились штаб южного фронта. РВС жил в вагонах.

В кабинете Реввоенсовета фронта застали тт. Сталина, Серебрякова и Лашевича. Сначала разговор вертелся вокруг разных фронтовых тем. Говорили о положении 13-й и 14-й армий. Сталин острит по поводу отступления 13-й армии, не могущей дать тотный ответ на запрос штаба фронта о местонахождении войсковых соединений.

Глядя на лица членов РВС,— при чем каждый из них член ЦК партии — нельзя было подумать, что на фронте прескверно. Остроты, шутки сопровождали разговор. Осинский в юмористических тонах рассказал о Туле, о работе военного совета, о взаимоотношениях, сложившихся между Петерсом и губкомом, при чем он освещал свой рассказ таким юмором, что все присутствовавшие хохотали.

Потом Сталин обратился к Серебрякову, сидевшему за письменным столом:

— Пиши.

Серебряков взял блокнот, карандаш.

— Пиши так: «Москва, Кремль, ЦК РКП (б). Предлагаем немедленно отозвать Петерса из Тулы. Взамен выдвигаем...

— Кого хочет губком? — обратился Сталин к Осинскому.

— Мы считаем, что надо посадить Каминского и Оськина. Оськин перед вами. Военный...

— Знаю, знаю... — перебил его Сталин. — Пиши, — снова обратился Сталин к Серебрякову. — «Взамен предлагаем Каминского, председателя губкома и Оськина губвоенкома. Члены ЦК: Серебряков...

Тот подписался.

— А теперь давай мне.

За Сталиным подписал Лашевич.

Осинский остался, а я пошел к начальнику штаба Пневскому за получением 20.000 красноармейцев. Разговор с Пневским был краток.

— Людей нет, — заявил Пневский.

— Как же так? Главком, в присутствии гг. Серебрякова и Лашевича, говорил о том, что южный фронт может дать 20.000 красноармейцев.

— Нету, — и где запасные части — чорт их знает. Поймаете — берите.

— Хорошо.

— До свиданья.

— До свиданья.

Вернулся обратно, рассказал всему составу РВС о моем разговоре с Пневским, на что Лашевич бросил реплику:

— Откуда у Пневского могут быть люди! Тыл — чорт его знает, где находится. Связи с ним нет. Попадутся на территории Тульской губернии, забирай их и больше ничего.

— Ладно, так и будем делать.

Я умолчал о том, что в Белев уже прибыл один из запасных полков южного фронта, имеющий несколько тысяч красноармейцев. «Вот их-то я и заберу в первую очередь», — подумал я про себя.

Сталин предложил отправиться в вагон обедать. Время — двенадцать.

На следующий день Петерс получил телеграмму об отозвании его из Тулы и направлении в Ленинград.

ГЛАВА VI

ПИСЬМО ЛЕНИНА

Октябрь 1919 г.

Погода скверная. Лют непрерывные дожди. Работа по сооружению укрепленного района идет полным ходом. Боевые действия несколько затихли. Армия Деникина остановила свое движение.

На северо-западе образовался новый фронт. На Петроград наступает Юденич. Новые белогвардейские армии появились на территории сопредельных лимитрофов. Белые под самым Питером, верстах в 12 — 15. Этот новый фронт вызвал тягостное впечатление. Казалось, что тиски сжимаются все больше и больше и вот-вот раздавят.

Наш местный «Коммунар» продолжает в оптимистических тонах сообщать сведения о положении на фронтах, о приостановке движения Деникина, о нашей усиливающейся с каждым днем

готовности. «Приближается перелом» — писала газета. — «Рабочие, будьте начеку. Ни одного потерянного часа. Красная Кузница должна обеспечить фронт оружием и патронами». Кузница работает во-всю. Ни тяжелый голод, ни наступившие затруднения с топливом не могут сломить настроения рабочих. Идут массовые записи добровольцев рабочих оружейных и патронных заводов.

— Заводы — это тот же фронт, — говорили мы. — Новая винтовка стоит одного убитого белогвардейца. Будь у станка и выковывай оружие для победы Красной армии.

В Туле военное положение. После девяти часов вечера без пропуска нельзя показываться на улице. И пока доберешься от штаба обороны домой, неоднократно подвергаешься окрику рабочих патрулей. Их мозолистые руки тщательно проверяют пропуска.

Вернулся часов в семь из штаба на квартиру обедать. Не успел с'есть тарелки супа, как позвонил телефон.

Подошел.

— Оськина к телефону, — говорит телефонистка. — Слушайте, не отходите. С вами будет говорить Москва, Ленин.

Я не разобрал.

— Москва. С вами будет говорить Ленин, — повторила телефонистка.

— Слушаю.

— Алло!.. Кто у телефона? Алло! — доносилось в трубку.

— У телефона губвоенком Оськин, — закричал я.

— Тов. Оськин?

— Да, да.

— Говорит Ленин.

Я затаил дыхание.

— Вы знаете, что положение под Петроградом скверно? Нужна экстренная помощь войсками. Что есть в Туле?

Я растерялся, не будучи в состоянии назвать сразу наиболее надежные части.

— Ну, есть полк, бригада, отряд вполне надежный и крепкий, который можно сейчас же бросить под Петроград?

Я вспомнил о бийской бригаде, прибывшей к нам с восточного фронта несколько недель тому назад.

— Есть бригада 21-й дивизии, — кричу в телефон. — Но ведь Тула тоже под угрозой.

— Ничего. Дайте распоряжение сейчас же эту бригаду отправить под Петроград. Туле пока опасность не угрожает. Важно спасти Петроград. Если встанет опасность для Тулы, то мы успеем помочь. Немедленно шлите.

— Слушаюсь, — единственное, что я мог принести в ответ.

Сейчас же об этом разговоре позвонил Межлауку и Артамонову. Сообщил и в губком. Ока-

зывается, что в губкоме об этом уже знали, так как Ленин, после разговора со мной, позвонил о том же Каминскому.

Отдали распоряжение бригаде немедленно отправиться на станцию для погрузки, а коменданту станции собрать весь имеющийся подвижной состав, остановить всякое другое движение и спешно оборудовать эшелоны.

К утру бригада уже в пути.

Характерная подробность: мы отправили бригаду по словесному распоряжению Владимира Ильича, не имея приказа от наших непосредственных военных начальников. Лишь к концу следующего дня, т.-е. когда бригада подходила к Москве, мы получили телеграфное распоряжение полевого штаба об отправке бригады в распоряжение командующего 7-й армии.

В Туле остались специальные войска, большой авиационный отряд, прибывший в Тулу после ликвидации рейда Мамонтова, и мои новые сырые формирования.

Ночью — по телефону срочная телеграмма из Реввоенсовета Республики: «Тула: Оськину. Немедленно донесите, формировалась ли в Туле 2-я бригада, которой командовал Катомин и комиссар Шотман. Дайте характеристику Шотмана. Его отправку на фронт и время возвращения с фронта». Тут же написал ответ, указав время формирования

и ее отправки на фронт. Катомир прибыл перед самой отправкой и краткость его пребывания в Туле не дает возможности сообщить о нем какую-либо характеристику. Комиссар бригады Шотман симулировал болезнь перед отправкой на фронт, но все же по настоянию моего и губкома на фронт выехал. Спустя месяц он снова появился в Туле, на очень короткое время, с удостоверением от лечебных органов, что он командирован для лечения в Тулу. Дело о Шотмане разбиралось партсудом при губкоме.

Через несколько дней в «Правде» напечатано сообщение, что командир второй бригады Катомир, будучи на восточном фронте, изменил Красной армии, перебежав на сторону белых с документами, раскрывавшими белым карты — планы нашего командования. При перебежке Катомир склонял к тому же ряд командиров частей, в частности, Листвинникова, командира полка, но что командный состав за ним не пошел. Захваченные в архивах штаба Колчака доклады Катомина рисовали принципы формирования большевистской армии, системы комиссаров и в то же время сообщали характеристику как бывшего офицерского состава, так и комиссарского.

«Большинство комиссаров, — писал Катомир, — евреи, пронырливый народ, умный и цепкий, овладевает основным механизмом армии, но, как правило, евреи — народ чрезвычайно трусливый», и

в доказательство приводит случай с комиссаром Шотманом, который при отправке на фронт сделал попытку притвориться больным. В Туле из этого у него ничего не вышло, но зато при приезде на фронт он устроился так, что получил удостоверение о болезни, давшее ему возможность быстро удрать из бригады.

Катомин писал, что большевики стремятся поставить на командные должности бывший средний командный состав. Крупные военные спецы работают по преимуществу в штабах под надзором комиссаров «Симпатии офицерства, — продолжает Катомин, — безусловно на стороне белых. Офицерство ждет с нетерпением успехов белой армии и, при удобном случае, перейдет на их сторону. Если сейчас со мной не пришли офицеры, то лишь потому, что они дрожат за свои семьи, находящиеся у большевиков в качестве заложников. Большевики издали мудрый приказ, что семьи перешедших к белым офицеров берутся сейчас же в тюрьму, имущество конфискуется, а арестованным грозит расстрел. Лишь этим большевики удерживают порывы офицеров к переходу на сторону белых» и т. д. и т. д.

Однако, Катомин проглядел, что много тысяч бывших генштабистов и кадровых офицеров работают честно, рука об руку с коммунистами, помогая сознательно строить новое, социалистическое общество.

Недоразумения с военным советом у ревкома не могут ликвидироваться даже после введения в состав меня и Каминского. Межлаук продолжает линию, взятую ранее Петерсом. Каминский представлял из себя защитника местных интересов в военном совете, я же, поглощенный всецело вопросами формирования, имею очень слабое влияние на работу военного совета. Моя военная психика заставляет меня думать о необходимости централизованного управления и руководства военным делом. Я часто становлюсь на точку зрения Межлаука о невмешательстве местных организаций в военные дела. Однако, в отдельных случаях, когда происходили вмешательства со стороны военного совета в местные дела, я должен был солидаризироваться с Каминским.

Соотношение сил в военном совете было таково: на одной стороне Межлаук и комендант Артамонов, на другой — Каминский и, не всегда поддерживающий его, я. Это обстоятельство, очевидно, вынудило Межлаука поставить вопрос в центре об усилении военного совета еще одним товарищем из центра. Ставил ли он этот вопрос — наверное мы не знали, но к этому выводу я пришел потому, что вскоре военный совет пополнился командированным из Москвы тов. Эйдуком, членом коллегии ВЧК.

Эйдук прибыл с намерением взять в свои руки руководство работой разведывательных органов

и особого отдела губчека. Он подчинил себе отдел внутренней охраны с Алексеевым во главе и всю свою работу проводил исключительно с чекистскими организациями. В отличие от Петерса, он совсем не бывал в частях и на сооружаемых позициях.

Наши разногласия дошли до Владимира Ильича в более раздутом виде, чем было в действительности, от т. Орлова, комиссара военных заводов. Это вызвало со стороны Ильича специальное письмо к военному совету:

Российская
Федеративная
Социалистическая
Советская Республика
Совет
Рабочей и Крестьянской
Обороны
Москва, Кремль.
20 октября 1919 г.

В ТУДУ

ТОВАРИЩАМ: КАМИНСКОМУ,
ОСЬКИНУ, МЕЖЛАУКУ.

Т о в а р и щ и !

Значение Тулы сейчас исключительно важное,— да и вообще, даже независимо от близости неприятеля, значение Тулы для республики огромно.

Поэтому все силы надо напечь на другую работу, сосредоточивая все на военной и военно-снабжениеской работе.

Крайне жалею о трениях ваших и Зеликмана с Петерсом (он работник крупный и преданнейший) и думаю, что виноват тут Зеликман, ибо, если была заметна негладкость, надо было сразу уладить (и не трудно это было сделать), не доводя до конфликта. Малейшую негладкость впредь надо ула-

живать, доводя до центра во-время, не допуская разрастаться конфликту.

Работа в Туле должна быть повышена изо всех сил и переведена всецело на военное положение. Декрет о сокращении гражданского управления будет издан на-днях, его надо не только соблюсти, но применить архи-добросовестно и усердно. В Туле массы далеко не наши. Отсюда — обязательно сугубая интенсивность в работе среди войска, среди запасных, среди рабочих, среди работниц.

Если не хватит сил, пишите — поможем из Москвы.

За обороной следить, не спуская глаз: делают ли блокаузы? Не ослабевает ли работа? Есть ли материалы? Рабочие? Учатся ли красноармейцы? Снабжение их в порядке ли? Все эти и подобные вопросы должны быть розданы на специальное наблюдение дельных людей и партийно-преданных товарищей.

Вы отвечаете всецело за успех этой работы, за нерадение (если во-время не образуете и не обратитесь в центр). Формирование войска имеет исключительное значение.

Если возьмем Орел — работу не ослаблять, а вдесятеро усилить, ибо без этого мы не победим, а остановка наступления для нас — смерть.

Прочтите это письмо всем ответственным работникам и членам партии и регулярно, очень кратко, извещайте меня о фактически делаемом.

С коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин).

Письмо привез помощник Орлова т. Крайнев, вернувшийся из Москвы, и бывший вместе с Орловым у Ильича. Подлинник письма я сохранил у себя, сняв с него несколько копий, послал их губкому, губисполкому, Межлауку и Каминскому.

В связи с письмом Владимира Ильича собралось экстренное заседание губкома, на которое пригласили и членов военного совета. Тут же присутствовали председатели уездных партийных комитетов. Заседание носило бурный характер. Больше всех возмущался Зеликман, относительно которого Ильич в своем письме высказался отрицательно, считая его главным виновником склоки. Нервно, с озлобленностью Зеликман приводил ряд фактов неправильных действий военного совета в отношении захвата помещений, требований губпродкому на отпуск всякого рода предметов обихода, материалов и т. д.

— Прежде чем ставить вопрос в центре, — говорил он, — вы должны были поставить вопрос в губкоме, ибо в партийном отношении вы подчиняетесь ему, — кричал он Межлауку. — Действовать через голову губкома недостойно члена партии.

Выступил целый ряд товарищей с критикой работы военного совета. Многие указывали, что тульскую организацию нельзя упрекнуть в недостаточном внимании к военным вопросам. Тула делала и делает все возможное. «Посмотрите, что у нас осталось. Весь губсовнархоз работал исключительно на обслуживание армии. Работники губкома и губисполкома брошены в войска. У нас была полная согласованность, когда военный совет был в другом составе. Появление Петерса и Межлаука вне-

сло ряд отрицательных моментов, которые неизбежно должны были отразиться на плодотворной работе по подготовке обороны». Я не выступал. Межлаук отводил обвинения, приводя, в свою очередь, ряд нетактичностей губкома.

— Тов. Каминский,— говорил он,— член военного совета,— почему он не ушел с головой в эту работу? Почему он рассматривает себя в составе военного совета, лишь как представителя местных организаций для защиты их интересов от действий военного совета? Мы считаем первой причиной всех зол неправильную позицию, занятую Каминским. Если бы Каминский органически слился в своей работе с военным советом, мы бы не имели ни таких заседаний, ни такого письма Владимира Ильича.

Каминский занял более примирительную позицию.

— Что от нас требует Ильич?— говорил Каминский.— Сосредоточить внимание организации на военной работе. Это мы делали и в еще большей степени должны делать и дальше. Он говорит о необходимости усиления работы заводов. В этом отношении у нас сделано еще не очень много. Ильич совершенно прав, что тульские массы далеко не все с нами. В вопросе снабжения армии Ильич совершенно определенно указывает на необходимость выбрать специальных товарищей для наблюдения за этим делом. Нам надо прекратить

совершенно бесполезную полемику и спор о том кто прав и кто виноват в обострении отношений. Нам надо углубить все стороны нашей работы. Обеспечить полное выполнение стоящих перед нами задач. Белогвардейцы в каких-нибудь 150 верстах от Тулы. Если мы здесь будем заниматься препирательством, кто прав, кто виноват (кивок в сторону Зеликмана) и упускать из поля зрения основные вопросы, то дело будет архискверно. Со своей стороны я обещаю выполнять функции члена военного совета. Я перенесу свою работу исключительно в укрепленный район.

Несмотря на такое резюме Каминского, холодок со стороны губернской организации к работе укрепленного района чувствуется большой. Уже нет той готовности жертвовать всем, что имеется в Туле, для военного дела, как это было раньше. Появился формализм во взаимоотношениях. Приезд Эйдука усилил позицию Мажлаука в военном совете и Каминский, при всем его желании полностью отдаться делу военного совета, был вынужден признать, что его попытки не совсем успешны.

ГЛАВА VII

ФОРМИРОВАНИЕ БРИГАД

Штаб укрепленного района перерос рамки штаба стрелковой дивизии и вылился в форму армейского штаба с целым рядом оперативных и вспомогательных учреждений. Если бы весь состав

губвоенкомата выбросить из своего помещения, и тогда всего здания бывшего губернаторского дома для штаба укрепленного района было бы недостаточно. Поэтому, в первые же дни приезда Петерса, им было занято под штаб здание реального училища, где перед этим был один из госпиталей. Там же разместились и члены военного совета. Вообще с использованием помещений военный совет не стеснялся. Стоило командиру или комиссару части назвать желательное для него помещение, как немедленно выдавался ордер на занятие этого помещения для военных надобностей, не согласуя вопроса с губисполкомом. Прежний состав военного совета в этом отношении был куда скромнее. Главное внимание мы сосредоточивали на удобствах красноармейцам, а не штабам. Под штабы старались занимать торговые помещения, совершенно свободные в Туле в связи с произведенной национализацией торговли, но не школы и лазареты или особняки, занятые культурными учреждениями.

Если бы не было этих квартирных вопросов, если бы Петерс и Межлаук проводили тактику, применяемую раньше нами, то оснований для склочных настроений было бы меньше.

Затем, еще с первых же дней образования укрепленного района мы старались построить свою работу так, чтобы все ее детали были известны губкому и губисполкому.

С приездом нового состава военного совета все это прекратилось. Губком не был осведомлен о ходе работы, хотя товарищи из военного совета, находясь на работе на территории губернии, подчинялись партийному комитету этой губернии.

Централизация вещь хорошая, но не до бесчувствия.

Вспомним неудачу отряда - завесы. Совершенно бесспорно, что достижения тульского губвоенкомата при формированиях надо отнести только за счет активного участия в этом деле губкома.

Формирование бригад идет успешно. Белевский запасный полк мною захвачен полностью. Красноармейский состав отдан на укомплектование формируемых бригад, а командный состав и хозяйственный аппарат использован для развертывания одной из бригад вместо караульного батальона.

В связи с продолжающимся отступлением наших войск на север, через Тулу в большом количестве проходят тыловые учреждения 13-й армии, оторванные от армейского штаба. Явилась мысль использовать бегущий тыл на формирование наших частей. Распорядился установить завесы для перехватывания отступающих тыловых учреждений и направления их в Тулу. Так удалось обеспечить формируемые части повозками, лошадьми и обозом.

Максимов, на обязанности которого лежало формирование тыловых учреждений снабженческого порядка, в восторге от этого мероприятия, ибо оно позволяет ему в более короткий срок и без особого напряжения укомплектовать всем необходимым тылы дивизий.

Армейское командование, очевидно, не предполагает, какая участь постигает распущенный им тыл. Я же, помня слова Лашевича: «бери, что попадется в Тульской губернии», не упускал ни одного удобного случая для перехвата оторвавшихся частей. Все равно, думал я, они для армии сейчас являются сплошной обузой.

От Епифанского уездвоенкомата получил сообщение, что в районе станции Епифань обнаружен конский запас 14-й армии, осевший самовольно и не давший о себе никаких сведений ни уездвоенкомату, ни мне, при чем в донесении указывалось, что администрация конского запаса меняет лошадей среди местного населения на продукты.

Командировал Петрожицкого с конным взводом. Через несколько дней Петрожицкий привел около 300 лошадей и администрацию. Начальника запаса передали в трибунал за расхищение народного достояния и за бездеятельность. Коней же и красноармейцев передали в дивизию.

ГЛАВА VIII

ПОЛК ИМЕНИ КРАСНОЙ ТУЛЫ

В Туле сколько-нибудь серьезных организаторов антисоветского движения не наблюдалось, ибо здесь не было крупных офицерских гнезд. Та часть офицерства, какая осела в Туле, принадлежала к бывшим кадровым офицерам двух пехотных полков, стоявших в мирное время в этом городе. Все бывшие офицеры были по преимуществу выходцами из разночинцев. Почти никто из них не имел поместий или предприятий. Службу военную рассматривали, как профессию, ибо больше служить было негде. Это обстоятельство способствовало тому, что среди бывших офицеров Тулы не могло появиться сугубо ярых противников советской власти, несмотря даже на факт лишения чинов, орденов, почестей, отдания чести и права безраздельного господства над солдатом.

Конечно, и в Туле были элементы, стремившиеся к активному действию против советской власти: это бывшие офицеры, у которых в Тульской губернии были родовые имения. Таким оказался Доссе, начальник штаба 1-й бригады, который совместно со Стрекопытовым, бывшим меньшевиком, организовал восстание бригады в Гомеле. Это восстание заставило губвоенкомат и губчека усилить бдительность при назначении личного состава, делать большой отбор, выявлять социальное

положение комсостава и усилить контроль комиссарского состава над военными спецами и их действиями.

В самой Туле прямых попыток к восстанию не было, но была группа, ждавшая прихода Деникина. Эта группа сосредоточилась, главным образом, в органах Всеобуча.

Штаб внутренней охраны во главе с Алексеевым выудил наиболее злостных офицеров. В частности, был взят бывший полковник гвардии, личный друг Николая II, Каширский помещик, Коцебу. Этот Коцебу работал во Всеобуче в качестве инструктора. С мягкими, вкрадчивыми манерами, изобличающими в нем сугубо-придворного, он с первого взгляда внушал доверие, помогавшее его контрреволюционной работе.

Любопытен был его подход к бывшим прапорщиками, т. е. офицерам военного времени, особенно к занимавшим должности в военкомате и в штабе укрепленного района. В частных разговорах с ними он указывал на неизбежность победы Деникина. Там, по выражению Коцебу, цвет русского офицерства, перед которым русская армия красных с ее безграмотными начальниками должна будет уступить. Как правило, он расточал похвалы деятельности отдельных молодых, занимающих ответственное положение, бывших офицеров.

— Ах, Николай Николаевич,— говорил он скажем, одному из них,— вы такой прекрасный, талантливый, вдумчивый работник. В вас виден исключительный военный талант и организаторские способности. Если бы были соответствующие условия, то вы могли обеспечить себе колоссальную военную карьеру. Ведь таких людей, как вы, один на тысячи,— и затем, понижая голос, добавлял,— если советская власть падет, то я берусь вас рекомендовать генералу Деникину, с которым лично знаком; он, несомненно, сразу произведет вас в полковники, по меньшей мере.

Такие разговоры велись не с одним «Николаем Николаевичем», которого я привел в качестве нарицательного типа.

Когда Коцебу бы арестован и расстрелян, Максимов рассказал мне о его подходах к целому ряду старых военных специалистов; в частности, не раз он говорил Максиму и Шемякину, что они в высшей степени талантливы, что если бы они могли свои силы направить в другую сторону, то это было бы оценено «высшими чинами».

— Я думал,— говорил Максимов,— что это у него манера разговаривать, а оказывается, это — система.

Я уже говорил, что назначение Петерса в Тулу членом военного совета вызвало панику среди комсостава. Однако, при близком знакомстве с

Петерсом оказалось, что он не такой изверг, как им его рисовали обывательские слухи.

Петерс — старый член партии. До революции был в эмиграции, долго жил в Париже и в начале революции прибыл в Россию. После октябрьского переворота Петерс назначен членом коллегии ВЧК. Факт его работы в ВЧК сложил вокруг его имени целые легенды о его жестокостях. Эти легенды имеют особо сильное распространение в заграничной прессе и белогвардейских газетах. Там Петерса рисуют кровожадным человеком, который ежедневно сотнями расстреливает контрреволюционеров.

Вопреки всем этим басням, Петерс является чрезвычайно обаятельным человеком в частной жизни, очень любит детей, при разговоре с которыми в его голосе звучит нежность. На мой вопрос, почему он так прославился жестокостью, он, смеясь, сказал:

— Всею виной моя внешность, мой угрюмый вид, на самом же деле я являюсь в ВЧК одним из тех членов коллегии, которые, может быть, и пригрозят кому-либо, но никогда не расстреливают. Все эти басни про меня надумали, главным образом, эсеры. Мне пришлось, во время июльского восстания эсеров, производить аресты их и допросы, посещать камеры, вести разговоры, при чем один мой вид приводил многих в содрогание.

Когда Петерс был отозван, то военные специалисты сожалели об его отъезде.

Другое дело Эйдук, прибывший вскоре после отозвания Петерса в качестве нового члена военного совета. Я уже упоминал, что он взял на себя функции разведывательного порядка и весь свой день проводил в губчека и с особым отделом.

Он сделал распоряжение Алексееву произвести ряд обысков у старшего начальствующего состава, а некоторых и арестовать. Так, например, ни с того ни с сего арестовал заведующего артиллерийским снабжением Миловидова. Данных к этому не было никаких, кроме отобранного при обыске у Миловидова его дневника. В этом дневнике Миловидов пространно писал о всякого рода прежних гонениях, о неизбежности наступления конца мира и т. п. Оказалось, что Миловидов мистический человек, верующий в бога, чорта и проч. чертовщину. Работа же Миловидова не вызывала никаких сомнений в его добросовестности и порядочности. Например, во время налета Мамонтова он буквально не спал ночей, занятый организацией броневых площадок, мотоциклов с пулеметами и т. п.

Эйдук арестовал Шемякина. (Все это происходило в мое отсутствие из Тулы — я был в Москве). Шемякин заведует административно-мобилизационным отделом губвоенкомата и является начальником командных курсов. Я уже упоминал, что он

бывший генерал, был в империалистическую войну начальником штаба корпуса, а последние полтора года пробыл в германском плену. Из плена вернулся в Тулу в конце 1918 года.

Шемякин работал, не покладая рук. Значительная часть успехов формирования войск относится на счет Шемякина. Эйдук продержал его всего сутки и затем, за отсутствием каких-либо компрометирующих данных, должен был выпустить.

Дальше, Эйдук распорядился арестовать Музеуса, военного руководителя губвоенкомата, тоже по той причине, что Музеус бывший генерал и командовал на фронте дивизией. Но Музеус оказался умнее двух предшествующих. Когда к нему пришли из губчека с ордером на арест, он посмотрел на подпись и заявил, что товарищи, которые подписали ордер, арестовать его не имеют права, что он, как военный руководитель губвоенкомата, может быть арестован или губвоенкомом, или по приказу центра. Явившийся молодой чекист растерялся от подобного заявления и в смущении удалился. Музеус воспользовался этим моментом и вместе с Глаголевым отправился к Каминскому, подняв того с постели, рассказали ему всю эту историю, от которой Каминский и Глаголев хохотали до упаду. Тут же Каминский отдал распоряжение аннулировать распоряжение Эйдука об аресте Музеуса.

Эйдук не пользуется симпатией. С одной сторо-

ны, он чрезвычайно кичится своим званием члена коллегии ВЧК, много хвастает своими революционными заслугами, нередко подчеркивает свою высокую нравственность, но в то же время делает далеко не моральные поступки. Правда, быть может, это объясняется большим голодом в Москве, но все же и это обстоятельство не должно смягчать таких поступков, как, например, посылка вестового на базар для продажи имеющегося у Эйдука запаса соли, чтобы на вырученные деньги произвести закупку масла, муки для отправки в Москву. Да и в Туле тов. Эйдук кушает не так, как мы, простые смертные, довольствующиеся красноармейским пайком.

При приезде в Тулу Эйдук заявил на заседании военного совета, что, едучи сюда, он разговаривал с Владимиром Ильичем и последний порекомендовал ему образовать в Туле добровольческий полк из рабочих оружейных и патронных заводов с названием «Имени Красной Тулы».

До сих пор мы воздерживались от приема добровольцев с патронного и оружейного заводов, считая, что рабочие на военных заводах по выработке винтовок и патронов равносильны бойцам на фронте. Заявление же Эйдука, что Владимир Ильич за формирование такого рабочего полка, заставило нас пересмотреть нашу тактику; после обсуждения решили, что формирование одного

добровольческого полка на работе военных заводов особенно плохо отразиться не может.

Объявили вербовку. Командиром полка назначили Качко.

Качко бывший студент, маленького роста, подвижной, с постоянной трубкой в зубах. Он умеет лучше других вести разговоры с красноармейцами и агитационную работу на предприятиях. Остановили выбор свой на Качко именно за эти его качества.

Сделанное объявление на заводах, что военный совет формирует полк имени Красной Тулы исключительно из добровольцев, встретило живейший отклик у рабочих. В течение одной недели поступило несколько сотен заявлений.

Расквартировали полк в красных казармах в Зареченском районе, как раз в центре рабочего поселка. Максимум дали распоряжение обеспечивать полк в первую очередь всеми видами довольствия и, по возможности, лучше других частей. Красные казармы сделались центром посещений ответственных работников военного совета укрепленного района и губкома.

Одетые в военное обмундирование, рабочие стали походить на типичных красноармейцев с не менее типичными интересами в отношении бытовых условий. Те же требования улучшить размещение, почаще ходить в баню, дать лишнюю смену белья, дать табак, постели, одеяла и т. д.

Качко весь день проводит в беседах с красноармейцами.

В Тулу прибыл поезд тов. Калинина. Михаил Иванович остановился в Туле на несколько часов, собираясь ехать дальше в прифронтной район. Встреченный на вокзале мною и комиссаром патронного завода Крайневым, он, поздоровавшись, объявил, что привез мне «привет от Ильича. Владимир Ильич очень ценит работу тов. Оськина и советует продолжать так и дальше и, кстати, поручил мне заехать в казармы посмотреть, что тут творится и насколько хорошо».

— Вот это прекрасно, Михаил Иванович, что вы сами осмотрите казармы и наши части. Должен только предупредить, что наши казармы в течение всего этого года были проходным двором, пересыльным пунктом, — не успеет образоваться одна часть, поживет неделю-другую, как уже выбрасывается на фронт, а на ее место приходит новая. Уюта, понятно, у нас очень мало. Мы еще очень далеки от тех красных казарм, какие хотелось бы иметь для нашей молодой Красной армии.

— Так вот вы и покажите мне типичные казармы, не особенно плохие и не особенно хорошие.

— Тогда поедem в полк «Красной Тулы», кстати, это недалеко от вокзала.

Поехали.

Михаил Иванович тщательно всматривался во все детали казарменной обстановки и быта. Прошел на кухню, попробовал пищу. Похвалил. Хитрый старик! Знает, что в присутствии красноармейцев пищу не хвалить нельзя, иначе сейчас же жалобы будут. Затем собрал в одном из помещений, отведенном под клуб для красноармейцев, весь наличный состав полка и выступил перед ним с небольшой речью.

— Орел взят нашими красными орлами,— говорил он. — Очередь за Курском, Харьковом. Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что Красная армия нанесла решительный удар белогвардейщине. Вам, ковавшим оружие для победы на фронте, теперь предстоит окончательно добить белогвардейскую сволочь. Будьте так же крепки, сильны, как твердо восстанавливали производство и ковали оружие для фронта. На ваши действия смотрит весь пролетариат. Я надеюсь, что вы с честью оправдаете славное имя вашего полка имени «Красной Тулы», этой великой Кузницы пролетарского оружия.

Красноармейцы наградили Калинина дружными, продолжительными аплодисментами.

«Да здравствует всероссийский староста!» — кричали ему вслед.

ГЛАВА IX

ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

В военный совет прибыл новый начальник штаба тов. Кадомский. Ему лет 50, производит впечатление крупного военного специалиста.

С его появлением на заседании военного совета прекратились бесчисленные дебаты о тех или иных планах, вносившихся ранее бывшим начальником штаба. Кадомский докладывал лишь сущность дела и принципиальную сторону тех или иных вопросов, все же остальное ходом самих вещей перешло в непосредственное ведение Кадомского.

При бывшем начальнике штаба Тер-Арутюнянце комиссара не было, так как Тер-Арутюнянц был коммунист. С приездом же Кадомского Межлаук назначил к нему военного комиссара тов. Григорьева.

Тов. Григорьев, выходец из духовного звания, недоучившийся семинарист, производил весьма тяжелое впечатление не только своими внутренними данными, но и внешним видом. Высокого роста, сутуловатый, с выглядывающими исподлобья глазами, он подозрительно относился ко всему, что имело то или иное отношение к военным специалистам. Так как Кадомский бывший генерал, то подозрительность Григорьева развилась до чрезвычайности. Он не отходил буквально

ни одного шага Кадомского и, пользуясь тем, что квартира Кадомского находилась рядом с его квартирой, он сопровождал последнего чуть ли не в уборную. Кадомский за два года советской власти и пребывания в армии выдавший достаточно разных видов и вполне освоившийся с необходимостью комиссаров при военных специалистах, все же чувствовал себя крайне нервно, видя за собой неотступный взгляд и шаги Григорьева.

С каждым днем Кадомский начинает выглядеть все мрачней и мрачней. Я попытался вызвать Кадомского на откровенность о причинах его угнетенного состояния, отражающегося и на работоспособности. Он чистосердечно рассказал, что его гнетут две вещи: во-первых, неусыпная бдительность за ним Григорьева, чрезмерная подозрительность последнего, которая способна заставить нервничать самого архичестного специалиста.

— Он буквально не сводит с меня глаз и не отпускает от себя ни на одну секунду, — жаловался Кадомский. — Куда бы я ни пошел, с кем бы ни поговорил, особенно со знакомыми, случайно встретившимися в Туле из мелкого чиновничьего мира, Григорьев всегда тут как тут. Я не могу, работая в Туле уже почти месяц, пойти навестить своих знакомых, которые не раз усиленно приглашали. Для меня, старика, единственным от-

дыхом от тяжелой работы, какую я веду в штабе, является посидеть где-нибудь среди добрых людей часок-другой. Но этого я не могу сделать. И второе, что не в меньшей степени заставляет меня мрачнеть — это отсутствие возможности давать своему организму «доппинг».

— Что это такое за «доппинг»? — удивился я.

— Э... Вы еще молодой человек, не знаете, а ведь за моими плечами свыше 30 лет военной службы и я за эти 30 лет привык регулярно, изо дня в день, перед обедом выпивать рюмку водки. Как ни тяжело было на фронте в 14-й армии, все же и там добрые люди давали возможность получать старику свою жизненно-необходимую порцию. А здесь вот уже месяц ни одной рюмки не выпил.

— Ну, это дело поправимое, — рассмеялся я. — Я скажу, чтобы вам прислали «некую порцию» на квартиру.

— Голубчик, я вам так благодарен! Поверьте, что если у меня будет предобеденный «доппинг», то мне и Григорьев нипочем.

«Доппинг», в виде бутылки спирта, в тот же вечер был мною отправлен на квартиру Кадомского.

Кадомский начал расцветать, появилась большая солидность. В разговоре с сотрудниками начинает допускаться шуточный тон, на заседании военного совета делает более оживленные доклады, чем последние две недели.

«Доппинг» действует.

Кадомский в моем лице встретил защитника и со всякого рода нуждами прибегал к моей помощи. В то же время он чувствовал себя обязанным всякую более или менее значительную военную новость в первую очередь сообщить мне, разыскивая меня по телефону, где бы я ни находился.

Однажды глубокой ночью затрещал телефон.

— Алло, у аппарата Оськин.

— Говорит Кадомский.

— Какого чорта будите меня в три часа ночи!

— Не ругайтесь, тов. губвоенком, красные взяли Орел.

— Bravo! — завопил я в телефон и, вскочив с постели, в свою очередь, начал будить по телефону ответственных товарищей губкома и губисполкома, сообщая им радостное известие.

Военная сводка была лаконична: «частями латышской дивизии в ночь с такого-то на такое-то лихой атакой взят Орел. Белые в панике отступают».

Через не елю та же участь постигла и Курск.

Белые стремительно откатывались на юг, преследуемые красными частями. Особенно энергично действует конница Буденного, в составе которой находится наша Тульская 11-я кавалерийская дивизия. После лихих действий у станции Касторной, где была сбита конница генерала Шкуро, буденовцы ворвались в Воронеж, отвоевали этот

город у белых и двинулись на Купянск, в обход Харькову. Взятию Орла предшествовала и ликвидация петроградского фронта Юденича. Вызванные из Тулы, по личному распоряжению Владимира Ильича, войсковые части подошли в самый критический момент. Наш тульский эшелон был выгружен из вагонов между ст. Бологое и Петроградом прямо в поле и от полотна ж. д. сразу же перешел в наступление. Неожиданное появление свежих частей со стороны Бологое и упорная активная защита Петрограда петроградскими рабочими, вооруженными петроградским Советом, сделали свое дело. Юденич, подошедший было совсем вплотную к Питеру и рассчитывавший, помимо удара с фронта, получить сильную поддержку внутри Петрограда со стороны подготовленного уже восстания местных контрреволюционеров, ошибся в расчетах. Петроградская ЧК в самый последний момент раскрыла заговор и решительным ударом его ликвидировала.

Вслед за уничтожением Юденича, красные части, собравшись с силами, перешли в решительное наступление на Деникина и стремительным ударом отбросили его за Орел. Переход красных войск в наступление, стремительность боевых действий латышских частей и красной конницы деморализовали белогвардейскую армию. Начиная от Орла, деникинская армия не отходила, а бежала в панике, бросая оружие, обозы, склады.

Через две недели после взятия Орла, Харьков также был в руках красных войск. На другом участке фронта, юго-восточном, к этому времени уральская армия Толстого сброшена в море у Гурьева, а на Оренбургском фронте ликвидированный Дутов открыл ворота в Туркестан.

С начавшихся широкой полосой побед войск Красной армии темп работы в укрепленном районе начал понижаться. Взаимоотношения ревкома с военным советом еще ухудшились. Местные власти перенесли центр тяжести своего внимания на советское строительство. Формирования военкомата сузились и вместо шести бригад, как было первоначально договорено с главкомом, получено распоряжение формировать лишь три, т. е. одну дивизию. Таким образом, подготовленный кадр для второй дивизии пришлось влить в 1-ю, отчего последняя сразу стала полнокровной и срок формирования значительно ускорился.

На должность начальника дивизии из Москвы прибыл тов. Лагофет, а комиссаром к нему тоже из Москвы тов. Скалов.

Лагофет — бывший офицер береговой обороны. Носит морскую форму, весьма самоуверенный, считающий себя крупным знатоком военного дела.

Зато Скалов — одна сплошная энергия, которая брызжет от него во все стороны. Лагофет сидит в штабе, формируя его и подбирая сотрудников

Скалов же с комиссарами частей и работниками политотдела проводит время в частях.

Отдел снабжения дивизии сформировали за счет отдела снабжения Ефремовского уездного военного комиссариата, целиком взяв из комиссариата эту часть во главе с военным руководителем Ефремовского уезда Марковичем. Захваченные транспорты 13-й армии обеспечили полностью все довольствующие органы дивизии. К концу ноября дивизия, названная, по распоряжению полевого штаба, 48-й, была полностью готова, о чем донесли главкому. Вскоре последовал приказ отпустить дивизию в распоряжение командования западного фронта, на польскую границу.

ГЛАВА X НА ФРОНТ

На фронте победа за победой. Белогвардейцы бегут без оглядки. Нашему укрепленному району и работе губвоенкомата подходил конец. Военная опасность миновала и мы живем сейчас не столько происходящей гражданской войной, сколько переживанием прошлых, подчас трагических, подчас комических моментов и настроений. Если остались какие-нибудь следы неприязненных взаимоотношений между местными организациями и военным советом, то это теперь не имеет уже того значения, как раньше. Я совершенно отошел от работы в военном совете, считая его работу законченной.

Появились свободные вечера, встречаюсь с рядом военных товарищей, при чем за последнее время ко мне часто заходит Строев, бывший первым начальником обороны Тулы, а теперь начальник авиации Тульского укрепленного района.

После работы в Туле в июле месяце Строев, которому в авиации стало тесно, хотел было перебраться на обще-командную работу и получил было назначение на фронт, но затем неожиданно распоряжением главкома С. С. Каменева был опять внедрен в авиацию. К концу мамонтовского налета Строева командировали в авио-группу Акашева, действиями которой командование было недовольно. А затем поручили в экстренном порядке сформировать для обороны Тулы авиационную группу особого назначения. ✓

К ноябрю в распоряжении Строева состоит полностью укомплектованная и слаженная группа в тридцать самолетов, которые абсолютно бездействуют и поглощают в учебных полетах спирт, на котором в данное время работают самолеты.

В один из вечеров Строев засиделся у меня дольше обыкновенного. Разговор вертелся вокруг бывшей угрозы Туле и ее военным заводам.

Строев развивал мысль, как белогвардейцы должны были бы действовать, если бы у них была крепкая армия.

— Я удивляюсь, — говорил Строев, — что рейд Мамонтова окончился впустую. Вся идея рейда,

столь отчетливо вырисовывавшаяся в первое время, утратила свой чистый военный смысл после того, как Мамонтов от Ельца повернул обратно на Воронеж. От Ельца до Тулы не больше 130 верст. Для хорошо организованной и дисциплинированной конницы это — трехдневный переход. В течение трех дней Мамонтов мог достичь Тулы. Сооружения по обороне Тулы были чрезвычайно слабы, об этом не могло не быть известно Мамонтову и он, имея хорошую артиллерию, мог безнаказанно овладеть цитаделью большевиков — тульскими заводами. Я до сих пор не понимаю, хотя окончил генеральный штаб, что заставило такого военного спеца, как Мамонтов, свернуть от Ельца в противоположную от Тулы сторону.

— Вероятно, наша агитация, — заметил я. — Ведь наша тульская газета прокричала о крепости вооруженных сил, о том, что высылаем целое войско в качестве заслона вперед к Ефремову.

— Это могло быть и неизвестно Мамонтову, хотя возможно, что вы правы. Я же думаю, что казаки Мамонтова настолько успели поднаградить для себя всякого барахла за время движения через Воронеж, Козлов, Тамбов и Елец, что оказались чрезвычайно перегруженными для дальнейшего движения, и Мамонтов, будучи не только военным специалистом, но и до известной степени политиком, учел это обстоятельство. Я сам видел

с воздуха, какие огромные обозы волочились за мамонтовскими колоннами. При чем первые же, правильно организованные разведки и бомбометание заставили рейдирующую конницу прибегнуть к ночным передвижениям, несмотря на то, что силы нашей авиации были более чем скромны. Перегруженные награбленными мушкетерами, казаки представляли для Мамонтова большую опасность, чем самые дисциплинированные полки, имевшиеся в Тульском укрепленном районе. По-моему в этом кроется главная причина, что Мамонтов свернул от Ельца обратно.

— А как вы вообще относитесь,— спросил я,— к организации подобных рейдов? Ведь практика мировой войны показала, что даже немецкая конница, прорвавшаяся в Сморгони осенью 1915 года в тыл так же скоропалительно отходившей русской армии, не выполнила своей миссии и вся погибла в нашем тылу.

— То было совершенно иное дело,— ответил Строев.— Прежде всего это была немецкая конница, не умевшая говорить на русском языке; население встречало ее, как врага. Имейте в виду, что осенью 1915 года шовинизм был настолько силен, что не только настоящих немцев, но даже имевших лишь немецкие фамилии московские обыватели грабили во-всю. Не далеко ходить за примером,— смеясь, продолжал он.— Даже мне, природному русскому, имевшему несчастье носить

немецкую фамилию Рихтер, пришлось эту фамилию переменить на Строев.

— Как, разве вы не всегда были Строевым? — удивился я.

— Вот именно не всегда. До войны я был Рихтером. Еще в 1912 году, предвидя столкновение с немцами, я подал прошение о перемене фамилии, которое однако было удовлетворено лишь в 1915 году. Так вот, видите,— продолжал он,— Мамонтов не потому вернулся обратно, что агитация Тульского укрепленного района и тульских организаций была сильно развита, а потому, что основная масса его корпуса, повидимому, перестала быть военной массой. Мамонтов утратил возможность управлять своими людьми.

В доказательство Строев привел ряд примеров из военной истории.

— А как вы думаете,— обратился я к Строеву,— если бы мы организовали рейд, подобно Мамонтову, только из других родов войск, например, из пехоты и авиации в ее центре,— из этого мог бы выйти толк?

— Совершенно неожиданный вопрос. Подобная мысль мне никогда не приходила в голову, а, знаете, мысль исключительно интересная.

Я подозрительно посмотрел на Строева.

— Вы понимаете,— с разгоревшимися глазами начал Строев разъяснять свою мысль,— ведь вся беда Мамонтова была в том, что он не имел при-

крытия для своих транспортов. У него была только конная масса, которую легко можно отразить сильным артиллерийским или пулеметным огнем. А вот если организовать такой рейд из пехоты в сопровождении артиллерии и авиации, на которую опиралась бы относительно немногочисленная конница, то ведь такому рейду ничто противостоять не может. Передвигаясь и располагаясь по методам степной войны, пехотная масса представляет собой таран, к которому приступить нельзя, ибо он со всех сторон способен отразить нападение, и вот такая масса, при условии наличия достаточных запасов снабжения, может совершить чудеса.

— В чем же дело? Давайте предложим главкому сформировать из наших бездействующих частей такое ударное кольцо — таран, которое может быть направлено в тыл белых.

— Давайте, но, прежде чем предлагать, надо продумать детально.

— Роль родов войск? — спросил я.

— В центре авиация, пехота должна быть по сторонам, образуя карре. Пехоту, само собой разумеется, сопровождает артиллерия. Необходимо, чтобы авиация имела такую подвижную способность, как и пехота или конница. В зимний период такую подвижность авиации придать не трудно, у нас начальник снабжения толковый и умеет изворачиваться. Надо, чтобы авиационный

обоз имел сани для продвижения по снегу. У нас в Туле 35 самолетов, значит, для авио-транспорта необходимо примерно 100 саней,— это стоит пустяк. Тыл авиации, посаженный на сани, несмотря ни на какие заносы, будет не менее подвижен, чем конница. Я еще поработаю над этим вопросом, Дмитрий Прокофьевич, и вы можете смело докладывать об этой идее главкому. Это замечательная идея, чудесная! Если ее привести в исполнение, то мы сможем смести Деникина в Черное море быстрее, чем сейчас рассчитывает Каменев.

— А как вы думаете,— обратился я к Строеву,— что, если предложить главкому весь Тульский укрепленный район с его частями преобразовать в армейскую группу и бросить на фронт, придав, конечно, этой группе недостающую нам сейчас кавалерию.

— Тогда легко было бы осуществить план, о котором мы с вами сейчас беседовали.

Расставшись со Строевым, я задумался над участью укрепленного района. Надо ехать к главкому предложить наши силы и энергию на другом, более действенном участке, чем сидеть в Туле, где делать нечего, кроме грызни с местными организациями.

На другой день поделился своими мыслями с другими членами военного совета—Межлауком и Каминским. Эйдук уже уехал в Москву.

Каминский отнесся совершенно безучастно к моей идее. Центр его внимания сосредоточился исключительно на местной советской работе. Но видно было, что Каминский, как руководитель партийной и советской работы, в высшей степени чувствовал необходимость скорее освободиться от лишних войсковых частей и чем это будет скорее сделано, тем для губернии лучше. И, со свойственной Каминскому прямою, он в одном из номеров «Коммунара» писал, что тульская организация проморгала момент, благоприятный вовлечению в советскую работу рабочих тульских заводов.

«Мы не использовали,— писал Каминский,— того настроения, которое создалось в связи с непосредственной опасностью для оружейных и патронных заводов. Мы слишком увлеклись односторонними задачами и сейчас нам предстоит колоссальная работа над делом строительства социализма, над вовлечением в строительство остальных масс тульских оружейников и патронников».

Межлаук отнесся иначе. Для него дальнейшее сидение в Туле так же, как и для меня, было в тягость, и чем скорее выехать из Тулы, тем лучше. Перспектива же выехать из Тулы во главе армии была заманчива.

— Что же, Дмитрий Прокофьевич,— произнес Межлаук,— вам и карты в руки. Вы с Сергеем

Сергеевичем чуть ли не приятели, поговорите с ним.

Я позвонил С. С. Каменеву по телефону.

— Сергей Сергеевич,— говорил я главкому,— у нас в военном совете появилась мысль использовать аппарат укрепленного района и тульский военкомат (аппарат последнего я всегда считал куда серьезнее, чем штаб укрепленного района по работоспособности), а также сохранившиеся специальные части на создание специальной ударной группы, чтобы окончательно добить Деникина. Я бы хотел, чтобы вы лично выслушали наши соображения и сказали, насколько они целесообразны.

— Что же, приезжайте в Москву,— ответил Каменев.

В Москву выехали вчетвером: я, Артамонов, Межлаук и Строев. Последнему очень не хотелось показываться на глаза главкому, и он свое нежелание оправдывал тем соображением, что стоит ему встретиться с Сергеем Сергеевичем, как последний сейчас же всю его группу бросит на фронт и тем расстроится и план авиапехотного рейда и его последняя надежда заняться более широкой оперативной работой.

По дороге к главкому роли распределили следующим образом: я делаю общий доклад, в качестве содокладчика выступает Строев, детализирующий моменты основного плана. Межлаук и Артамонов молча солидаризируются.

Входим в кабинет главкома.

— Ну, что вы там надумали? — обращается ко мне Сергей Сергеевич.

Я излагаю ему основу нашей идеи.

— Так, хорошо. Устроим, — одобрительно кивая головой, соглашался главком. — Только не совсем для меня ясно, с чем Тульский укрепленный район выйдет на фронт? Ведь вашу 48-ю дивизию я уже забрал. Что теперь у вас осталось?

— Артиллерия да авиация.

— А вы зачем тут? — вдруг накинулся Каменев на Строева.

— Вместе с ними, как один из инициаторов этой идеи.

— Я знаю его, он всегда был большой фантазер, есть и, очевидно, будет им. Вам надлежит, тов. Строев, сделать следующее: в 24 часа собрать свою авиацию и отправиться на южный фронт. Там вы и будете действовать. А насчет Тулы мы поговорим с военным советом. Я вас не задерживаю, можете немедленно готовиться к выступлению.

Строев молча взял под козырек, повернулся и вышел.

— Бесшабашная голова, — сказал Каменев. — Первым кончил военное училище, первым окончил Академию генерального штаба, но со своим премемерзким характером и с вечными идеями никогда не может никаким делом заняться. Эта идея

об авиационном рейде очень интересна, я уверен, что он осуществит ее, когда приедет в конную армию, но она верна лишь отчасти. Авиация может действовать, но при условии рейда с конницей. Действовать же совместно с пехотой в полевой войне, при необходимости огромных переходов, просто абсурдно. Но он сейчас вбил себе в башку, что это можно сделать, и если ему дать возможность, он сделает. Предложи он эту мысль месяц тому назад, когда Деникин был под Орлом, я охотно бы ее приветствовал. Сейчас же обстановка совершенно иная. Нам требуется производить не рейды, а форсированным темпом преследовать бегущего противника нашими конными массами и авиацией, которая помогла бы коннице деморализовать его ¹. Так, значит, — обратился главком ко мне, — вы хотите на фронт?

— Да, Сергей Сергеевич, — ответил я, — вы знаете, что у меня на эту тему и раньше был с вами разговор.

— Нельзя было вас раньше освободить. Тула такой пункт, где нам нужны были люди. Ну а теперь поезжайте. Кстати, вы во-время подали мысль о сформировании армии из укрепленного района. У нас сейчас на фронте не действует вто-

¹ Идея комбинированных действий — конницы с выдвинутой вперед от общей линии фронта пехотой была осуществлена Буденным при движении от Касторной к Ростову.

рая армия, превратившись в штаб юго-восточного фронта.

— Я предлагаю превратить Тульский укрепленный район и губвоенкомат во вторую армию.

— Да, и губвоенкомат, — рассмеялся главком. — Вы влюблены в ваш губвоенкомат. Итак, штаб укрепленного района и губвоенкомат, — продолжал главком, — превратить в штаб второй армии. Я дам распоряжение придать вам несколько дивизий и вы будете действовать в направлении на Царицын между 10-й и 9-й армиями. В этом месте нам как-раз недостает армейского аппарата. Сколько времени вам надо, чтобы собраться для выезда?

— Недели две.

— Недели две?! — вслух подумал главком. — Что же, срок, пожалуй, терпимый. Я даже могу пойти на то, чтобы дать вам и дней 20 с расчетом, чтобы вы к 15 декабря могли уже выбраться из Тулы, а 25-го быть на станции Серебряково. Ну, что же, так и решим? — обратился он к присутствующим. — Штаб Тульского укрепленного района и губвоенкомат переформировать во 2-ю армию. Через 20 дней вы выступаете. На случай всяких могущих быть неожиданностей все же Тульский укрепленный район я закрывать не стану. Функции коменданта укрепленного района можно будет передать.

Главком позвонил. Вошедшему ад'ютанту он

об а
что
арми
жет
цей.
поле
ходо
в ба
возм
меся
я о
нови
дит
дов
мас
дем
гла
—
зна
вам
—
так
теп
мы
рай

приказал пригласить начальника оперативного укрепления тов. Шапошникова.

— Вы меня звали, Сергей Сергеевич?

— Да, Борис Михайлович, вот что. Мы Тульский укрепленный район переформируем во вторую армию, но самый укрепленный район Тулы мне бросать не хочется. Неизвестно, что может случиться. Я думаю перевести в Тулу из Сызрани дивизию Акулова. Пусть Алексей Иванович займется продолжением формирования своей дивизии и одновременно выполняет функции коменданта укрепленного района. Как вы на это смотрите?

— Мысль хорошая, Сергей Сергеевич.

— Так вот, голубчик, набросайте распоряжение и дайте мне на подпись.

Через полчаса мы имели постановление Реввоенсовета. Комендантом второй армии назначался комендант укрепленного района Артамонов, а членами Реввоенсовета армии—Межлаук, я и Каминский.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

	<i>Стр.</i>
Глава I. Строительство Красной армии	5
» II. Новый губвоенкомат	23
» III. Отряд-завесы	43
» IV. В Москве	63
» V. Создание комячеек	74
» VI. Конфликт с Панюшкиным	82
» VII. Комиссары	90
» VIII. Кулацкое восстание	104
» IX. Организационный под'ем	116
» X. На военном положении	130
» XI. Меншевистская вылазка	135

Часть вторая

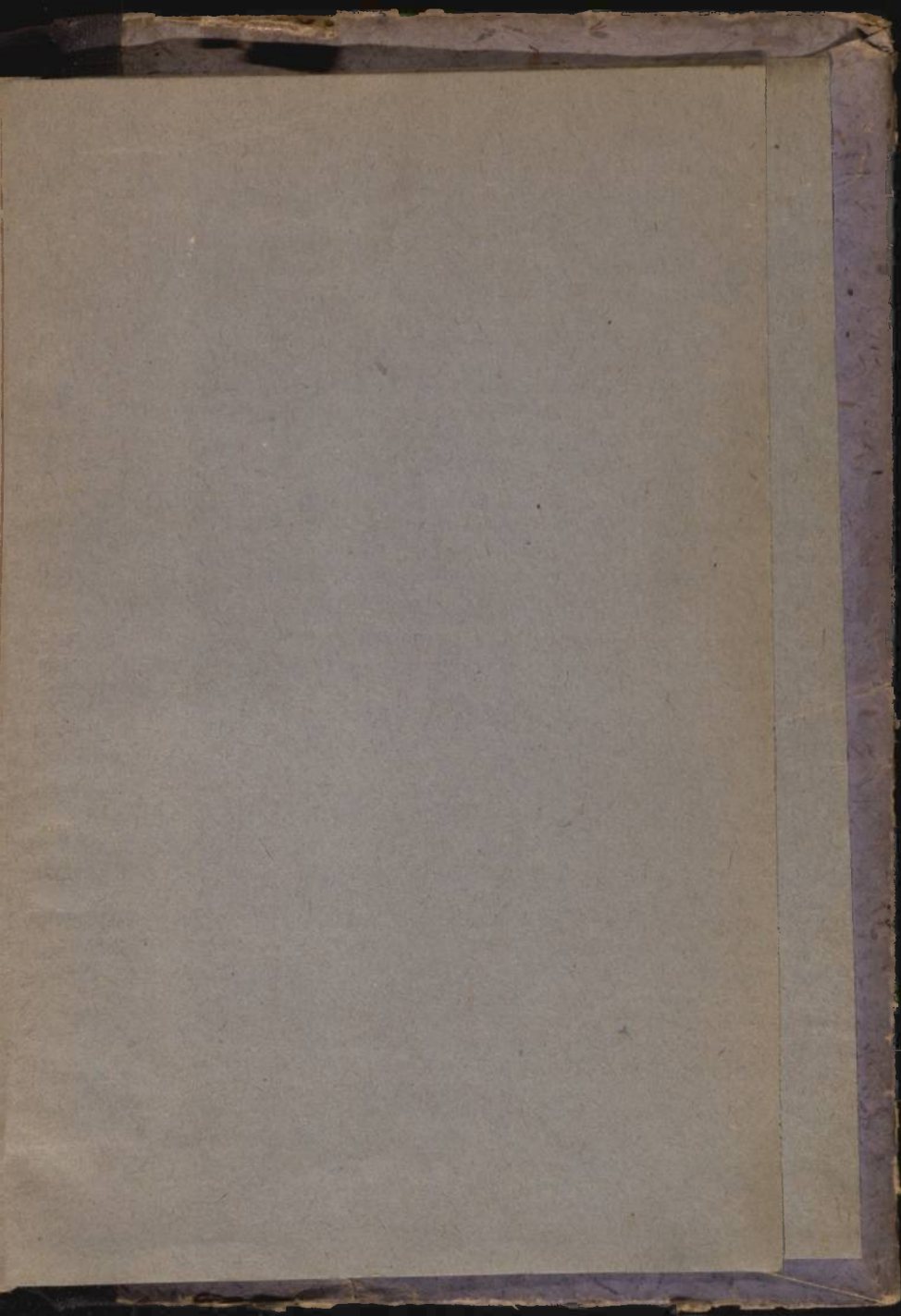
День военкома	151
-------------------------	-----

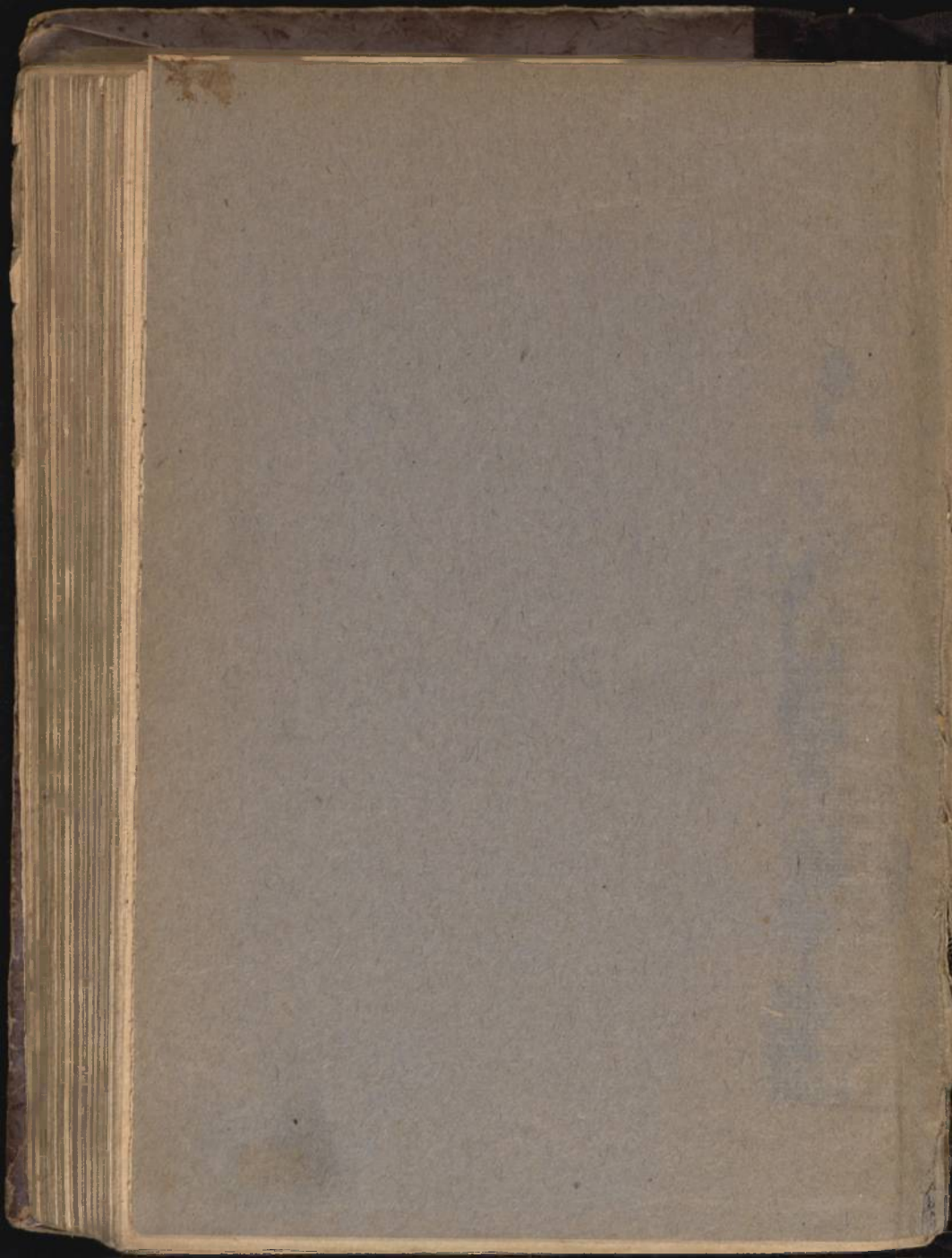
Часть третья

Глава I. Тула — укрепленный район	177
» II. Налет Мамонтова	194
» III. Новый военный совет	208
» IV. Буденовка	220
» V. Дальнейшие формирования	227
» VI. Письмо Ленина	235

	<i>Стр.</i>
Глава VII. Формирование бригад	246
» VIII. Полк имени Красной Тулы	250
» IX. Победы Красной армии	260
» X. На фронт	266

44 X

0-30k.